

Том Кенион, Джуди Сайон - Манускрипт Магдалины

Перевод: Александр Лузин

Часть 1. Манускрипт Магдалины

Во мне с детства воспитывали понимание магии. Мой отец был из Месопотамии, а мать – из Египта. Она молилась Изиде, чтобы та благословила ее ребенком. Этот ребенок – я. Меня знали под именем Мария Магдалина.

В возрасте 12-ти лет меня отправили в тайное сообщество Посвященных под крыльями Изиды. Меня обучали тайнам Египта, Алхимии Гора и культу Сексуальной Магии Изиды. Я встретила с тем, кого вы зовете Йешуа, когда уже прошла все стадии посвящения. Я была готова к встрече у колодца.

Евангелия называют меня шлюхой, потому что все Посвященные моего ордена носили на руке браслет в форме змеи; все знали, что мы практикуем сексуальную магию, и для иудеев мы были распутниками.

Когда я увидела Йешуа и наши взгляды встретились, я поняла, что мы предназначены друг для друга.

История, которую я вам расскажу, была известна только моим спутникам. Об этом есть множество легенд. Но я поведаю вам о глубочайшей любви, а не о новом видении, которое принес в мир Йешуа. Моя история – история любви.

Йешуа постоянно сопровождали люди, и нам крайне редко выпадала возможность побыть наедине.

В Евангелиях не сказано о том, что было известно лишь немногим близким нам людям. Незадолго до событий в Гефсиманском саду мы с Йешуа зачали ребенка. Нашей дочери дали имя Сар'х.

То, что я собираюсь рассказать, покажется вам невероятным.

Я помню тростники в Мари-де-ля-Мер, хотя тогда это место, конечно, называлось иначе. Там наша лодка причалила к берегу. Сар'х была еще очень маленькой, ей не исполнилось и года. Вспоминая недавние события, я разрывалась от горя и изумления.

Я присутствовала при распятии Йешуа. Я видела его в гробнице. Я пеленала тело Йешуа вместе с его матерью. Я навсегда запомнила запах мирра – это одно из благовоний, которыми мы пользовались.

Йешуа явился мне в ярком сиянии. Я не поверила своим глазам и прикоснулась к его ранам. Его ученики завидовали, что он пришел ко мне первой.

Было странно осознавать, что мой возлюбленный перешел в другой мир, в то время как мы с дочерью пересекали Средиземное море в одиночестве. В Египте, куда мы сначала ушли, стало небезопасно, и нам пришлось снова пуститься в путь.

Мы высадились в дикой местности, которая позже стала называться Францией. Там нас встретили жрицы культа Изиды. Затем мы отправились на север, под защиту друидов, которые услышали призыв Изиды защитить ее дочь, Сар'х. Мы пересекли еще одно большое водное пространство, направляясь в страну, позже названную Англией.

Нас спрятали в самом святом для друидов месте, на Гластонбери-Тор. Хотя в Англии было безопаснее, чем в Израиле или Египте, влияние Рима ощущалось и там, поэтому нам приходилось скрываться.

Мы жили в этом районе много лет. Сар'х вышла замуж за человека, чьи потомки стали рыцарями-тамплиерами. Я же отправилась на север, в Уэльс, и жила на берегу моря до конца своих дней.

В те годы, когда я жила одна у моря, Йешуа часто навещал меня. Конечно, теперь его тело было, скорее, энергией и светом, а не плотью; и все же было восхитительно снова быть с ним.

Когда я умирала, он был со мной и взял меня в тот край, который многие называют раем, но на самом деле это просто место в душе.

Я начинаю свой рассказ со встречи у колодца, потому что моя жизнь во многом по-настоящему началась именно там. Все предшествовавшие годы были лишь подготовкой к этой встрече.

Тем утром я ощутила волнение, восторг – дрожь в руках и ногах – еще до того, как мы встретились. Когда он подошел к колодцу, я уже опустила свой кувшин в воду, и он помог мне его достать. Увидев мой золотой браслет в форме змеи, некоторые апостолы решили, что я шлюха, и поразились тому, что Мастер помогает такой женщине.

Но меня это не задело. Глаза Йешуа перенесли меня в иной мир. Когда наши взгляды встретились, мне показалось, что я смотрю в вечность, и я поняла, что он – тот, для кого меня готовили; то же понял и он.

Я шла следом за толпой его учеников. Вечерами мы с Йешуа оставались вдвоем; не каждый вечер, потому что в нем постоянно нуждались.

Те, у кого я обучалась Алхимии Гора и Сексуальной Магии Изида, считали меня продвинутой ученицей. Но в первый раз в объятиях Йешуа я ощутила себя всего лишь трепещущей женщиной, и мне нелегко было найти путь сквозь страсть к высочайшему трону, хотя именно этому меня обучали.

Техники, которым обучали меня, а также методы, которым Йешуа обучился в Египте, помогли нам зарядить его Ка (энергетическое тело) большим светом и большей силой, что облегчало ему работу с теми, кто приходил к нему.

Евангельские упоминания о том, что я была у колодца, когда пришел Йешуа, вызывают у меня улыбку, ведь в те ночи, когда мы с ним были наедине, он приходил к моему «колодцу», чтобы почерпнуть из него мощь Изида и обрести дополнительные силы.

Теперь все это кажется сном, и тем не менее воспоминания по-прежнему яркие и чисты. Когда я говорю об этом, мое сердце трепещет, как будто все было вчера. Я помню первую ночь с Йешуа так же ясно, как небо над Иерусалимом.

Преодолев в себе желания женщины и поднявшись на уровень духовной алхимии, я увидела духовную форму Йешуа, уже ярко сияющую светом.

Над его головой был голубь, золотые лучи света изливались из него. В его духовной форме сияли печати Соломона, Хатор, Изида, Анубиса и Озириса. То были знаки пройденных им стадий посвящения. Там были и другие непонятные для меня символы, принадлежащие культурам, о которых я ничего не знала и которым не обучалась; но, судя по известным мне египетским печатям, он был на пути Верховного Бога Гора.

Но он еще не прошел инициацию через смерть, и мое трепещущее сердце знало, что мне предназначено усилить его душу мощью Изида и Космической Матери, чтобы он смог пройти через портал тьмы и достичь Гора.

После того, как мы впервые занимались любовью, смешивая энергии наших духовных тел, между нами начался алхимический процесс, и Йешуа задремал. Держа его в своих объятиях, я ощутила желание защитить его, всегда быть с ним – и холодную уверенность, что нас разлучат силы во много раз сильнее моего желания.

Церковь называет меня шлюхой, но я скажу вам, что как раз церковь – шлюха, ведь она стремится убедить вас, что женщина нечиста, а сексуальное влечение между мужчиной и женщиной - зло. Но именно магнетизм страсти – это колыбель вознесения.

Эта тайна тайн была известна всем Посвященным Изида. Однако я никогда не думала, что именно мне предстоит полностью выразить это в союзе с Йешуа.

Это было путешествие моего духа и сердца.

Но для тех, кто хочет узнать о физическом путешествии... После распятия Йешуа мы с его матерью Марией, еще двумя молодыми женщинами, Иосифом из Аримафеи и его 12-летним сыном Аароном отправились в путь из Северного Египта.

Наш путь отклонился к востоку, прежде чем мы смогли повернуть на запад, а так как наша лодка была очень мала, нам пришлось останавливаться и запасаться провиантом. Мы посетили Мальту, маленький островок Оудиш, Сардинию и земли, известные вам как Чинкве Терра. Наконец мы высадились в Сен-Мари-де-ля-Мер и отправились через Рене-ле-Шато в северную Францию и далее через пролив в страну, теперь называемую Англией. Там мы жили в Гластонбери, пока Сар'х не исполнилось 12 лет.

На ее двенадцатилетие мы вернулись к тому месту среди тростников, где когда-то высадились. Так как для нас было небезопасно вернуться в Египет, я была вынуждена посвятить свою дочь в культ Изида в этом месте и искупала ее в водах Средиземного моря, следуя данным мне наставлениям.

Затем мы вернулись в Гластонбери. В 16 лет наша с Йешуа дочь вышла замуж за человека из известной семьи, потомки которой стали тамплиерами.

Кровь этой семьи была унаследована тамплиерами. Когда Сар'х вышла замуж и обрела уверенность, я отправилась на север, в Уэльс, и жила там в маленьком каменном домике до конца своих дней.

За моим домиком был ручей, стекавший с холма. Я много дней просидела в том месте, где он расходился на два рукава. Два потока текли рядом, а затем один уходил направо, а другой налево. Я сидела между ними, размышляя о потоке моей жизни и потоке жизни Йешуа – о том, что наши жизни недолго текли вместе, а потом разошлись.

Я навсегда запомню, как Йешуа явился мне после воскресения в первый раз.

Было новолуние, небо было чистым. Легкий туман лежал на вересковой пустоши, и все было серебряным от света луны и звезд. Я увидела фигуру, приближающуюся ко мне по тропинке, которая вела к моему домику.

Он пришел, как раз когда я вышла набрать воды из колодца. Он выглядел так же, как раньше, но излучал явственно видимый свет! Мои глаза наполнились слезами; мое сердце затрепетало.

Я побежала к нему, но остановилась, вспомнив слова, которые он сказал мне сразу после воскресения.

– Пока не прикасайся ко мне, – сказал он, – ибо я еще не восшел к Отцу.

О, как я, Посвященная Изида, все эти годы мечтала сказать об этом всю правду!

Что он имел в виду под этими словами? Ведь христиане унаследовали только часть правды. Большая же ее часть сокрыта в мистериях Великой Матери; а поскольку церковь стремилась дискредитировать женское начало, она это скрыла.

А правда связана с самим телом Ка, которое мы, как Посвященные, называли эфирным или духовным двойником (потому что тело Ка, будучи заряжено достаточным количеством жизненной энергии, выглядит как физическое тело). Но, в отличие от физического тела, тело Ка состоит не из плоти, а из энергии и света.

Когда Йешуа явился мне сразу после воскресения, он был в своем Ка, но оно еще было энергетически нестабильным, потому что он еще не взошел к Отцу – то есть к Великому Духу своей собственной души. Для того чтобы это сделать, он должен был преодолеть портал смерти и пройти сквозь преисподнюю своего существа.

Как я понимаю, он сделал это по двум причинам. Первая – великой душе такое свершение дает огромную силу Ка. Вторая – проложить путь через саму смерть, чтобы другие, следуя за его светом, могли легче пройти сквозь тьму.

В ту первую ночь, когда мы вновь встретились – я чувствую это сейчас, все так же живо, чисто и сильно – мое сердце наполнилось радостью от того, что я снова с ним. Он пришел ко мне перед полночью, а ушел перед рассветом. В эти часы мы лежали вместе, наши тела Ка снова переплетались, и нам не было нужды говорить. Мы общались телепатически. Даже без физического полового акта наши Змеинные Силы, соединившись, поднялись вверх по священному пути в наших позвоночниках к трону короны на наших головах, что вызвало у меня экстаз и блаженство.

Он приходил ко мне таким образом несколько раз в год в течение многих лет. Иногда мы разговаривали. Большую часть времени мы просто были вместе.

Я спросила его, где он бывает в промежутках между нашими встречами. Он ответил, что посещает святые места по всей земле и встречается с разными народами, прокладывая тропу света.

Во время одного из его визитов я попросила объяснить это довольно странное понятие.

Йешуа нарисовал на земляном полу моего домика круг, а потом фигуру из двух взаимопересекающихся треугольников, составляющих Печать Соломона или Звезду Давида. Он сказал, что есть много земель, о которых нам ничего не известно. В тех краях есть места, соответствующие точкам Печати Соломона. Посещая их, он делал так, чтобы его духовная работа наполнила ткань этого мира.

Из всех визитов Йешуа я ярче всего помню тот раз, когда его посещение совпало с приходом Сар'х.

Она забеременела и хотела меня видеть, чтобы получить благословение. Я была очень рада видеть ее и ее спутников. Сар'х послала мне весть о своем визите через друидов, но их сообщение пришло ко мне только за день до ее приезда. Она гостила у меня три дня. На вторую ночь появился Йешуа.

Не знаю, поймете ли вы, как странно это было. Ведь Сар'х никогда не видела своего Отца, а Йешуа – свою дочь. И вот они впервые встретились! Но физическое тело ее отца исчезло во вспышке света в момент воскресения, и теперь он был в своем теле Ка, которое излучало явственно видимый свет.

Они оба были тронуты: Сар'х до слез, а Йешуа – до великого восторга. Они провели час наедине, гуляя на улице. Я не знаю, о чем они говорили. Но от начала их разговора и до конца небо было полно падающими звездами.

Перед рассветом, прежде чем уйти, Йешуа положил руки на живот Сар'х и благословил дитя. Сар'х уехала на следующий день, наполненная ощущением покоя.

Итак, я сказала вам все, что хотела сказать о своей жизни как матери, а теперь я расскажу о себе как о Посвященной, об Алхимии Гора и о тайнах Изида.

Теперь я расскажу о моей возлюбленной духовной сестре, Матери Йешуа, известной также под именем Марии.

Мария также была Посвященной Кюльта Изида и воспитывалась в Египте. Вот почему, спасаясь от царского гнева, грозившего им в Израиле, они с Иосифом скрылись в Египте: там они были в безопасности среди Жриц и Жрецов Изида.

Обучение Марии отличалось от моего, и все же мы служили одной цели. Чтобы объяснить вам, кем была для меня Мария, я должна раскрыть одну из величайших тайн Кюльта Изида. Считалось (и я с этим согласна), что при определенных обстоятельствах сама Богиня может воплотиться в женщину через рождение либо через духовное посвящение.

Мария, мать Йешуа, в очень юном возрасте была признана великими Жрицами Храмов Изида за чистоту своего духа. Она обучалась как Посвященная и достигла высочайших уровней. Но ей предназначено было стать Воплощением Богини, а не Жрицей.

Для того чтобы стать Воплощением Богини, нужно быть продвинутой душой, так как это требует сложнейших духовных тренировок и дисциплины. На последней ступени посвящения Мария стала хранительницей потока энергии, идущего напрямую от самой Изида. В этом смысле она была воплощением Космической Матери. Как будто их было две: Мария-человек, чистая духом и сердцем, хранила внутри себя прямой портал к Великой Матери, сотворившей всю материю, все время и пространство.

Фигурально выражаясь, так был накрыт стол для зачатия существа с замечательными качествами – ее сына Йешуа.

С точки зрения Кюльта Изида, во время процесса, который церковь называет Непорочным Зачатием, Мария стала свидетельницей Божественного и галактического оплодотворения, когда Отцовское Начало, или Дух, помещает свое семя в Мать – Изиду (Материю, принимающую импульс Духа). Эта тонкая и мощная духовная энергия сконцентрировалась в утробе Марии и дала жизнь Йешуа.

Когда апостолы подошли ко мне у колодца, Мария была среди них. Она узнала во мне Посвященную Изида по золотому браслету в форме змеи, а будучи ясновидящей, увидела также Печать Изида, светившуюся в моем теле Ка.

Сначала я взглянула в глаза Йешуа, и, как я уже сказала, его мощное присутствие перенесло меня в иные миры. Затем я посмотрела в глаза его матери. В ее взгляде я прочла, что она признала во мне Посвященную Кюльта Изида. Хотя Мария и не обучалась Сексуальной Магии, она поняла, что меня готовили для Йешуа.

С этими двумя я летела на крыльях трансцендентной любви, ощущая, как воспаряет мой дух.

Однако, взглянув в глаза учеников Йешуа, я увидела в них осуждение. Они считали меня шлюхой (как и бесчисленные поколения после них).

Но я говорю вам, что для Йешуа и его матери я была не шлюхой, но чистым сосудом целительной и питательной энергии самой Изида.

В жизни мужчины – не важно, человека или бога – наступает момент, когда мать уже не может давать ему то, что ему нужно. Ее любовь не исчезает, но ему необходима энергетическая поддержка другой женщины. Я была такой женщиной.

Там, у колодца, Мария признала меня и передала мне своего сына.

Мы с Марией проводили много времени вместе, обсуждая работу Йешуа, его потребности и мое место в его жизни. Мы обе знали, что я служу более высокой цели. Несмотря на то, что меня к этому готовили, это знание поражало меня. Я все еще трепещу, думая об этом.

Проводя дни и ночи в заботах о нуждах Йешуа и его учеников, мы с Марией стали очень близки. Я полюбила ее, и все еще люблю – за физическую красоту, за чистоту ее сердца и духа и за нежность, с которой она относилась к миру.

Я могу сказать, что Мария, служившая сосудом Изида, как Воплощение Богини, уже была высокоразвитым Мастером. А после такого служения ее мастерство и духовное совершенство просто ошеломляют.

Мария обитает в божественных мирах, и ее сострадание и любовь постоянно изливаются на всех. Она доступна всем людям, вне зависимости от их веры. Когда вы призываете ее, знайте – она слышит вас.

Далее хочу поговорить о Сексуальной Магии Кюльта Изида и об Алхимии Гора и раскрыть тайны, которые Посвященный раньше не раскрыл бы даже под угрозой смерти. Но теперь другие времена.

Время, как вы его знаете, близится к концу, и я получила разрешение Богини (Богиня сама попросила меня) раскрыть вам некоторые из наиболее строго хранимых тайн в надежде, что вы сможете вовремя расширить свое сознание.

Алхимия Гора – это методы изменения тела Ка. Когда Ка обретает большую энергию и свет, магнитное поле Посвященного усиливается, и то, чего он желает, происходит скорее.

Однако когда человек полностью отдается своей Божественной Душе (Ба), погоня за личными желаниями если не прекращается, то более не является смыслом всего существования. Вместо этого человек стремится развить более высокие качества своего я, следуя наставлениям Ба (Божественной Души).

Божественная Душа (Ба) существует на гораздо более высоком вибрационном уровне, чем физическое тело (Кхат) или Ка (духовный или эфирный двойник физической формы). В теле Ка есть каналы, которые можно стимулировать и раскрыть. Развитие этих тайных путей в Ка усиливает его. Алхимия Гора предназначена для их усиления, для активизации

потенциала Посвященного через Джед (восходящие семь печатей, то - что йоги и йогини Индии называют чакрами).

Нас, Посвященных, учили активизировать Змеиную Силу, направляя ее по энергетическим путям в позвоночнике и раскрывая определенные области мозга. Это создавало так называемый Урей.

Урей – пламя, часто голубого цвета, вертикально и горизонтально распространяющееся по каналам в позвоночнике и мозге. Оно волнообразно колеблется, следуя изменениям энергии в этих каналах. Активизация Урея усиливает потенциал мозга во всем, что касается логики, творчества и, что важнее всего – восприимчивости, поскольку задача Посвященного – это изменение качества его существа, чтобы контакт с Ба (Божественной Душой) был чистым и свободным.

Когда я впервые встретила Йешуа у колодца, его близость активизировала мою внутреннюю Алхимию. Змеиная Сила поднялась по моему позвоночнику, как если бы я использовала практики, которым училась.

Той ночью, когда мы впервые остались наедине, мы практиковали Сексуальную Магию Изиды. Эта форма магии заряжает тело Ка огромной магнитной силой через мощь оргазма, так как во время оргазма в клетках тела происходит огромный выброс энергии. По мере распространения эта энергия высвобождает магнитный потенциал, который можно использовать.

Я хочу рассказать об этом подробнее, но для этого необходимо дать вам базисное понимание секса и духовного осознания, так как церковь скрывает от вас эту тайну.

Соединяясь с Йешуа, я, как Посвященная Изиды, должна была открыть в себе некоторые каналы. Меня поразило то, что многие из этих каналов спонтанно раскрывались в его присутствии. В начале своего рассказа я упомянула, что трепетала как женщина, и была вынуждена бороться со своими страстями и желаниями, поскольку путь Посвященного – определенным образом использовать энергию страсти, а не просто позволять ей нести себя. Алхимия требует сдерживать энергию, чтобы ее можно было трансформировать.

Очень быстро мы с Йешуа достигли состояния, известного как «Четыре Змеи». Это происходит, когда оба партнера владеют внутренней Алхимией Гора и могут активизировать Солнечную и Лунную Змею в своем позвоночнике.

Ясновидящие знают, что существует центральный канал, идущий вверх по спине. Слева от него находится Лунная Цепь, а справа – Солнечная, которые йоги и йогини называют Ида и Пингала.

В Алхимии Гора человек заставляет эти две цепи активизироваться при помощи магнитных полей, подобных змеям.

Лунная Змея слева абсолютно черная, цвета Пустоты; она является воплощением самой Пустоты и содержит в себе потенциал Богини, Матери всего сущего.

Солнечная Змея – золотая.

Посвященный заставляет эти Две Змеи подняться вверх. Поднимаясь, они проходят через чакры и пересекаются. В Алхимии Гора эти Две Змеи пересекаются в пятой печати (в горле), и всех печатях ниже горла.

После этого они оказываются одна напротив другой примерно там, где находится шишковидная железа – в центре головы. Здесь Посвященный представляет себе чашу с шишковидной железой на дне.

Эти Две Змеи не статичны, они вибрируют и искрятся. Энергия колеблет их, и извивы их тел в Ка вызывают усиление магнитного потенциала.

Далее я поговорю о других связанных с ними практиках, а сейчас я хочу обратиться к практике Четырех Змей.

Занимаясь любовью, мы с Йешуа одновременно поднимали Двух Змей вверх по позвоночнику, по каналу Джед. При одновременном оргазме разряд, высвобождаемый из первых печатей в области таза, поднимался к Трону, то есть в верхнюю часть головы, стимулируя высшие центры мозга.

В то же время в момент сексуального экстаза мы полностью переносили свое внимание на наши тела Ка, так как экстаз усиливает Ка. Состояние экстаза питает и усиливает тело Ка, и, как я уже говорила, усиленное Ка становится более мощным магнитом, притягивая к Посвященному то, чего он или она хочет.

Сексуальная Магия Изида строится на врожденной способности женского существа использовать магнетические энергии для раскрытия более глубоких уровней сознания, подчиняя себя силе сексуальной энергии.

Когда женщина ощущает себя глубоко любимой и уважаемой (как я была любима и уважаема Йешуа), что-то высвобождается на самых глубоких уровнях ее существа, и в момент оргазма возникает неконтролируемая дрожь. Если женщина, чувствуя себя в безопасности, позволяет этой дрожи, этому трепету, овладеть ей, то открывается огромная магнитная воронка, центр которой находится в матке.

Двое Посвященных, практикующих Сексуальную Магию Изида, могут усилить свои Ка и быстро расширить свое сознание через силу этого магнитного поля.

В продвинутых практиках Сексуальной Магии Изида Посвященный-мужчина заставляет обе свои Змеи подняться по телу Ка женщины, а женщина заставляет свои Две Змеи подняться по телу Ка мужчины. Сила этой практики подобна энергии, высвобождаемой атомной бомбой. Огромные магнитные «приливные волны» могут невероятно усилить Ка – или уничтожить его, если поступить с ними неверно.

Именно такой продвинутой практикой Ка Йешуа занимался той ночью перед Гефсиманским Садам. Это мощное усиление магнитного потенциала Ка дало ему силы для предстоящих трудностей и для выполнения задачи, представшей перед ним при инициации через портал смерти. Благодаря этому, его физическое тело вернулось к составлявшим его элементам во вспышке света (церковь называет это Воскресением). Но то был результат процесса, происходившего глубоко внутри него. Это было вызвано магнетизмом его тела Ка,

так как именно при помощи мощно заряженного Ка он смог пройти через свою личную преисподнюю, через саму смерть.

Практикуя Сексуальную Магию Изиды, мы с Йешуа понимали, что это и есть наша цель.

Для Йешуа каждое соединение со мной было средством усиления его Ка. Вот почему я сказала ранее, что он приходил к моему «колодцу», ведь «колодец», который Посвященная предлагает мужчине – это бесконечный магнитный потенциал. Но он открывается только когда женщина чувствует себя любимой и в безопасности. Только тогда эти практики будут действенны. Потому что без опеки и любви эти практики становятся просто техниками и не дают желаемых результатов.

Но я была и женщиной, и Посвященной. Я годами училась и знала, что делать с этими каналами. Но меня удивило, что я была захвачена страстью как женщина.

Я заметила, что ожидаю каждого взгляда и прикосновения Йешуа, и то время, которое мы проводили наедине, было самым ценным в моей жизни. Его прикосновение, ощущение его, заставляло что-то внутри меня раскрыться, и иногда мне хотелось смеяться над собой.

Я, которую обучали тайным практикам Сексуальной Магии Изиды, которую Жрицы считали очень продвинутой ученицей – эта Повсященная – оказалась начинающей в присутствии женщины.

Знайте: в сердце, в сознании и мудрости тела женщины лежат некоторые из величайших тайн и мощнейших сил – и они ждут, чтобы их открыли.

И все это раскрывается при прикосновении мужчины!

Когда я говорю о Йешуа, я переполняюсь любовью и чувствами, которые я питаю к нему во все времена.

Сексуальная Магия Изиды основана на знании, что женский принцип содержит в своей сексуальной природе алхимический ключ. Этот алхимический ключ проявляется во время занятий любовью – во время полового акта. Когда он активизируется достаточно сильно, Алхимия Гора происходит спонтанно.

Меня учили, что, говоря алхимически, есть два пути к достижению одной цели.

Алхимия Гора была основой обеих практик, поскольку использовались те же каналы. Тем, кто не хотел вступать в партнерство, Алхимия Гора была средством усиления и активизации тела Ка до уровней Высоких Инициаций.

Тем же, кто вступал в партнерство, Сексуальная Магия Изиды давала крылья, при помощи которых они могли подниматься по Джед и входить в Трон Высшего Сознания.

То, что церковь очернила тайны и святость нашей сексуальной природы – великая трагедия. Почти две тысячи лет самый динамичный и один из самых быстрых путей к Пониманию Бога считался злом. К сожалению, церковь назвала его греховным – и отпугнула тех, кто мог бы случайно его обнаружить.

Хотя многим чудеса, сотворенные Йешуа, кажутся необыкновенными, для Посвященного это естественные проявления потенциала сознания. Они - знак. Чудеса не происходят просто так, и я хочу рассказать об этом с точки зрения знания, которым владели мы с Йешуа.

Когда я встретила Йешуа, он уже творил чудеса.

Я должна была помочь ему усилить его Ка для последней Инициации через портал смерти – посвящения Великого Бога Гора. Как я уже говорила, для этого мы практиковали Сексуальную Магию Изиды и Алхимию Гора.

Из всех чудес, которые Йешуа сотворил у меня на глазах, мне дороже всего чудо хлебов и рыб.

Тот день был очень долгим и жарким. Апостолы, Мария и я, как всегда, следовали за Мастером. Собралась очень большая толпа, внимательно слушавшая каждое слово Йешуа. Мы все были захвачены его видением мира и поражены выразительностью его речи.

Казалось, на несколько часов мы перенеслись прямо в рай, и я заметила, что Ка Йешуа увеличилось, чтобы включить в себя всех присутствовавших. Для меня это был еще один знак.

Когда он закончил говорить, день уже клонился к вечеру, и, исполнившись сострадания к внимающим ему людям, понимая, что дорога домой займет у них много времени, он попросил собрать и разделить еду.

Ученики, Мария и я, а также некоторые люди из толпы, начали собирать еду.

Но когда все было собрано, оказалось, что этого на всех не хватит: у нас было лишь несколько рыбок и маленьких хлебов.

И тогда я стала свидетельницей примечательного события.

Йешуа погрузился в себя и закрыл глаза. Я ощущала напряженность его молитвы, хотя и не слышала слов. Я увидела поток света, шедший по всей высоте его Джед, от основания позвоночника к макушке головы, направленный вверх через корону, в Ба, Божественную Душу. Вскоре энергия опустилась, как будто в ответ на его просьбу; он простер руки над двумя небольшими корзинами и начал раздавать хлеба и рыбы, разламывая их на куски и оделяя каждого из присутствующих.

Это было замечательно; более тысячи человек были накормлены, а хлеба и рыбы не кончались. Накормив толпу, Йешуа дал еду и своим ученикам, Марии и мне. Этот хлеб был самым сладким, а рыбы – самыми вкусными, какие мне доводилось пробовать.

Чудеса естественны для Мастера такого уровня как Йешуа, и с точки зрения Посвященного их может творить любой, кто совершает необходимые практики.

Йешуа часто говорил: «Я и мой Отец едины». Позже эта фраза была неверно истолкована. С точки зрения Посвященного «Отец» – это просто другое название Духа. Этим Йешуа отмечал, что он слился со своим Духом, а именно так совершаются чудеса.

Он постоянно колебался между двумя идеями, которые Евангелия впоследствии истолковали по-своему.

Йешуа иногда говорил: «Я и мой Отец едины». А в другой раз он говорил: «Без моего Отца я ничего не могу». Так бывает в процессе Посвящения, когда Посвященный колеблется между убежденностью в своей связи с Духовным Источником и состоянием, когда он понимает, что он – ничто, и ничего не может без Духа.

Одно состояние ума несет в себе ощущение всемогущества, а другое – ощущение беспомощности. Посвященный должен пройти между ними. То, что Йешуа несколько раз использовал эти фразы, означало для меня как Посвященной, что он столкнулся с этим парадоксом.

С этим парадоксом в сознании он жил до Гефсиманского Сада. Перед уходом в Сад он пришел ко мне, и мы практиковали Четыре Змеи в последний раз. Наше свидание было насыщенным, ибо мы оба знали, что час близится.

Сила, высвобожденная этой практикой при нашем последнем свидании, мощно зарядила тело Ка Йешуа, и оно засияло убеждением, которое он сохранил до последних минут своей жизни, что позволило ему пройти сквозь смерть. Но до этого он часто проводил время... мне сложно подобрать верные слова... в чем-то вроде самопроверки.

Последователи Йешуа, называющие себя христианами, думают, что он уверенно шел вперед и всегда точно знал, в чем его предназначение и его миссия; что он никогда не сомневался. Но я, проводившая с ним ночи, говорю вам, что это не так.

То, что человек достиг мастерства, еще не значит, что он способен преодолеть сомнения, что они его не беспокоят.

Йешуа ощущал давление своей Божественной Души, что характерно для Посвященных. Ведь Посвященный – человек, со всеми присущими человеку качествами, но он все более соединяется со своей Божественной Душой, в конце концов становясь ее частью.

Ба, Божественная Душа – это голос Бога. Высший Посвященный действует, следуя Божественному слову. Но то, что Божественная Душа чиста, не значит, что и человек чист.

Йешуа видел в других людях потенциал Божественного Осознания и несколько раз говорил об этом. В Евангелиях упоминаются его слова: «Вы совершите более великие дела, чем я». Он понимал, что чудеса – это естественное проявление сознания, и что в процессе расширения сознания человечества чудеса станут обычным делом.

И в то же время он ясно видел ограниченность окружавших его людей – их ненависть, невежество и ханжество – и это глубоко беспокоило его. Мы проводили много времени, говоря об этом. Даже за несколько дней до Гефсиманского Сада Йешуа не был уверен, что обретет уверенность, необходимую для прохождения финальной Инициации.

Я не знаю, что произвело в нем такую перемену, но за несколько дней до Сада и нашего последнего совместного акта Инициации через Четыре Змеи на него снизошло глубокое чувство покоя, и он стал таким уверенным, каким я никогда его не видела.

После распятия Йешуа прошло почти две тысячи лет, но я все еще дрожу при мысли об этом. Очень странно быть одновременно Посвященной и Женщиной.

Я была рядом с Йешуа во время распятия, удерживая свое Ка в жаркой молитве – другими словами, я была непоколебима в своем намерении быть рядом с ним, когда он совершит переход в смерть. Это было для меня актом Инициации, требовавшим беспристрастности.

Такая задача была простой для Посвященной, но это разрывало сердце Женщины, любящей Йешуа как Мужчину. И я стояла на Голгофе, разрываясь между силой Посвященной и мучениями влюбленной Женщины, чей любимый страдает.

В этот момент я не думала об Инициации. Меня не интересовало, что Йешуа прокладывает тропу света через царство смерти для всех тех, кто последует за ним.

Я даже кричала на Изиду.

– Как ты смеешь! – сказала я.

Когда я больше не могла переносить страдания, Мария прикоснулась к моей руке. Я была одинока в своих муках и не заметила ее боли. Наши взгляды встретились, и мы плакали в объятиях друг друга. Она – по своему сыну, я – по своему возлюбленному.

В Евангелиях сказано, что сразу после смерти Йешуа произошло землетрясение, и я могу это подтвердить. Было похоже, что вся природа корчится в муках, и земля вздрогнула со злостью и яростью от того, что такой Мастер пострадал от рук таких же людей, как он.

Но таков парадокс жизни на земле.

Великая буря пронеслась над городом – я никогда не видела ветра такой силы. Небо наполнилось темными тучами и молниями, гром сотрясал все вокруг. Это ужасающее представление, казалось, будет длиться вечно, но оно, я думаю, заняло всего час или два.

У склепа мы с Марией омыли тело Йешуа в соответствии с еврейскими обычаями и традициями, запеленали его и покинули склеп. Мы сделали это в молчании. Единственным звуком были наши подавленные всхлипы.

Мне было странно, что он воскресил Лазаря, но не смог помочь самому себе.

Я не понимала, что он делает.

Но после воскресения, увидев его в теле Ка, сияющем и прекрасном как всегда, я это поняла.

Когда Посвященный становится Высшим Богом Гором, это значит, что он активизировал высочайший потенциал сознания в человеческой форме. Но традиционно это делалось только для самого себя. Йешуа же сделал это ради всего человечества. Это его наследие.

Но я утверждаю, что религия здесь ни при чем! Дело тут в физике и алхимии.

Учение Йешуа было простым: мы все Боги, во всех нас есть потенциал любить и исцелять. Сам он демонстрировал это наилучшим из доступных ему способов.

В ранние дни церкви (в сообществах, формировавшихся вокруг учений Йешуа) возник прекрасный ритуал. Желая ощутить его энергию или присутствие, люди делились хлебом и вином. Иногда в ритуале участвовали мужчины, а иногда женщины. Этот простой акт взаимной щедрости был в духе учений Йешуа, но с годами эта простота была утрачена, и только священники могли совершать этот обряд (названный Причастием). Я очень хорошо знала Йешуа и могу сказать вам, что он нашел бы это просто отвратительным.

Правда и сила учения Йешуа были извращены церковью, а тайны расширения сознания при помощи Священного Секса, как практиковали мы с Йешуа, были просто уничтожены.

Делясь своей историей, я осознаю, что только горстка людей поймет меня – но этого довольно.

Теперь я хочу поделиться с вами некоторыми тайнами Сексуальной Магии Изиды.

Как я уже говорила, достичь вершин сознания можно и в одиночку, без партнера; Алхимия Гора была создана, чтобы помочь Посвященному в этом процессе.

Однако тем, кто находится в партнерстве – в Священном Союзе – открывалась Сексуальная Магия Изиды. Я хочу обсудить некоторые ее аспекты.

Первый из них – это понимание, что в момент оргазма генерируются магнитные поля. На самом деле эти поля возникают во время так называемых «заигрываний» – при стимуляции чувств прикосновением. Эта стимуляция дает начало построению магнитных полей и крайне важна для алхимической практики Сексуальной Магии.

Есть несколько методов, доступных Посвященным, и я расскажу о некоторых из них. Но для практики необходимо понимание природы взаимодействия между двумя алхимическими элементами в мужчине и женщине.

На физическом уровне семя мужчины несет информацию о его генетической родословной, которая передается ребенку. Когда сперма соединяется с яйцеклеткой, возникает жизнь, а жизнь – это сложная взаимосвязь магнитных полей. У растущего в матке ребенка развиваются органы и системы, но на магнитном уровне они выглядят как сложные взаимосвязанные вибрационные и магнитные поля. Значит, сексуальный акт так или иначе создает новые магнитные схемы.

Посвященные, знакомые с алхимией, также используют сексуальную энергию для создания сложных магнитных полей – но эти поля не становятся новым существом,

ребенком. Они вплетаются в тела Ка самих Посвященных, усиливая и возвышая их. Это первое, что необходимо понять.

Задача Посвященного в системе, которой обучались мы с Йешуа – сделать тело Ка более сильным и избавиться от ограничений физической формы (Кхат).

Следующий уровень знаний связан с эмоциональной настройкой женщины-Посвященной, потому что ее восприимчивость зависит от эмоционального состояния. Это часть ее природы, и она не может быть обойдена, если вы хотите, чтобы эти техники были эффективны.

Женщине-Посвященной необходимо ощущение безопасности и любви, или, по меньшей мере, уважения. Когда оно есть, что-то внутри ее существа расслабляется и позволяет алхимии произойти.

Алхимический процесс происходит при соединении Ка мужчины-Посвященного и Ка женщины-Посвященной. Когда они занимаются любовью, их тела Ка взаимодействуют, и это помогает женщине открыть свой Магнитный Пол. Этот странный термин происходит из языка, используемого в Храмах Изиды.

Пол – это основание, на котором человек стоит. Когда мы хотим, чтобы что-то прочно стояло, мы ставим это на пол. Словом «пол» в Храмах обозначали самый необходимый элемент. Так что когда я говорю «Магнитный Пол женщины», я имею в виду фундаментальный элемент, без которого никак не обойтись.

Когда Посвященные занимаются любовью, в мозгу и в теле высвобождаются мощные химические вещества, которые переносят Посвященных из их обычного мира в иное пространство. Это еще более раскрывает магнитные поля и генерирует усиление магнетизма.

В момент оргазма мужчина-Посвященный может или эякулировать, или удержать сперму. Если он эякулирует (и все предыдущие условия были выполнены), в матке его партнерши происходит мгновенная реакция. Когда энергетическая квинтэссенция спермы соприкасается со стенками ее внутреннего святилища, происходит взрыв магнитной энергии – вращающиеся миры внутри миров. И чем более высокого уровня достигли оба Посвященных, тем мощнее будут магнитные энергии, высвобожденные при таком контакте сексуальных флюидов. Важно понять, что этот контакт создает сложные магнитные поля, которые как мужчина, так и женщина могут притянуть в свое энергетическое тело.

Иногда возникает феномен, при котором у женщины-Посвященной начинается бесконтрольная дрожь. Центром этой вибрации, как правило, является матка, которая вызывает каскады сотрясений в области таза. Это также создает очень сложные магнитные поля, которые оба Посвященных могут притянуть в свои энергетические тела.

Когда Посвященные поднимают Змеиные Силы по позвоночнику во время сексуального акта, Две Змеи, встречаясь, намагничивают чакры, усиливая соответствующие им способности и силы.

Это все, что мне разрешено сказать, поскольку эта практика может привести к значительному усилению способностей человека. Но я надеюсь, что вы сможете прочесть между строк, и если вы готовы к этой практике – вы поймете, как это делать.

Изучая Сексуальную Магию Изиды и Алхимию Гора, Посвященные тренировались выполнять основные упражнения Двух Змей.

Практикуя эти упражнения, Посвященный в одиночестве генерирует энергию через силу РА (внутреннего огня) для расширения сознания (для осознания сложных магнитных полей в своем теле), чтобы затем привнести их в Ка.

Я хочу рассказать об этом методе. Это основная практика и для тех, кто хочет делать эту работу в одиночестве, и для тех, кто хочет заниматься ей с партнером.

Основная практика требует, чтобы Посвященный сидел прямо и дышал ритмично и спокойно.

Затем Посвященный должен сконцентрировать свое внимание на основании позвоночника и вместе с дыханием поднимать Черную Змею слева, а Золотую Змею справа, вверх по позвоночнику.

Двигаясь вверх, к короне, Две Змеи перекрещиваются в каждой чакре. В этой практике Две Змеи доходят только до центра головы, до шишковидной железы.

Далее Посвященный должен, используя силу дыхания, направить энергию вдоха в Змей, а на выдохе вводить эту энергию глубже в змеиные тела, как бы оживляя их.

В результате, под влиянием силы дыхания и намерения Посвященного Змеи должны начать двигаться, извиваться.

В этот момент внутри головы нужно представить себе Чашу с Двумя Змеями, глядящими одна на другую над ее краем. Шишковидная железа должна находиться на дне Чаши.

Следующая стадия поднимает вверх энергию РА. Посвященный представляет себе живой шар огня, подобный солнцу, в солнечном сплетении, и с каждым выдохом повторяет про себя или напевает слово «РА». Это заставляет свет, огонь внутреннего РА активизироваться, и он спонтанно начинает подниматься вверх.

Этот свет и тепло двигаются вверх, проходя через центр Чаши между Двумя Змеями и далее к короне. Здесь возникает замечательный феномен.

С левой стороны короны нисходит энергия, похожая на жидкость, которая называется «Красные Змеиные Капли». С правой стороны короны в Чашу спускается другая похожая на жидкость энергия, называемая «Белые Змеиные Капли». Тепло и свет внутреннего РА заставляют корону выделять эти субстанции.

Красные Змеиные Капли связаны с биологической матерью Посвященного, а Белые – с отцом. Когда эти Капли смешиваются, это может вызвать несколько эффектов. Может возникнуть ощущение сладкого вкуса в гортани - то, что йоги и йогини называют Амритой,

а в Культе Изиды это называется «Родниковые Воды», ведь возникает ощущение, что они исходят из родника внутри головы. Когда Посвященный фокусируется на ощущении Родниковых Вод, возникает экстаз. Иногда Посвященный ощущает свет в своей голове. Если фокусироваться на этом свете, также возникает экстаз.

Иногда при смешении Красных и Белых Змеиных Капель экстаз возникает спонтанно. Этот экстаз – не важно, что его вызвало – необходим для алхимии, потому что экстаз – это питание для тела Ка.

Экстаз, как правило, остается в верхних центрах, поскольку в этой практике именно там он и возникает. Но в этом методе, сразу при возникновении экстаза Посвященный должен перенести свое сознание во все тело Ка. Это заставляет экстаз распространиться по всему физическому телу, Кхат, а затем его впитывает Ка, что усиливает и оживляет его.

Это основная практика.

У тех, кто практикует Сексуальную Магию Изиды в партнерстве, экстатические состояния возникают естественным путем. Те же, кто идет дорогой одиночек, должны самостоятельно вызывать в себе это состояние.

Однако обе практики требуют от Посвященных сосредоточить внимание на теле Ка во время экстаза, чтобы оно могло пропитаться магнитными полями, возникающими в эти моменты.

Мужчина-Посвященный, практикующий Сексуальную Магию Изиды, сталкивается с самыми большими испытаниями, потому что кажется, что она требует от него идти против своей природы. С алхимической точки зрения мужское начало – электрическое, в то время как женское – магнитное.

В природе электричества - двигаться и действовать, в то время как в природе магнетизма – покоиться, обволакивать.

В этой практике главное – усиление тела Ка через вплетение в него магнитных полей, возникающих при сексуальном акте. Сразу после оргазма магнитные поля, высвобождаемые женщиной-Посвященной, продолжают разворачиваться по спирали и циркулировать. В это время нужно отдохнуть, покоясь в этих магнитных полях. Однако мужчины склонны либо встать и начать что-то делать, либо заснуть.

Мужчина-Посвященный должен приучить себя покоиться, позволяя созданным магнитным полям по спирали проникнуть в его Ка и физическое тело.

Обычно этого не происходит, потому что у мужчин оргазм ограничен областью таза, и лишь в некоторых случаях распространяется дальше. Но у женщины-Посвященной оргазм распространяется через все тело и может продолжаться на разных уровнях интенсивности в течение нескольких часов, особенно если она может расслабиться и не мешать этому.

Некоторые мужчины-Посвященные волнуются, что изменяя себя, учась пребывать в покое, они теряют свою мужественность - но я могу вас уверить, что это вовсе не так.

Когда мужчина-Посвященный отдыхает, покаясь в магнитных полях, его тело Ка становится сильнее, а сексуальная энергия становится мощнее. Одна из задач мужчины-Посвященного – стать чувствительнее к новым уровням ощущения, чтобы вплести магнитные поля, высвобождаемые через секс, в свое физическое тело и Ка.

Термин «покоиться» не значит, что член мужчины должен оставаться внутри женщины. Это значит, что мужчина остается близко к женщине – прикасаясь, поглаживая, погружаясь в физические ощущения и эмоции после оргазма. Это может дать мужчине-Посвященному доступ к женским мистериям творения.

Еще одна важная деталь, которой должен уделить внимание мужчина-Посвященный – это Поклонение Возлюбленной.

Существуют признаки того, что алхимия Сексуальной Магии усиливается. Один из них – поклонение или обожание Возлюбленного.

Это происходит как у мужчины-Посвященного, так и у женщины. Когда Поклонение Возлюбленному возникает у обоих партнеров, алхимия и Сексуальная Магия усиливаются, ведь гармония и магнетизм, вызываемые этой эмоцией, способствуют магии.

Теперь я хочу поговорить о термине «магия».

Почему мы используем этот термин? Дело в том, что речь идет о превращении отдельного человека в Бога. Это – волшебство, которое символизирует бог Гор (наполовину человек, наполовину сокол). Через алхимические практики он возносится до уровня Высшего Бога Гора. Это значит, что человек достиг высочайших состояний сознания.

Сексуальная Магия Изиды – метод расширения сознания (что само по себе магия) – достигается через энергии и экстаз, возникающие во время секса.

Магия – это методы, помогающие человеку с усиленным Ка влиять на реальность различными способами, которые другим кажутся волшебными. Возьмем, к примеру, основную практику Алхимии Гора – поднятие Черной и Золотой Змей вверх по позвоночнику, создание Чаши, активизацию внутреннего огня РА и смешение Красных и Белых Змеиных Капель. Все это магические акты, акты намерения, акты личной и духовной воли. Вот почему это называется магией.

Вернувшись к парадоксу, с которым сталкивается мужчина-Посвященный, мы обнаружим, что его естество до определенной степени мешает ему в практике Сексуальной Магии. Когда Ка мужчины-Посвященного заряжено, он стремится действовать, что-то делать. Однако если он, переборов себя, сможет покоиться со своей Возлюбленной, он вместе с ней погрузится в магнетизм, созданный их любовью, их сексом, и зарядит свое Ка еще сильнее.

Есть еще одно препятствие, с которым сталкивается в этом процессе мужчина-Посвященный, мешающее ему раскрыть свою природу Гора. Мы в Храмах называем его «Помехи Для Полета». Это существующие взгляды, верования, эмоциональные привычки – то есть то, что вы называете психологическими проблемами. Только устранив это препятствие, Посвященный способен взлететь к более высоким состояниям сознания.

Именно здесь мужчину-Посвященного ждет сложный, требующий большого умения переход.

Мать вынашивает сына в своем чреве, а затем питает и защищает его. Но наступает момент, когда мальчик обретает независимость и способность действовать самостоятельно. В это время ему может казаться, что мать ограничивает его, мешает ему. И он как бы отталкивает мать, чтобы встретиться с миром лицом к лицу. На этой стадии между ними может даже начаться противостояние.

Мужчина-Посвященный может все еще нести в себе связанные с этим эмоции. В таком случае ему будет трудно расслабиться и покоиться в магнитных полях, ведь на психологическом уровне он воспринимает это как капитуляцию перед женщиной. Если у мужчины-Посвященного остались нерешенные проблемы с матерью, он может сознательно или неосознанно повторять их со своей партнершей.

Оба Посвященных, участвующих в Сексуальной Магии Изиды, должны понять, что отправляются в длительное путешествие, и что это, по природе своей, алхимический процесс, цель - превращение одной субстанции в другую. Этого добиваются путем выжигания шлаков (или негативности), чтобы осталась или возникла чистая субстанция.

Субстанции, трансформируемые в процессе Сексуальной Магии Изиды – это сексуальные выделения, гормоны, нейротрансмиттеры и другие, еще неизвестные вашей науке. Этот процесс включает в себя также изменение психологии участников.

По своей природе Сексуальная Магия Изиды ускоряет алхимический процесс. Жар возрастает, шлаки выгорают; то, что необходимо очистить, становится болезненно заметным.

Если человек не понимает, что это один из побочных эффектов алхимии, его может беспокоить то, что сложные психологические проблемы всплывают на поверхность. Но это один из результатов алхимии, ведь давление, возникающее при мощном алхимическом процессе, вызванном Сексуальной Магией Изиды, заставляет тело Ка выделять, выдавливать на поверхность все нечистоты и очищать себя ото всех Помех Для Полета.

У тех, кто занимается алхимией без партнера, Алхимия Гора также создает давление, выталкивающее все нечистое наружу. Но для них задача сложнее, потому что они должны сами прикладывать все усилия, чтобы поддерживать необходимый уровень энергии. Те, кто работает в паре, видят все свои достоинства и недостатки в своем партнере, как в зеркале; те же, кто практикует в одиночку, не имеют такой возможности. Однако и без этого можно обойтись.

Это основные знания, необходимые для практики Сексуальной Магии Изиды. На предыдущих страницах я открыла вам тайну веков, один из наиболее тщательно охраняемых секретов Храмов Изиды.

Этим практикам обучались только самые продвинутые.

Не важно, практикуете ли вы путь одиночек через Алхимию Гора или путь Священного Союза через Сексуальную Магию Изиды – вы вступаете на путь к раскрытию своей Божественной Природы.

Самое важное в этом путешествии – усиление Ка через экстатические состояния сознания. Не важно, создаются ли они самим человеком или возникают в время секса; Ка питается и усиливается экстатическими состояниями вне зависимости от их источника.

Но знайте: стыд – это яд для тела Ка, снижающий его живость и мощь.

Я, Посвященная Изиды, считаю трагедией, что церковь стыдила женщин и мужчин за их сексуальную природу и закрыла один из самых прямых путей к Осознанию Бога. Что бы вы ни делали на этом пути, мой совет – избавиться от стыда.

Внимательно взгляните в самого себя, разыщите в своем сознании и сердце темные углы, в которых таится стыд, и удалите его.

Ловите любой шанс вызвать состояние экстаза, ведь он усиливает вас и делает ваше тело Ка мощнее.

Да будут помехи для вашего полета редкими, а благословения на вашем пути – частыми.

Теперь я хочу заполнить некоторые пробелы в том, что касается практики Сексуальной Магии Изиды.

Мужчине-Посвященному необходимо понять, что именно магнитное поле, создаваемое ласками и прикосновениями к женщине-Посвященной, его Возлюбленной, дает начало каскаду магнитных полей, нарастающих по интенсивности до момента оргазма.

Мужчина-Посвященный также должен учиться покоиться в магнитных полях.

Для обоих Посвященных очень важно сосредоточить свое внимание на теле Ка при экстатических состояниях сознания, возникающих во время занятий любовью. Это усиливает и заряжает тело Ка, что необходимо для такого типа алхимии, какой практиковали мы с Йешуа.

В момент физического оргазма у магнитного потока есть тенденция двигаться либо вверх, через макушку головы, либо вниз, через ступни ног - но и в том, и в другом случае это магнитное поле в конечном счете покидает тело и рассеивается. В момент оргазма важно удержать его. В идеале Посвященные помещают свое сознание в Трон (чакру короны) или в верхние мозговые центры. Это заставит оргазмический поток подняться вверх, в голову, посылая энергию собственно в мозг и в тело Ка.

Иногда мужчина-Посвященный хочет удержать семяизвержение. В Сексуальной Магии Изиды мужчин-Посвященных обучали особой практике, называемой Остановкой Нижнего Нила.

С точки зрения Посвященных Древнего Египта Нил существовал как снаружи, так и внутри. Внешний Нил – это физически существующая река, а внутренний Нил – Джд и его

течение через семь печатей или чакр. В момент физического оргазма, когда у мужчины происходит эякуляция, высвобождаются силы творения, спустившиеся из верхнего Нила в нижний Нил.

Семя несет в себе мощный потенциал создания магнитных полей в форме новой жизни или алхимической реакции в матке женщины-Посвященной.

Однако, в некоторых случаях эякуляция может понизить уровень личной жизненной энергии мужчины-Посвященного, и тогда ему лучше удержать свое семя. Для таких случаев была разработана техника Остановки Нижнего Нила.

Мужчина кладет палец на простату, спереди, так что в момент эякуляции семя идет назад, а не вперед, и магнитные поля его сексуальной природы продолжают циркулировать в его физическом теле и Ка. Но даже в такие моменты его тело Ка генерирует магнитные поля, реагирующие с полями женщины-Посвященной, и партнеры могут покоиться в их взаимодействии.

Я хочу упомянуть относительно редкую форму партнерства, которая иногда возникала среди Посвященных Изиды. Вы назвали бы это однополыми партнерами.

Хотя возникновение магнитных полей и возможность покоиться в них, а также состояние экстаза могут быть достигнуты партнерами одного пола, взаимодействия семени с маткой не происходит, так что этот аспект алхимии отсутствует.

Однако все остальные аспекты Алхимии и Сексуальной Магии не меняются. И наконец, я хочу обратить внимание на термин «Посвященный», потому что я постоянно пользовалась им в этом материале. Термин «Посвященный» относится к человеку, решившему оставить повседневную жизнь, ради того, чтобы расширять свое сознание.

Преодоление порога между обычной и священной жизнью знаменуется ритуалом Посвящения. В древних практиках кандидата инициировали Жрец или Жрица, способные передать ему силу линии, к которой они принадлежали.

При некоторых типах перехода внешний Инициатор бывает необходим.

Однако для первых стадий человек может инициировать себя сам, ведь Посвящение – это обозначение порога, перехода от обычной жизни к священной.

Тем, кого влечет практика Алхимии Гора, и кто желает посвятить себя священной жизни, я предлагаю следующий простой ритуал (я даю эти инструкции, потому что людей, квалифицированных для Посвящения в линии древнего Египта, очень мало).

Для этого ритуала понадобится свеча и два стакана или чашки.

Одна чашка наполняется водой, вторая остается пустой. Если хотите, можете добавить цветы и благовония, чтобы сделать ритуал эстетически приятным, но в основе своей процесс Самоинициации - это акт намерения, личной и духовной воли.

Ритуал – это просто внешнее отражение того, что происходит в глубине души. На самом деле внутренний выбор может быть сделан вообще без внешнего ритуала, а ритуал без внутреннего выбора совершенно бесполезен.

Для этого ритуала вы зажжете свечу, а затем произнесете следующие слова:

– Дух всего живого, стань моим свидетелем. Ради моего вознесения и вознесения всего живого, я буду стремиться быть безвредным для себя и других.

Затем, держа стакан или другой сосуд с водой в правой руке, вылейте воду в пустой сосуд или стакан в левой руке и запечатайте это действие такими словами:

– Переливая эту воду, я отмечаю переход священных вод моей жизни из обыденного в священное. Дух всего живого, стань моим свидетелем. Аминь, аминь, аминь.

Я хочу завершить свою историю размышлениями о моем возлюбленном, Йешуа. Как Посвященную Изида, меня готовили к моменту нашей встречи. Когда наши взгляды встретились, я была перенесена в иные миры.

Я поняла учения, казавшиеся туманными. Я постигла глубочайшие тайны Изида, когда она открыла мне их не через священные писания, а через живое присутствие моей любви к Йешуа.

Когда алхимия между нами усилилась, я начала поклоняться ему, а он мне. Ему было очень тяжело расстаться со мной.

Он хотел остаться со мной, вместо того чтобы пройти через Инициацию смертью; и все же как душа очень высокого уровня, он проложил тропу света через темное царство смерти. Он сделал это ради самого себя и ради всего человечества.

Многие неверно понимают то, что? он сделал, и то, почему он это сделал.

Некоторые считают, что достаточно верить в него, а от них самих никаких усилий не требуется. Йешуа никогда так не считал и не верил в это. Он пришел как указующий свет, как маяк любви, во времена, когда мир все еще был в тени ревнивого божества. Йешуа, как душа очень высокого уровня, продемонстрировал невероятную смелость и силу, обучая любви в такое время.

Для меня это было странным переживанием, ведь я была одновременно Посвященной и влюбленной женщиной и понимала, что моя задача – помочь ему усилить его Ка, чтобы ему хватило сил для столкновения с царством смерти.

Как Посвященная, я понимала свою задачу; до определенной степени я понимала и взгляды Йешуа. Но как влюбленная женщина, я была поглощена своими чувствами к Возлюбленному.

Я вспоминаю время, которое мы провели вместе; это горько-сладкие воспоминания.

Сладость присутствия Йешуа будет вечно наполнять и поддерживать меня, но и горечь нашего расставания также всегда будет со мной.

В мои последние дни на этой земле Йешуа снова пришел ко мне в своем теле Ка, так же, как он делал многие годы. Он был со мной, когда я сделала свой последний вздох, пронес мое Ка через царство смерти, по тропе света, которую он проложил силой своего намерения, и отвел меня в то место в душе, которое вы назвали бы раем.

Я нахожусь там с его присутствием на протяжении всего времени и пространства.

Я была довольна своим пребыванием там с его присутствием, которое я несу в своем сердце и уме. Но сама Изида явилась мне и сказала, что теперь я должна рассказать свою историю... что ложь двух последних тысячелетий должна закончиться... что женское начало вновь приходит в гармонию с мужским... что Космическая Мать проявляется в начале конца времен.

Вот почему я раскрываю одну из утраченных вами тайн: Дух, мужское начало, нуждается в помощи женского начала, чтобы вернуться к самому себе из своего путешествия через Материю.

Но с точки зрения солнечного, полного света мужского принципа, женский принцип несет в себе темную, влажную и опасную пропасть. Солнечный аспект опасается тьмы лунного аспекта. Но только в соединении Солнца и Луны, в соединении мужского и женского начал, в равновесии, в энергетическом балансе может быть достигнуто настоящее просветление.

Когда Йешуа готовился со мной к своему испытанию в Гефсиманском Саду, я была воплощением Изиды. Я была ею. Между мной и ней не было разницы. Практики, которым меня обучали, сделали это возможным. Йешуа, как Солнце, как проявление солнечного принципа в царстве материи, соединился со мной, Луной; он соединился с самой Изидой; его восхождение было бы невозможно без нее. Она – Космическая Мать. Другие культуры называют ее иными именами, но она остается все той же.

Насколько мужчина-Посвященный способен покоиться в магнитных полях со своей Возлюбленной и принять в себя их вибрационные энергии, настолько он входит в контакт с самой Изидой, Космической Матерью, Сотворившей все время и пространство.

Насколько женщина-Посвященная способна отдаться на волю магнитных полей и расслабиться в своей природе, настолько она становится самой Изидой.

Когда эти два события происходят на мифологическом уровне, мужчина-Посвященный энергетически настраивается на Озириса, а женщина-Посвященная – на Изиду, и из смешения их магнитных полей рождается Гор. Но в данном случае Гор не облекается в плоть, не становится ребенком. Гор обретает форму и взлетает внутри тел Ка самих Посвященных. Они могут взлететь в божественные царства своего собственного существа.

Но Озирис не может подняться без Изиды, как и Изида без Озириса. Высший Бог Гор рождается из магнетизма их слияния.

Мужчина-Посвященный (по природе своей электрическая сущность) думает, что может достичь этого самостоятельно, но на самом деле это невозможно.

Изида ждет, пока он признает это, но он этого не признаёт.

Она ждала веками, и теперь мы в начале конца времен, и давление велико. Это одна из причин моего появления.

Вы, Мужчины-Посвященные, раскрывшие в себе способность отдаться на волю силам Изида, лежащим в природе ваших Возлюбленных (или в вашей собственной природе, если вы следуете одинокой тропой), знайте: вы делаете это не только для самих себя, но и для всего человечества.

Человек, практикующий Сексуальную Магию Изида, не может делать это только для себя, потому что эта практика быстро поднимает Посвященного на уровень живой легенды, ведь на высочайших ее уровнях, как было сказано выше, мужчина-Посвященный становится самим Озирисом, а женщина-Посвященная становится Изидой... и из их магнитных полей рождается Гор.

Те, кто практикует алхимию в одиночку, достигают этого за счет магнитных полей Лунной и Солнечной Цепи. В процессе освоения основной практики, которой я поделилась ранее, Черная Змея Луны, содержащая в себе сущность Пустоты, вибрирует и дрожит в теле Ка Посвященного, подобно тому, как вибрирует и дрожит женщина-Посвященная в объятиях мужчины в практике Сексуальной Магии.

В теле Посвященного, практикующего путь одиночки, Золотая Змея Солнца встречается с Черной Змеей Луны в центре головы, и магнитные поля, созданные их смешением, а также энергетические реакции, возникшие в результате их пересечения в чакрах, создают Гора.

Так что по существу не важно, делается ли это в одиночку или в паре - то, что должно произойти, в обоих случаях одинаково. Солнце и Луна должны быть сбалансированы, и тогда происходит Просветление и возникает то, что мы называем Гором.

Я изложила вам свою историю и данные мне учения в надежде, что вы найдете путь к величию, ведь сейчас это нужнее миру, чем когда бы то ни было.

Я надеюсь, что мои откровения возвысят вас, что вас, как и меня, вдохновит та величественная сущность, которую вы называете Йешуа, а я называю своим Возлюбленным.

Тем, кто имеет смелость практиковать Алхимию Гора, и тем, кто решится жить в Священном Союзе с собой или с другим человеком, я даю свое благословение.

Да пребудет благословение Космической Матери с вами на вашем пути к себе. Да откроется вам тропа между Солнцем и Луной.

Дух всей жизни, будь свидетелем. Аминь.

Мария Магдалина

**МАНУСКРИПТ МАГДАЛИНЫ
АЛХИМИЯ ГОРА И СЕКСУАЛЬНАЯ МАГИЯ ИЗИДЫ
(История написания)**

Том Кенион и Джуди Сайон

Цель издания этой книги – предоставить информацию на описанные в ней темы. Задача этой книги – обучение. Авторы, редакция и издатели не несут ответственности ни перед каким лицом или организацией за какой бы то ни было ущерб, прямо или косвенно нанесенный информацией, изложенной в этой книге.

ПРИЗЫВ К КОСМИЧЕСКОЙ МАТЕРИ

О Великая Мать, божественное женское начало, ты, породившая космос, Возлюбленная Духа, сотворившая материю, Королева всех миров внутри миров и тех, что вовне, мы призываем тебя в этот час.

Мы твои дети; услышь наш зов.

Мы дочери и сыновья твоего божественного единения, плоть твоего страстного влечения к жизни. Ты возлежала с Духом, Отцом нашим, в начале времен, и породила нас в благословенном единении Духа и Материи. Мы твои дети, сыновья и дочери твоей плоти и твоего сердца; мы помним твое прикосновение и аромат твоего существа, и мы жаждем тебя.

Приди в наши сердца и даруй нам воспоминания. Приди в наши умы и раскрой нашу гениальность.

Просвети нас своим присутствием.

Отбрось покровы, дабы мы узрели; вними нашей мольбе и открой двери, чтобы красота и экстаз могли заполнить наши дома и сердца.

Ныне, в час величайшей нужды, мы призываем тебя огнем и водой, землей и ветром, всем, что носит Твое имя. Мы призываем все родословные твои и все имена. Приди к нам. Приди в нас. Да будет так.

Джуди Сайон

ВСТУПЛЕНИЕ ТОМА К МАНУСКРИПТУ МАГДАЛИНЫ

Для меня этот манускрипт был серьезным испытанием. Начнем с того, что этот материал получен путем ченнелинга, а я думал, что оставил подобный тип письма позади, закончив «Материалы Хаторов».

По-моему, ченнелинг – сомнительная деятельность. Она напоминает мне неводы, которые люди ставят в протоках в районе Камарг на юге Франции, где, по преданию, высадилась Мария Магдалина. Вдоль берегов реки стоят большие сети. Иногда кто-нибудь вытаскивает невод, чтобы посмотреть, что в него попало. Я думаю, что ченнелинг очень на это похож.

В нашей душе есть разные течения. Они несут с собой кучу всякой всячины, часть которой интересна, часть бесполезна, а часть и просто странна. Иногда сеть ченнелинга вылавливает что-то несомненно ценное, но часто оно смешано с горой чепухи.

Я впервые столкнулся с ченнелингом в семидесятых годах. Один из моих друзей был медиком, исследователем из Университета Дюка, и мы спланировали серию неформальных экспериментов для изучения этого феномена. Поскольку я использовал в своей психотерапевтической практике гипноз, мы решили посмотреть, какой материал может всплыть в состоянии гипноза.

В первый же вечер мы вышли «на контакт» с необъятным разумом, который мы назвали «Большой Дядя». Непочтительность свойственна моему характеру; любой, кто меня знает, может это подтвердить.

Большой Дядя говорил в типично высокопарном стиле, свойственном большинству сущностей или сознаний, выходящих на связь через ченнелинг. Он говорил о возможных изменениях на Земле; он говорил о взаимосвязанности всей вселенной. Хотя записи разговоров и были интересными, мы с моим другом сошлись на том, что в них нет ничего реально важного, и после трех месяцев встреч (примерно раз в две недели) мы забросили этот эксперимент.

Я много лет проработал в области межличностной психологии и повидал множество клиентов, занимавшихся ченнелингом. Некоторые из них чувствовали себя с этим вполне комфортно. Некоторым это серьезно мешало – как одной женщине сорока с плюсом, которую в течение года каждое утро будили в три часа утра. Она садилась с ручкой в руке и записывала послания «с той стороны». С той стороны чего – вот в чем вопрос. Ее записи говорили о силе любви исцелять; иногда в них попадались хорошие варианты решения проблем; иногда, честно говоря – очень странные вещи.

Странные – это, конечно, относительное понятие. То, что странно для одного человека, другому кажется абсолютно логичным. Фильтры культуры, которые мы используем для просеивания наших переживаний, часто бывают произвольными и основанными на доставшейся нам в наследство чепухе.

Моя задача как психотерапевта состояла в том, чтобы помочь клиентам-ченнелерам разобраться в их «межличностной болтовне». Я специально использую этот термин. Наше коллективное подсознание наполнено самыми разными вещами. Населяющие его психологические сущности бывают такими же разными, как люди в реальной жизни. Некоторые из этих обитателей коллективного подсознания гениальны и имеют добрые намерения, а некоторые – идиоты, маскирующиеся под высокодуховные сущности.

В наше время есть огромное количество ченнелеров как среди простых людей, так и среди профессионалов. По-моему, это всего лишь знак, указывающий на то, что мы как сообщество начинаем получать доступ к психологическим и духовным глубинам. Многие люди переживают духовный прорыв, приобретают глубокий духовный опыт, в результате чего их взгляды на жизнь радикально меняются. Я верю, что в ближайшие десятилетия мы станем свидетелями еще большего количества таких психо-духовных «кризисов», связанных с возникновением в нашем коллективном сознании нового мифа.

В таком контексте ченнелинг – не более чем послание из глубин. Но, как в бухточках для летней ловли рыбы, некоторые из находящихся «в глубинах» вещей недостойны того, чтобы их удить. И все же они всплывают на поверхность ума, как старый ботинок или ржавая консервная банка.

Одна из задач человека, столкнувшегося с ченнелингом – это отделение ценного от бессмысленного, возвышающего дух от опасного. То, что информация поступает «с той стороны», само по себе еще не наделяет ее бо́льшим авторитетом, чем слова первого встречного на улице.

Когда люди дают мне что-то и говорят, что это результат ченнелинга, я сразустораживаюсь. Когда существа с той стороны, так сказать, стоят на моем пороге, я начинаю искать логические непоследовательности. Я ставлю ловушки. Если они пройдут тест, я стану серьезнее относиться к их словам. Но в конечном итоге выбор за мной. Если то, что они говорят, покажется мне неразумным, я это выброшу.

Но, несмотря на мое сопротивление феномену ченнелинга, однажды вечером в Швейцарии, в Цюрихе, появилась Магдалина. Моя партнерша, Джуди, попросила меня попробовать получить информацию о Магдалине, поскольку мы вскоре должны были посетить Сен-Мари-де-ля-Мер – место, где, согласно легенде, Магдалина высадилась после распятия Иисуса.

Я закрыл глаза и вошел в легкий гипнотический транс. Перед моим мысленным взором немедленно предстала некая сущность и объявила, что она и есть Магдалина. Она начала диктовать манускрипт, который вы сейчас держите в руках. В течение многих сессий она говорила с потрясающей ясностью и настойчивостью. Каждое слово было очень точным, а атмосфера в комнате во время сессий была, казалось, наэлектризована.

Теперь, несколько месяцев спустя, я критически рассматриваю манускрипт, и меня поражают несколько вещей. Первое – это мой личный страх еще что-то добавить к переизбытку книг, написанных при помощи ченнелинга. Это никому не нужно, говорю я самому себе. Но этот материал не похож ни на что, виденное мною раньше. Я изучал внутреннюю алхимию в течение трех десятков лет, и меня приводят в восторг как сходства, так и различия алхимических традиций мира. Одна из моих задач – испытать как можно больше алхимических методов трансформации и расширения сознания. С этой точки зрения описываемые Магдалиной техники совершенно необычны. Я «духовный прагматик» и всегда все пробую сам. Если это работает, я это оставляю, а если не работает – выкидываю. Я использовал техники, описанные Магдалиной, и убедился, что они дают поразительные результаты. Применение этих техник положительно повлияло на все мои алхимические практики, не важно, из какой традиции они происходят.

Все это привело меня к единственно логичному выводу. Для тех, кто изучает алхимию, для тех, кто ищет более глубоких переживаний духовной трансформации, а также для тех, кто жаждет Священного Союза, этот материал может оказаться ценным. Именно поэтому я и решил издать манускрипт.

Для меня здесь все же есть несколько нерешенных проблем. Я приверженец точности. Но у меня нет способа узнать, правдива эта история или нет. Есть так много версий легенды о Магдалине, а описываемые события происходили так давно, что мы, наверное, никогда не узнаем этого точно – по крайней мере, с объективной точки зрения.

Описанная Магдалиной во время сессий история показалась мне захватывающей; некоторые отрывки все еще поражают меня. Однако основная часть ее рассказа для меня – просто еще одна история; она может быть правдой, а может и не быть.

Я прочно стою на якоре (кое-кто сказал бы «сел на мель») у берегов логики. Но я не могу решить, правдива эта история или нет, и мне это мешает. Но на меня произвели глубокое впечатление методы, которыми делится Магдалина, и откровения, которые она предлагает. И, разбирая для себя этот манускрипт, я опустил саму историю обратно в реку, оставив себе ее методы. Я прошу вас поступить так же. Прочтите это своим сердцем и своим умом. Оставьте себе то, что ценно для вас, и выбросьте все остальное.

Я знаю, что эта книга многим может показаться противоречивой. И все же я считаю правильным опубликовать этот манускрипт. Даже если он просто заставит нас задуматься над вопросами, которые в нем обсуждаются, я сочту, что существование этой книги оправдано. В конце концов, пришло время христианству переосмыслить свое отношение к женскому началу.

По-моему, для тех, кто ищет более глубокого понимания внутренней алхимии как средства для трансформации сознания, этот материал будет весьма полезен.

Когда я перечитывал манускрипт, произошло нечто необычное. Я рационально и критически оценивал этот материал. Но когда я задался вопросом, публиковать его или нет, передо мной явилась Изида – да, Изида. Она попросила меня завершить книгу как можно скорее.

Что мне оставалось делать?

*Остров Парос,
Киклады, Греция*

ВСТУПЛЕНИЕ ДЖУДИ К МАНУСКРИПТУ МАГДАЛИНЫ

30 ноября 2000 года, в четверг, мы с Томом были в Швейцарии, в Цюрихе. Был холодный туманный вечер. Мы хорошо поужинали в нашем любимом тайландском ресторане рядом с отелем «Альштадт», и у нас было свободное время, а такие моменты в нашей жизни – редкость.

Надо сказать, что Магдалина (равно как архетип и как Существо) интересовала меня уже давно. Кем она была на самом деле? Ведь столь многое в нашей повседневной жизни связано с тем, что церковь заклеила ее (а вместе с ней и все женское начало) как шлюху, как нечто постыдное. Из-за этого клейма – а ведь это развенчание богини и прижигание ее плоти каленым железом – женское начало терпело позор и унижения в течение двух тысяч лет.

У церкви нет совершенно никаких причин называть Магдалину шлюхой; ни одно слово в оригинальных текстах Писаний не подтверждает подобных обвинений. Это Никейский Собор по приказанию императора Константина выбрал «образ» шлюхи, чтобы низвергнуть авторитет женского начала, сделать постыдным все женское, поддержать патриархат и соединить различные религии с новомодной религией под названием христианство. Этот «сюжетный поворот» был выбран исключительно для пользы Рима, для пользы власть имущих.

По каким причинам они назвали Марию Магдалину шлюхой? Из-за ревности и страха перед силой женского начала, особенно такой силой, какой обладала Магдалина.

Я никогда не верила, что мы рождены в грехе; я никогда не верила, что Мария Магдалина, а с ней и все женщины – шлюхи. И я никогда не верила в образ Иисуса Христа как принявшего целибат ханжи, лицемерного святоши и фанатичного проповедника.

Я прошла по следам Магдалины в южной Франции много лет назад, и хотела провести Тома по маршруту, найденному моим сердцем, снова пройти этой дорогой с моим Возлюбленным.

Но я боялась доверять своему сердцу, и мне была необходима дополнительная информация. Я хотела знать историю Магдалины. Я хотела знать больше, чем историю – я хотела знать правду. Я сказала Тому, что поверю только в ту историю, которую «проведет» он, потому что ценю его целостность и способность подключиться к настоящему источнику. И я спросила его, не согласится ли он когда-нибудь выйти на связь с Магдалиной.

Надо вам сказать, что Том Кенион не любит проводить ченнелинг! В нем постоянно борются ученый и мистик. И я равно люблю их обоих. Так что я, как правило, стою в сторонке и жду, пока ученый не сдастся перед прекрасным светом правды, который способен пробудить мистик. И в танце, который в конце концов торжествует, миру даются великие учения, покрытые флером науки, который так нужен невежественным людям нашего времени. Да будет так.

Но тем вечером по непонятной причине на нас снизошла благодать. Я спросила, не согласится ли Том выйти на связь с Марией Магдалиной.

И он сказал:

– Да.

– Когда? – я затаила дыхание.

– Может быть, прямо сейчас?

Том лег на кровать, а я схватила свой ноутбук. Том быстро «отошел в сторону», позволив Хаторам помочь в настройке его нервной системы (они часто делают это, чтобы утихомирить слишком шумно протестующего ученого).

И вот пришла она. Комната наполнилась электризующей силой и напряженностью, которую я ощущала на кончиках пальцев. Когда она начала говорить, мои пальцы дрожали на клавиатуре. Казалось, вечность дотянулась до нас и перекрыла пропасть времени. Она была там. Мы были там. Песочные часы треснули, и время остановилось.

Я надеюсь, что не забуду ощущение, вызванное ее словами. Клянусь, что никогда не перестану благодарить за ее правду, за открытое сердце Тома, за честь Йешуа и за доверие, которое Магдалина оказала мне, рассказав свою историю.

Она посещала нас в течение нескольких недель, пока мы путешествовали по Швейцарии, итальянским Альпам и Тоскане. Она посетила нас на корабле из Генуи в Палермо. А когда оказалось, что мы не будем зимовать на Сицилии, она посетила нас на корабле из Ливорно на Мальту. Она приходила к нам на Оудише (Гозо), островке рядом с Мальтой, в пределах видимости от того места, где она высадилась, чтобы пополнить запасы провизии, по дороге из Египта во Францию. Она произнесла слова «Мы закончили» как раз перед Рождеством 2000 года.

Каждый вечер, прежде чем начать диктовку, Магдалина заставляла меня прочесть то, что я записала во время ее предыдущего визита. Она исправляла слова, которые я записала неправильно, иногда заменяя одно слово на другое, там и здесь вставляя пояснения. И каждый раз, прежде чем покинуть нас, она просила перечитать то, что надиктовала этим вечером.

Часто, в особенно острые моменты своего повествования, она ждала, пока Том эмоционально переживал ее рассказ, стонал и тихо вскрикивал.

В такие моменты она говорила мне: «Этот канал ощущает эмоции того, что я вам рассказываю».

Мое сердце разрывается при мысли, что Том хотя бы на мгновение ощутил, что значит любить кого-то так, как она любила Йешуа, и потерять его ради блага всего человечества. И мое сердце обливается кровью при мысли о Йешуа, теперь, после того, как я услышала ее рассказ и поняла, что это правда. Он так любил ее, что чуть не отказался от того, ради чего пришел.

Когда весной мы покинули Мальту, компьютеры были надежно упакованы и отправлены домой. Я везде носила с собой диск с записями манускрипта, а также и распечатанный текст. Так Магдалина поехала с нами в Россию, на Украину, обратно в Германию, Швейцарию и Венецию, а потом в южную Францию, в Сен-Мари-де-ля-Мер, где она когда-то высадилась. Диск и распечатанные материалы терпеливо ждали в моем чемодане, пока мы бродили по Рене-ле-Шато и представляли себе, как выглядели Пиренеи, когда она осмелилась перевалить через эти великолепные пики.

И наконец, она появилась еще один раз в нашей малюсенькой квартирке на острове Парос в архипелаге Киклады, чтобы ответить на вопросы по поводу некоторых слов в манускрипте. Мы не меняли ни одного слова, не получив на то ее разрешения, даже когда речь шла о простых и логичных переменах в склонении, и она благодарила нас за педантичность.

Я решила, что если невежество, с которым мы живем уже две тысячи лет – это результат неудачной интерпретации слов Йешуа, то сейчас я хочу постараться, чтобы невозможно было ложно истолковать то, что говорит Магдалина, рассказывая, как все было на самом деле.

Я задала ей несколько вопросов, которые (как я предполагала) кто-нибудь обязательно нам задаст, когда этот манускрипт будет опубликован. Я знаю, какие вопросы некоторые из вас хранят в своем сердце, и я спросила ее, что говорить вам, когда вы будете их задавать.

Часто она отвечала: «Скажите им, что Магдалине нечего сказать по этому поводу».

Вопросы, на которые она согласилась ответить, находятся в последней части этой книги.

Мы говорили с ней еще один раз на острове Оркас. Она говорила о важности этого манускрипта для возвращения Космической Матери. Она сказала: «Для всей Земли, для Галактики, для Вселенной и соприкасающихся с ними». Она сказала, что будет призывать к этой правде людей со всего света, и те, кто готов, так или иначе найдут этот манускрипт.

Она поздравляет вас с тем, что вы услышали зов, и благодарит вас от всего сердца, от своего имени и от имени Космической Матери, за то, что вы здесь. Она говорит, что теперь все переменится раз и навсегда.

Остров Оркас

*Что случится, если хоть одна женщина
напишет правду о своей жизни?*

Мир расколется.

Мюриэль Ракейзер

Джуди Сайон

ИСТОРИЯ ОДНОЙ ЖЕНЩИНЫ

*В этой истории одной женщины заключены истории
всех женщин.*

*Я желаю вам найти путь к духу, которым это
написано.*

Мария Магдалина

ПРЕДИСЛОВИЕ ТОМА К ИСТОРИИ ОДНОЙ ЖЕНЩИНЫ

Кое-кого может удивить, что мы включили настолько личный материал в последнюю часть этой книги. В конце концов, у каждого есть своя история, и ни один из нас не важнее остальных. Именно это мы многократно говорили Магдалине после того, как она попросила Джуди написать «ее историю». И даже после того, как книга была закончена и готова к печати, мы спросили Магдалину еще раз, считая, что, возможно, она передумала. Но она не передумала. Она, наоборот, подчеркивала, что элементы в личной истории Джуди найдут отклик у многих женщин, что многие ее переживания были разделены женщинами всего света. А вся эта работа, как нам напомнила Магдалина, связана с возвращением женскому началу почетного статуса и силы.

Но сначала надо признать и принять существующий образ поведения – насилие, предательство, неуважение и лишение силы.

Я проработал с этим материалом много месяцев, и теперь мне кажется, что я понимаю, о чем говорит Магдалина. Это касается принципов Софии и Логоса. Те, кто знаком с этими терминами, простят мне, что я трачу место на их объяснение, но я знаю, что многие люди их не понимают. Мне кажется, что такое всеобщее непонимание принципов Софии и Логоса является результатом предпринятой еще в первом веке нашей эры попытки отцов церкви стереть женское начало из христианской теологии.

Вероятно, многие из вас знакомы с термином «Логос», потому что он является ядром 2000-летней христианской теологии. Логос – это разум (логика) самого космоса. Это фундаментальная творческая сила (или Бог). Теологи и философы традиционно считали

Логос мужским принципом. Эта идея на тысячи лет старше христианства, она восходит к древнему языческому миру. На уровне мифологии боги рассматривались как солнечные существа, в то время как богини больше относились к луне. В этом контексте считалось, что дух находится в солнечных мирах сознания (мужских), а земля (материя) – в лунных (женских). Небо (небеса) ассоциировались с мужским началом, а земля – с женским.

Языческое сознание понимало, что все творение является результатом взаимодействия женской и мужской космических сил (духа и материи, неба и земли). Ни одна из этих двух сил не считалась важнее другой. Без участия обеих творение невозможно. Ключом к плодотворному творению (как на космическом, так и на индивидуальном плане) считался баланс этих двух сил.

В период раннего христианства, до появления политических стремлений церкви, это было общеизвестно. Понимание места женского начала нигде не проявляется так ясно, как в концепции Софии.

София считалась женским выражением божественного. Она была священной невестой Логоса, и их считали неразделимыми. Когда Логос испускал творческий импульс (мысль), София его воплощала. Без нее творение было бы невозможно. Они считались двумя сторонами одной медали. Логос оставался далеко в мирах духа, формируя идеи творения. Но именно София принимала от него семя (мысль о творении). И именно она порождала реальность в мирах материи.

София была известна как Космическая Мать, и потому обладала таким же почетным местом, как Изиды в Египте и другие Богини древних культур. С точки зрения учения о Софии, Мария, мать Иешуа, была ее инкарнацией. И через это воплощение слово (Логос) стало плотью (Иешуа). Появился Богочеловек. Но это не могло бы произойти без священного акта воплощения Софии в женщине. Только тогда Бог (Логос) смог инкарнировать, как мужчина (во чреве Софии/Марии).

Такое понимание было распространено среди раннехристианских теологов. И хотя многие их писания были уничтожены во тьме средних веков, некоторые из них все же дошли до нас.

Но в первые столетия существования христианства с женскими учениями, касающимися Софии, произошло нечто страшное. Мы видим направленные усилия по удалению любого ее следа из христианских религиозных трактатов и христианской мысли в целом.

Говоря метафорически, церковь подавила Луну со всеми ее темными таинствами. Богиня оказалась скрытой, укутанной покровами. Даже разговоры о ней считались ересью. Можно было лишиться жизни даже просто за произнесение ее имен.

Солнце было в зените. Существовал только Бог (Логос). Затем появилась загадочная Святая Троица – Отец, Сын и Святой Дух. София, или Мария, вовсе не упоминалась. В Троице не было ничего женского. Женскому началу было отведено низшее место.

И даже хуже, над ним насмехались. В официальной версии Книги Бытия, принятой патриархальной церковью, вина за падение человечества была полностью возложена на Еву. В конце концов, это она взяла яблоко у змея Сатаны. И одним этим действием она (женщина) подвергла проклятию все последующие поколения.

Но погодите. Есть ведь и другие версии мифа о сотворении мира. Унаследованная нами подвергшаяся цензуре версия – только одна из них. По описанию гностиков, змей был положительным персонажем. Он пытался помочь Адаму и Еве спастись от тирании

ревнивого Бога (Иеговы). По этой версии змей просто открыл дорогу к божественным способностям сознания, по праву являвшимся частью наследства Адама и Евы.

Для тех, кто не знает, кто такие гностики, я скажу, что это была длинная череда просветленных, чьи традиции, в разных формах, тянулись от самого Древнего Египта, а то и ранее. Они верили в силу прямого откровения без необходимости посредника (священника). Конечно, это мешало политическим и финансовым притязаниям церкви, поэтому гностики были объявлены еретиками, их сажали в тюрьмы и казнили.

С точки зрения гностиков Ева была героиней, через акт принятия яблока поднявшей человечество ближе к его богоподобным качествам. Однако в версии мифа, распространяемой церковью, она была слабой и проклятой за то, что обманом заставила своего партнера принять что-то от Сатаны.

У мифов есть сила. Они вплетаются в ткань культуры и окрашивают ее верования и подходы. Из-за официально принятой версии Творения женщины сильно пострадали как темные и опасные создания Луны, по своей природе якшающиеся со злом. Только почитайте бредни средневековых ученых и теологов, оправдывающих охоту на ведьм и другие нападки на женщин. Это разжигающее рознь безумие даже распространилось в новые колонии во время сайлемской охоты на ведьм в 17-м веке.

Но я думаю, что вред излишне обращенного к Солнцу христианского мифа распространяется гораздо дальше, чем клеймение женщин как порождений зла. От этого страдает все общество, включая мужчин, и вот почему.

Из-за того, что мы отсеки себя от женского начала (материи), западную культуру последние два тысячелетия разъедает серьезный недуг.

Мы стремимся к мирам духа (небесам), отмахиваясь от опыта этого мира. Мы противопоставляем небо и землю. В конце концов, земля же нечиста. Мы здесь только потому, что лишены благодати. Если мы и правда рождены в грехе, то все, что следует за рождением – ложь. Правда находится выше нас, а не здесь, среди нас.

Миф современной культуры отрицает выражение духа через опыт, переживаемый на земле. Так что, казалось бы, можно насиловать и использовать землю, вовсе о ней не заботясь. На мифологическом уровне земля – это женское начало. А женщин, в конце концов, можно просто использовать.

Опасность такого заблуждения в том, что, разграбляя нашу Мать-Землю (Гайю), мы уничтожаем экологические корни, поддерживающие нас. И биологические науки полны грозных предупреждений об истощении нашей экосистемы.

Понимаем ли мы, что уничтожение многих видов животных и растений, происходящее с ужасающей скоростью, грозит и нашему собственному выживанию? Нет! Мы выше всего этого. Мы считаем себя венцом творения, царями природы с данным Богом правом покорять и править ею по своему усмотрению.

Мысль о том, что у других форм жизни может быть своя воля, не менее важная, чем наша, просто не приходит нам в голову. Идея о равноправном сосуществовании между нами и другими формами жизни вряд ли является частью нашего массового сознания. Это потому, что мы не видим все формы жизни как выражение духа. На бессознательном уровне мы разделяем их. Есть жизнь, и есть дух. Земля и небо не встречаются. На мифологическом уровне многие считают землю неким переходным этапом, экзаменом, чтобы проверить, достойны ли они вечной жизни в раю или вечного ада в глубине – чего же еще – земли!

Подобное кояникатци (термин хопи для состояния дисбаланса с миром) может уничтожить нашу цивилизацию. Если мы хотим выжить, нам необходимо вернуться к состоянию баланса. С мифологической точки зрения, в нашем сознании должна быть раскрыта луна. Женский принцип должен вернуться на свое исконное место со-творца, не как доминирующая сила и не как подчиненная сила, а как равноправная сила.

Все это возвращает меня к личной истории одной женщины, которую вам предстоит прочесть. Почему же это так важно?

Во-первых, я считаю, что все это восходит к унаследованным нами искаженным духовным принципам. Если наша жизнь, как воплощенной души, греховна (уже только потому, что мы находимся в теле), то наши переживания несут отпечаток психологического дискомфорта. В конце концов, они же земные, а не духовные.

И все же в балансе духа и материи оба они ценны. Как сияющие видения духовного мира, так и запачканные землей переживания жизни в теле воспринимаются как по природе своей священные. Развешивание белья может быть таким же просветляющим, как чтение Писаний.

Вопрос в том, как к этому относиться.

Однажды кто-то спросил меня, что значит «Возвращение Божественной Матери». Я подозреваю, что это значит много разных вещей, многие из которых мы не поймем, пока не продвинемся в этом процессе достаточно далеко. Но мне кажется, что оно принесет с собой по крайней мере одну перемену в культуре. Мы признаем, что наша жизнь на земле и все ее переживания – это выражения духа в материи; не бой между этими двумя началами, а священная свадьба.

Эта священная свадьба духа и материи иногда называется Opus Magnum, или Великий Труд. Это альфа и омега, когда дух (Логос) нисходит в материю (благодаря Софии) и возвращается к самому себе измененным.

Наша жизнь формируется в алхимическом горне жизненного опыта. Для тех из нас, кто по собственной воле решает взять на себя Великий Труд достижения просветления, жизненный опыт может стать великим учителем.

Вскоре вы прочтете историю одной женщины. У нее есть что-то общее со всеми женщинами, взявшими на себя Великий Труд достижения просветления в наше время. Возвращение женскому началу его почетного места в нашей культуре начинается с того, что женщины начнут уважать самих себя и свои истории.

Конец боли и лжи последних двух тысячелетий становится немного ближе каждый раз, когда какая-то женщина возвращает себе свою силу. Возвращение Софии становится немного ближе каждый раз, когда мужчина проявляет уважение к женщинам в своей жизни, а также к женскому началу внутри себя.

Те из нас, кто старается жить в этом понимании, сами являются частью возвращения Космической Матери. Мы – луна, сбрасывающая покровы, балансируя солнце, мы – восстановление баланса между женским и мужским началом.

Да соединятся небо и земля в это время, в наше время.

ПРЕДИСЛОВИЕ ДЖУДИ К ИСТОРИИ ОДНОЙ ЖЕНЩИНЫ

В первый вечер, когда появилась Мария Магдалина, ее силу и мощь можно было ощутить так же ясно, как услышать ее слова, и это ощущение не пропадало на протяжении всего процесса. Она никогда не запинаясь. Ее слова были тщательно подобраны еще до того, как она их произносила, и она говорила авторитетно и уверенно. Она пришла, чтобы

сделать дело – рассказать правду, а затем вернуться домой, в то место, которое мы называем раем, а она называет «местом в душе», где она вечно покоится со своим Возлюбленным, Йешуа.

Ее присутствие было самым мощным из всего, что мне доводилось переживать, и с ее первых слов я была глубоко тронута, а мое сознание было сильно изменено. Я печатала то, что она диктовала, сидя на кровати, положив компьютер на подушку, и мои руки дрожали от возбуждения и страха, что я могу что-то записать неверно.

Уходя тем первым вечером, после того, как она передала свою информацию, она обратилась ко мне.

Я ощутила явственный переход на личные темы, и она сказала мне почти интимно:

– Я согласилась рассказать свою историю из-за тебя, потому что ты ощущаешь важность взаимоотношений, Священного Союза. И Метатрон просил, чтобы я рассказала тебе свою историю.

В последующих диктовках самого «Манускрипта» она сказала, что Изида просила ее рассказать свою историю в это «начало конца времен».

Позже мы спросили Магдалину, как лучше всего преподнести эту информацию, учитывая формат книги.

Ее «Манускрипт» компактен. В нем нет лишних слов. Она не говорит до бесконечности. Она явно хочет дать только необходимую кодированную информацию для пробуждения памяти, и те немногие, кто к этому готов, услышат ее.

Но все, что вам нужно знать, все тайны, находятся на немногих страницах ее текста.

Том решил, что важно добавить к этому обзор и заполнить некоторые пробелы, и он вполне подходит для этой роли. Он один из самых подкованных и эрудированных существ на этой Земле в наше время во всем, что касается внутренней алхимии и различных ее источников, ведь это дело всей его жизни.

А я? Почему я здесь? Почему мне выпала честь занимать место и писать для вас эти слова? Что я изучала всю свою жизнь?

Взаимоотношения. А эта книга – о Священном Союзе и внутренней силе и таинствах женского начала.

Так что, когда мы вновь и вновь спрашивали о формате этой книги, она отвечала, что я должна написать свою историю. Я спорила и избегала этого, пока книга не оказалась готовой к печати, и только моя часть задерживала публикацию «Манускрипта». Давление нарастало. Я начинала работу снова и снова. Я писала и переписывала. Я добавляла части и вырывала отрывки, все еще чувствуя себя недостойной прибавить что-либо ценное к великолепному документу, к правде, рассказанной Магдалиной.

Я изложила свою историю, через пустыни и горы, через пургу и закаты, которые заставят ваше сердце гореть ясным пламенем. Я начала этот процесс под ее руководством на островке Оудиш недалеко от Мальты. Я боролась с этим на юге Франции и на Кикладах, на греческом острове Парос. Я удаляла и добавляла детали, как вы добавляете ингредиенты в суп. Слишком много соли. Добавить немного сахара. Слишком много драмы и жестокости. Добавить юмор, который всегда дает жизнь.

И все равно я не собиралась включать это в книгу. Я все еще сомневаюсь в необходимости этого и опасаясь вашей критики. Однажды Том сказал мне:

– Разве ты не должна работать над «Манускриптом Магдалины»?

Я сказала:

– Я этого не понимаю. Я не собираюсь включать в него историю моей жизни. Что люди подумают о моих намерениях?

Он протянул мне только что пришедшую открытку. На ней было написано:

Пожалуйста, напиши свою историю и включи ее в «Манускрипт». Написав свою историю, ты напишешь и мою историю. Ты пишешь это не ради себя. Ты пишешь это для всех нас.

Итак, взвалив себе на плечи все мои недостатки и страхи, я выполняю просьбу Богини.

В первой части содержится моя история. Дневниковые записи в конце показывают кое-что из того, через что я прошла в «процессе» приема ее информации, а также «помехи для полета», которые мы испытали, живя с этими материалами, ведь они, как и следовало ожидать, подняли на поверхность все мои нерешенные проблемы в отношениях.

В моем случае, это ревность, страх быть брошенной, страх измены, а также общее и всепроникающее чувство, что я ничего не стою. А чтобы создать для этой информации верный контекст, мне было необходимо рассказать вам свою историю, как Метатрон, мой любимый советник, уже много лет мне рекомендовал.

Так что я пишу это для Магдалины, для Хаторов, для Изиды, для Метатрона, для всех моих дочерей, а также для Тома – который играет на гитаре и пишет песни – потому что он осмелился пересечь темную, влажную и опасную пропасть перед порталом женского начала, чтобы рискнуть попросить меня танцевать с ним в Священном Союзе, в Чаше Святого Грааля.

ИСТОРИЯ ОДНОЙ ЖЕНЩИНЫ

Жизнь выплюнула меня из чрева матери не на подставленные ждущие руки, а на холодный пол – во время родов за ней никто не ухаживал. Мы с матерью разделили это переживание в небольшом дощатом домике в Аппалачах, у железной дороги в Пеннингтон Гэп, штат Виргиния. При рождении меня назвали Филлис Элизабет Цайон, изначально Сайон.

Вскоре я попала в совсем другую атмосферу – моя биологическая мать ушла из дому со мной и моими старшими братьями и сестрой, спасаясь от жестокого мужа в поисках своей мечты.

Она хотела стать певицей кантри. Так что, когда мне было около месяца от роду, а мой отец был на работе, она погрузила нас в автобус, и мы поехали через весь штат в центральную южную Виргинию, где она оставила нас у своих родителей, отправившись искать себе работу певицы.

Но жизнь выкинула очередной фортель, и вскоре после нашего появления дедушку придавило трактором, когда он попытался въехать на холм не с той стороны. Мой старший брат рассказал мне эту историю всего несколько лет назад, когда мы, наконец, нашли друг друга. Он был рядом с трактором и помчался в дом за помощью. Он помнит, как бабушка бежала со своим большим черным саквояжем медсестры. Она вынула огромный шприц и наполнила его морфием. Брат смотрел, как она сначала брызнула жидкостью в воздух, а потом вколола шприц деду. Потом она попыталась поднять с него трактор, но только сорвала себе спину.

Мой дед умер под трактором, а бабушка никогда больше не смогла ходить.

Я так и не узнала этих людей. Когда разыгрывалась эта драма, я была младенцем, и меня оставили в доме, пока жизнь и смерть призывали к себе тех, кем хотели владеть в тот момент. Нас раздали на все четыре стороны, как ураган раскидывает сухие листья.

Я оказалась в мотеле-ресторане какой-то дальней родственницы, пока семья впопыхах искала, кто бы согласился приютить младенца. На табачных плантациях Виргинии в те годы не было агентств по усыновлению, и я подозреваю, что все старались по возможности прокормить хотя бы своих детей.

Так я была «отдана на откуп» (как поступали с табаком на плантациях, где я росла), и меня воспитала инкарнация самой Королевы Виктории – непоколебимая и суровая женщина, школьная учительница, которая не могла сама иметь детей. На этом апокалиптическом перекрестке судеб мне было еще далеко до одного года, но я уже заработала новое не менее напыщенное имя – Джуди Ли Поп.

Руби Картер Поп сильно меня любила; в этом сомневаться не приходится. Ее жизнь, а значит и жизнь ее мужа, ставшего мне отцом, вертелась вокруг ее церкви, ее семьи, ее учеников... и удержания меня в узде.

Но ее Бог был страшным и ревнивым существом, которое я терпеть не могла. Поэтому, как только я стала достаточно взрослой, чтобы задавать вопросы и сомневаться (что у меня случилось очень рано) мы начали ссориться.

Я росла почти без друзей, бродя по табачным полям Пидмонта с сенбернардом и взятым напрокат конем. Почти всю мою одежду Руби шила из мешков для муки; сама она никогда не делала ничего, кроме работы и самопожертвования. Таковы были мои модели в жизни.

Ах да, и осуждение. В Виргинии очень многое осуждают.

Мы были очень бедны, хотя я подозреваю, что в сравнении с беднотой округа Брунсвик штата Виргиния мы относились к среднему классу.

У моего отца был сельский магазин, обслуживавший в основном невероятно нищие чернокожие семьи, жившие в округе. Я помню одну босую женщину, которая приходила туда каждый день. Она носила свой единственный чулок на голове, съедала одну жестянку сардин и выпивала одну бутылку «липисиновой» газировки в день. Тогда мне не приходило в голову, что это все, чем она питалась. Мне также не приходило в голову, что она никогда не платила. Вместо чеков отец выписывал маленькие бумажки.

Он умер, когда мне исполнилось 18 лет, и я обнаружила коробки этих неоплаченных счетов на общую сумму более 20.000\$, в те дни это была безумная сумма для долга. Видимо, он просто кормил половину Роулинга, штат Виргиния, и никому ничего не говорил.

Я выросла, учась в развилке грушевого дерева. Моими учителями были голос ветра и шепот в лесу. Я сама смастерила лук и стрелы, а когда мне предложили покататься на соседском коне, я стала уезжать из дому на несколько часов каждый день в поисках чего-то. Не знаю, чего именно.

Я никогда не брала уроков верховой езды. Меня учил конь. Любой мог разобраться, как пользоваться седлом и уздечкой. А когда при первой попытке седло вместе со мной съехало ему под брюхо, я провела с ним беседу о том, что надо выдыхать, когда я затягиваю подпруги. Мне приходилось проводить с ним такие беседы довольно часто, но это сработало.

А когда однажды его уши встали торчком при виде ствола упавшего дерева в поле, я поняла, чего он хочет.

Он хотел летать.

И мы перелетели через это бревно. Я пригнулась к его шее; мне это показалось логичным. Он взял барьер; я просто должна была лететь вместе с ним. После этого ничто не могло нас остановить. Мы переправлялись через реки и скакали по самой середине ручьев. Мы бродили целыми милями в густых лесах и носились галопом по полям и лугам, а если на нашем пути стояло препятствие, мы легко перепрыгивали через него.

Никто никогда не знал, куда я ездила на этом коне. В те времена можно было путешествовать несколько дней и не встретить ни одной живой души, если знать, куда идти лесами и тропами округа Брунсвик.

Конечно, я лгала своей матери; она не позволила бы мне покинуть двор, если бы не тщательно продуманные враки, которые очень рано стали для меня жизненно

необходимыми. Она возражала против всего на свете. Для нее почти все в жизни было либо греховным, либо опасным.

Я никогда не ходила на празднование чьего-то дня рождения и никогда не оставалась ночевать у подруг. Никто никогда не приходил ночевать ко мне. Это были фантазии, в которых люди жили по телевизору. Я и понятия не имела, что кто-то жил так на самом деле.

Моя приемная мать выбирала мне одежду и каждый день говорила мне, что сегодня надеть в школу, даже когда я стала почти взрослой. Если в июне я надевала платье без рукавов, она говорила, что я замерзну, и добавляла слой. Если в январе я надевала свитер, она говорила, что мне будет жарко, и заставляла снять его. Конечным результатом такого контроля было то, что я не имела понятия, чего я хочу и что чувствую. Мне не позволялось встречаться с парнями до 17-ти лет, и даже тогда она с каменным лицом сидела у окна и ждала моего возвращения, чтобы проверить, как я выгляжу – наверное, чтобы убедиться, что я не узнала ненароком чего-нибудь греховного.

Однажды у парня, провожавшего меня до дому, рубашка оказалась плохо заправленной в брюки. Мне было навсегда запрещено с ним встречаться. Кажется, я была все еще влюблена в него десять лет спустя, когда мы встретились снова и освободили друг друга от фантазий, которые каждый из нас по-своему хранил все эти годы из-за того, что нам не дали времени друг для друга.

Мои отец и мать спали в отдельных двуспальных кроватях в одной спальне. Я спала с матерью до самого отъезда в колледж. В другой спальне спала моя бабушка. Руби под самыми разными предлогами отказывалась закончить постройку комнаты на втором этаже. Таким образом она ухитрялась контролировать даже то, как я сплю. К тому же так ей не приходилось спать с моим отцом.

– Перестань вертеться, – говорила она мне, когда я слишком часто переворачивалась. – Лежи спокойно.

Летом время тянулось бесконечно, все было пропитано теплой застойной влажностью. Я часами лежала без сна из-за жары, не имея возможности пошевелиться, и только мой ум мог перемещаться свободно. Зимой я лежала под грузом стопок старинных лоскутных одеял, не шевелясь из-за давящего веса жестких покрывал времен Гражданской войны, державших меня в ловушке, наполнявших меня своими видениями, и все же не согревавших глухими зимами Виргинии.

Но у меня были музыка, и танцы, и лес, учивший меня танцевать на его обнаженной коже босиком, пока я не смогла вальсировать по подлеску, не издавая ни звука. У меня был конь напрокат, любимый сенбернар по кличке Мики, учитель в ветвях груши, маленький друг в цветке джек-на-амвоне и подружка в венерином башмачке.

Это были советники моего детства.

Был один урок, который я никогда не забуду, и который теперь сбывается, как пророчество, в моей жизни. Насколько я помню, это был мой первый урок в развилке груши, куда я забиралась каждый день в течение многих лет, слушая «слова без голоса» (как я это называла).

Мне было сказано, что почти все возможные в жизни переживания приключатся со мной, чтобы я в конце концов смогла понять и сострадать переживаниям других людей. Мне также было сказано, что однажды, когда я буду полна этими жизненными переживаниями, мой голос будет путешествовать по миру, делясь тем, чему я научилась, и что мои слова окажут огромное влияние, но только тогда, когда это уже не будет для меня важным.

Мне также было сказано, что где-то в мире есть другая часть меня, и что однажды я встречу «пару своего существа», и что мы будем работать вместе, что я не буду «вставать по

утрам и идти на работу», как другие люди. Мне было сказано, что он – часть моей души, и что наша работа вместе окажет мощное позитивное влияние на мир. В принципе, это то, чем я хочу поделиться из своих воспоминаний.

Было и еще одно раннее озарение, которое я ясно помню.

Я знала, что тайны вселенной хранятся в физическом контакте, возможном между мужчиной и женщиной, когда они по-настоящему любят друг друга. Я знала, что любовь – это величайший из всех возможных даров. Я знала, что есть место, дорога к которому открывается только через ворота физического опыта, и что этой дорогой прошли лишь немногие. Я знала, что именно поэтому церковь называет секс постыдным, а государства насаждают правила и законы, управляющие тем, что они называют «браком», и вообще вся эта тема является табу в этот период развития цивилизации.

Я подозревала, что Змей не был злым, я знала, что Ева была гениальна, желая дополнительных знаний, и что совершенно нелогично, чтобы любящий Бог, создавший нас, не хотел, чтобы мы узнали все. Я подозревала, что, если и есть такая зверюга, как дьявол, то ему умнее всего было бы спрятаться в самой церкви!

Я знала, что глубочайшие тайны были связаны с любовью, с тем, что я теперь называю Священным Союзом. Я знала, что моя задача каким-то образом касалась раскрытия этих тайн.

Я также знала, что где-то там есть другая часть меня. И я начала его поиски, которые длились всю жизнь.

Мне показалось, что однажды я увидела его. Он смотрел в окно автобуса, медленно обгонявшего нас на Шоссе №1 по дороге в Петербург. На минуту автобус поравнялся с нашей машиной, и наши взгляды встретились. В этот момент мы соединились в каком-то священном месте, хотя нам было по восемь или десять лет, не помню точно. Пройдет сорок лет, прежде чем я снова прикоснусь к такому святому месту с мужчиной.

Я знала, что он играет на гитаре и поет, и что у него ангельский голос. Я всегда думала, что узнаю его голос, как только услышу.

* * * *

Размышляя о том, что сформировало мой характер, я вспоминаю случаи, заставившие меня сомневаться в истинности общепринятых авторитетов. Так, в церкви, куда меня заставляли ходить, я слышала воскресные проповеди о любви и неосуждении. Я слышала проповеди о том, что Богу все равно, что на тебе надето, что Он видит лишь то, что в твоём сердце. Но я постоянно слышала, как прихожане и проповедник обсуждают и осуждают друг друга, не успев даже выйти за дверь!

- Вы можете поверить, что она надела это в церковь? – слышали мои юные уши, в то время как я знала, что это вся одежда, имевшаяся у обсуждаемой нищенки. Тогда я могла видеть сердца, и я видела чистоту этой пожилой женщины, а они видели только одежду.

- Ну, вы же знаете, откуда она, верно? От нее не стоит ожидать ничего лучшего! Вся ее семья просто сброд. – Я не могла понять, как можно винить людей за действия их родителей или дальних родственников. Я помню, как мне говорили: «Всегда поступай хорошо со своей семьей. Родня – это все, что у тебя есть в жизни. Помни, что кровь гуще воды». Н-да. Странно говорить такое приемному ребенку, у которого нет кровной родни.

Я просто никогда не верила в то, что мне говорили окружающие люди. К тому же вокруг происходили необычные происшествя, заставлявшие меня искать ответы в других местах. Не помню, сколько мне было лет – наверное, восемь или девять. Я как раз легла в кровать летним вечером. Моя мать проверяла контрольные, а отец читал. Я помню, что как

раз натянула простыню до подбородка, когда в комнате появилось сияние. Оно преодолеvalo тьму, создавая явственное свечение, объемную «влажность», от которой, казалось, даже воздух стал видимым, как молекулы влажного света. Во мне поднялся непредставимый страх, превосходивший мои самые буйные фантазии. У меня не было представления о мистических переживаниях, хотя теперь я уверена, что это было именно оно. В комнате возникли три огонька, по одному с каждой стороны кровати и один посередине, в ногах. Под центральным из них возникла фигура; казалось, она покачивалась, хотя теперь я понимаю, что это, наверное, была пульсация.

Я застыла, не имея возможности пошевелиться, и это еще усугубило мой страх. Я сказала себе, что, если двину хотя бы фалангой пальца, то смогу разбить это жуткое наваждение, и сосредоточила всю свою энергию на том, чтобы пошевелить пальцем. Это было невозможно. Тогда я попыталась сосредоточиться на горле, чтобы крикнуть и позвать на помощь. Но я не могла издать ни звука. Я думала, что наверняка умру на месте, так и не пошевелившись. Мой отец прошел по коридору в сторону спальни; я знала, что, если он войдет, наваждение прекратится, и послала ему все возможные мысли о том, что надо войти в комнату. Но он остановился у двери, как будто что-то забыл, развернулся и ушел. Я знала, что эти «огни», чем бы они ни были, заставили его передумать, и поняла, что умру.

Я не знаю, как долго длилось это наваждение, но постепенно огни вокруг кровати начали тускнеть. Пульсация центральной фигуры замедлялась прямо пропорционально ослаблению сияния. Огни по бокам кровати исчезли одновременно, раз! – и я осталась очарованной только одним центральным огоньком над покачивающейся фигурой. Очень медленно покачивание замедлилось, а свет одновременно тускнел. Под конец меня держало лишь неподвижное видение, бесформенная сущность под единственным тусклым огоньком. Так же неожиданно, как все началось, одновременно исчезла и фигура, и огонек, и я смогла вскочить и помчаться по коридору. Я бросилась на стул, цепляясь за него, как за соломинку, и рассказала матери, что со мной произошло. Я отказалась вернуться в постель, хотя в конце концов усталость взяла свое.

Утром нам позвонила тетя и сказала, что ее пожилая свекровь скончалась как раз тогда, когда меня посетило странное видение, и так в нашей семье появилась легенда, что Двоюродная Бабушка Такая-То посетила меня после смерти. Мое единственное воспоминание о ней – что она сидела в кресле-качалке и медленно раскачивалась взад-вперед. Возможно, это и была она, хотя я предпочитаю объяснение Метатрона. Он говорит, что это была инициация, данная мне тремя Мастерами из других измерений, и что ее могли мне дать только после того, как я наконец решила остаться в теле; хотя, если Метатрон прав, это решение позже неоднократно подвергалось сомнениям.

Наверное из-за того, что Руби так много лет не позволяла мне соприкоснуться с реальной жизнью, я бросилась в нее головой вперед, когда мой отец умер, и в 18 лет уехала в колледж. Тут у меня явно начались те «переживания», о которых говорил голос. Я влюблялась и расходилась с такой же частотой, как учащийся ходить карапуз шлепается попкой на пол. Я жаждала любви, жаждала прикосновения, жаждала страсти. И учащийся любить «карапуз» удачно шлепался на попку, пока однажды вечером парень, с которым у меня было свидание, не отказался везти меня домой.

Я помню испуг, когда он проехал мимо моей улицы и свернул в темный переулок, где была его квартира. Его намерения стали ясны, когда он вывернул мне руку, заставив войти в его квартиру. Когда внутри он на мгновение отвернулся, я убежала, спасая свою жизнь. Он погнался за мной. На бегу мне пришлось выбирать между необходимостью оставаться в

тени и попыткой позвонить. Телефонная будка была на свету, видимая для всех, кто гонится за перепуганной девушкой.

Я выбрала телефонную будку, надеясь позвонить в службу спасения, прежде чем он меня заметит. Но оказалось, что телефон сломан. А мой преследователь заметил меня. Я помчалась к берегу, с каждым шагом погружаясь по щиколотку в песок, теряя силы от бега по дюнам сквозь заросли осоки.

Но мне удалось сбежать.

Пройдя несколько миль вдоль побережья, я увидела при лунном свете приближающиеся фигуры, запаниковала и вернулась на шоссе, чтобы пройти последние пять миль до дома. Было самое темное время суток. Это была долгая ночь бегства и ужаса.

Рядом со мной притормозила машина, и голос сказал:

– Ты, наверное, сошла с ума, раз гуляешь тут посреди ночи. Что случилось? Давай я отвезу тебя домой. Ходить здесь вовсе не безопасно.

Я заглянула в машину и увидела довольно безопасное на вид лицо; я никогда раньше его не видела.

Наверное, я и правда сошла с ума. Потому что я села к нему в машину.

Он тут же разогнался до такой скорости, что выпрыгнуть из машины стало невозможно, вытащил нож, блестящий при лунном свете, и приставил его к моему горлу. Он уехал куда-то в глушь болот Дисмал, до самого конца дороги. Остаток ночи и рассвет прошли в мешанине крови, синяков и попыток сопротивляться, а свет луны играл на лезвии ножа.

Когда все кончилось, он отвез меня на ту самую улицу, куда я так старалась добраться той ночью, и высадил на углу.

Я несколько недель носила маску для фехтования, стыдясь своих порезов и синяков. Как будто девушка, пытавшаяся добраться до дома, сделала что-то, чтобы заслужить ужас этой ночи. В конце концов я обратилась в полицию, но тогда в Виргинии было принято печатать имена жертв изнасилования в местной прессе; я знала, что Королева Виктория узнает о случившемся, и не хотела навлечь на себя последствия этого. Мысли о ее обвинениях и воплях о грехе и вине давили и пугали меня больше, чем все происшествия той ночи.

Я закрыла эту дверь в своем сознании и страстно продолжила жить. Я пошла работать на радио, и в моей жизни начался период успеха, сопровождавший эмоциональные бури следующих 30-ти лет.

Я встретила красивого молодого человека, мы начали встречаться, и наши отношения становились все серьезнее. Он предложил мне выйти за него замуж. Я думала об этом, хотя уже тогда были знаки, на которые я не обратила внимания – признаки проблем в отношениях с ним и моих внутренних неурядиц. У меня начались проблемы с менструальным циклом, но все остальное, казалось, было в норме. Я игнорировала эти спонтанные неприятности и продолжала жить, как обычно. Наконец я обратилась к врачу. Сначала мне сказали, что у меня опухоль. Потом мне сказали, что я на седьмом месяце беременности.

Это не входило в мои планы. Видимо, потому, что мое детство вовсе не было приятным, я не собиралась рожать собственных детей.

Судя по тому, что я видела в детстве вокруг себя, дети мешали женщине нормально жить. Я считала, что женщины находятся в замкнутом круге самопожертвования; к тому же я была до смерти напугана стыдом и болью.

Я вышла замуж за красивого молодого человека. Вскоре после свадьбы я провела ужасную ночь, давая жизнь ребенку (как мне сказали, девочке). Мой врач частным образом

нашел ей приемную семью, и я никогда ее не видела. Наверное, тогда это казалось единственным выходом. Я думала, что это самое лучшее решение при данных обстоятельствах. У меня не было ни копейки денег, и я считала, что ей будет лучше жить в семье, которая сможет ее содержать. Наверное, мое собственное детство с платьями, сшитыми из мешков из-под муки, и отсутствием каких-либо возможностей, было все еще слишком свежо в моей памяти. К тому же это был единственный способ сохранить это в тайне от Королевы Виктории и не дать знаменитой и благородной, хотя и нищей семье южан погрузиться в пучину позора.

Скрывая беременность, последние два месяца я просто не выходила из дому. Я с ранних лет научилась скрывать то, что не должно быть замечено, и стала в этом экспертом.

Мой красивый молодой муж оказался гомосексуалом, и, хотя он любил меня (насколько гомосексуал может любить женщину) я-то, в конце концов, оставалась женщиной.

Параллельно со всем этим я ухитрилась окончить колледж по специальности «музыка, драма и философия». Мне удалось случайно найти работу диск-жокея на радио (тогда женщинам впервые «разрешили» подобные радости), а там я быстро поняла силу рекламы. Затем я перешла на работу в одно из самых творческих рекламных агентств Северной Америки и очень скоро заняла в нем уважаемую и авторитетную позицию, несмотря на то, что это все еще был «мир мужчин». Я получала призы и награды, и моя работа высоко оплачивалась. У меня было «волшебное прикосновение», оборачивавшееся высокой прибылью для моих клиентов, и я любила свое дело.

Наверное, можно сказать, что я жила двойной жизнью. Мои дни были полны постановкой телерекламы, планированием кампаний, сочинением текстов для радио, организацией места в прессе и переговорами с клиентами и их представителями. Мой ареал обитания распространялся от студии до зала заседаний совета директоров. Я была редкой птицей, в равной степени владея и творческой, и деловой сторонами работы. Казалось, у меня почти экстрасенсорные способности к рекламе. Узнав душу клиента, я могла «видеть», как бизнес или товар «истекает» из его души; с такой же легкостью я видела, что было необходимо для создания верного имиджа и правильной подачи информации. Потом я могла написать или создать дизайн рекламы, не важно, была ли это аудио-, видео- или печатная продукция. К моему собственному удивлению оказалось, что я с такой же легкостью «чувствую» бюджет рекламной кампании и могу удержать в голове сложнейшие схемы распространения ее через СМИ. Я увлеченно решала мысленные кроссворды, в которых демография зрителей/слушателей/читателей пересекалась со словами лозунга или изображением, влияющим на определенную часть рынка, гарантируя высокие продажи.

Но мои ночи были вовсе не так успешны. Мы с мужем хорошо смотрелись вместе. Мы купили слишком шикарный дом, как и следует поступать молодым яппи. Это было «Испанское Помесье» с камином, выложенным плиткой ручной росписи и лепными украшениями. На заднем дворе был фонтан. Выложенное мрамором фойе простиралось на сорок футов к подножию лестницы, которая могла бы быть декорацией к «Унесенным ветром». В доме была даже лестница для прислуги. Конечно, никакой прислуги у нас не было, и вечера проходили в попытках поддержать чистоту черно-белых мраморных плит пола в фойе. Крыша текла и требовала ремонта, а кухня не соответствовала даже стандартам XIX века, не говоря уже о XX. Иллюзия была великолепной, но готовить там было невозможно. Так что после рабочего дня я вместе с мужем занималась ремонтом нашего дома. У нас была масса вечеринок. Он обожал вечеринки. Меня же всегда беспокоило, в кого

он влюбится этой ночью. Его депрессия только ухудшалась, когда он пил, и я знала, что наш брак – такая же иллюзия, как Испанское Помесье.

Но никогда не знаешь, какая капля переполнит чашу терпения. Однажды утром, по дороге на работу, я вприпрыжку неслась по тотуару к своей машине, стараясь радоваться своему темно-зеленому «бьюику-электре». Он хорошо смотрелся на солнце и нравился моим клиентам, хотя я все еще мечтала о своем старом «MG».

На обочине у крыла моей машины сидел строительный рабочий. Я не обратила на него внимания, обошла машину с другой стороны – и отпрыгнула в ужасе. Бок машины со стороны водителя срезало, как будто гигант перепутал мое авто с жестянкой зеленого горошка. Я стояла и тарасилась на машину с открытым ртом. Строительный рабочий встал, прижимая каску к груди, как бы в знак уважения к моей почившей в бозе машине.

– Мой кран для сноса зданий перевозили на место работы, и при повороте он просто соскочил с платформы и сделал это с вашей машиной. На нем был нож вместо шара. Меня оставили ждать прихода хозяина.

Я не знаю, почему я сломалась именно тогда. Но именно в тот момент я поняла, что мне необходимы перемены. Я добралась до работы, и меня позвали в кабинет президента фирмы. Он сообщил, что покидает рекламный бизнес и через месяц закроет контору. Я работала там пять лет и обожала свою работу. Я была автором текстов и творческих идей. Я делала радио- и телерекламу, планировала кампании и распределяла огромные бюджеты своих клиентов. Эти люди стали для меня той семьей, которой я никогда раньше не знала.

Меня снова отдали на удочерение.

Когда вечером я вернулась домой, моего мужа «эмоционально не было дома» – он предпочитал мне бокал спиртного и несколько кубиков льда. И тут я сломалась.

Женщины ведут ректорактивный учет. Мужчины стирают свои плохие оценки в конце каждого дня. Так что для меня прошло пять лет, и мой фитиль почти догорел; это был миллионный раз, когда муж не оказал мне никакой помощи. Он посчитал, что в тот день еще не сделал ничего плохого. К тому же до сих пор это всегда сходило ему с рук.

Напиваясь, он всегда угрожал покончить с собой, а я прятала ключи от его машины и умоляла его прийти в себя, что, как правило, значило, что мы не будем спать всю ночь, обсуждая глубину его внутренних бурь, а потом он отпразднует это, надрав мрамор в фойе или выколотив мебель. Но это был неудачный день, и тем вечером я стала новой женщиной. На сей раз я бросила ему ключи от машины, посоветовав поехать покататься, предпочтительно по короткому пирсу, упаковала свой чемодан и ушла. Я оставила ему Испанское Помесье на озере, старинную мебель, статую Давида и «слегка» попорченный «бьюик-электру».

К счастью, я создала себе хорошую репутацию в мире рекламы, и скоро мне предложили работу на телевидении. В тот день, когда я подписала контракт с телеканалом, вся его верхушка уволилась, оставив меня единственным человеком с правом принятия решений. Так вышло, что в течение года я руководила телеканалом. Я «наткнулась» на работу на радио по случайности и наглости, получила чудесное образование, провела пять лет в одном из лучших рекламных агентств, а теперь судьба очень мило дополнила мое резюме.

У судьбы нашлось для меня несколько сюрпризов и в личной жизни. На одном коктейле я заметила самого красивого мужчину из всех, кого я видела в жизни. Решив, что его эгоизм наверняка превосходит его красоту и не полагаясь более на красивых молодых мужчин, я провела вечер, стараясь оказаться в противоположном от него углу комнаты,

решив ни за что с ним не сталкиваться. Я пережила весь прием, ни разу с ним не встретившись, но когда дело дошло до ужина, меня посадили за стол как раз напротив него.

В конце концов я привезла его домой, и позже мы поженились. Нам было очень комфортно вдвоем. Он был интеллектуалом, поразительно честным, глубоко травмированным переживаниями детства – но с кем из нас этого не было.

Я не осознавала «направляющие», вживленные в меня в детстве, и вступила в фазу «ты должна быть щедрее, умнее, красивее, сексапильнее, добрее, забавнее и талантливее всех вокруг, чтобы быть равной и достойной жизни». А это значит, что женщина собирается стать Супервуман, а также потенциальной жертвой.

В то время я иногда замещала ведущего ночной радиопередачи, и я помню случай, который многое предсказал, но его смысл стал понятен мне только 20 лет спустя. Ведущий этого ток-шоу был консерватором, а я, естественно, считала себя либеральной. Мне доставляло радость «расширять мировоззрение» его слушателей, когда передачу вела я.

Однажды ночью я решила обсудить очень спорный правовой вопрос. Это был судебный процесс из соседнего штата, во время разбора которого чернокожую женщину посадили в тюрьму как пособницу при краже. Ее приятель что-то украл в то время, как она была в машине. Ночью белый охранник вошел в ее камеру в тюрьме и изнасиловал ее. Во время изнасилования она ухитрилась вынуть у него из-за пояса нож, ударить его и сбежать. Он умер со спущенными штанами, а стены камеры были забрызганы его спермой. Она сбежала в другой штат, опасаясь южного правосудия, и был начат процесс выдачи, чтобы вернуть ее и судить по обвинению в убийстве.

Феминистки были шокированы. Расисты жаждали крови. Я просто рассказала своим слушателям о деталях дела, представив обе стороны конфликта, хотя признаюсь, что я сама, конечно же, склонялась к (как мне казалось) более просвещенной и гуманной точке зрения.

Я взяла интервью у местного судьи, задав ему пару правовых вопросов, а также у нескольких феминисток, чтобы услышать мнение защитников этой женщины. Когда передача закончилась, я переключила оборудование на автоматический режим, как обычно, проверила записи и закрыла станцию. Я вышла через боковую дверь, выключив за собой свет. Я была на станции одна, как всегда в столь поздний час. Выйдя на огромную парковку, я увидела там два ряда машин по обе стороны площадки, а посередине между ними – ряд полицейских автомобилей, не дававших им сойтись. В машинах справа были люди, приехавшие меня уничтожить. В машинах слева – те, кто приехал меня защищать. А полиция приехала навести порядок. Я проскользнула к своей машине, уехала домой и проплакала всю ночь. Как люди могут злиться на правду? И как они могут так меня ненавидеть? Я только проливали свет на мрачную истину. Почему же люди не хотят знать всей правды? Это был переломный момент в моей жизни на юге, где женщина не должна высказываться или задавать вопросов.

К рассвету до меня дошло, что я владею силой, которую не хочу иметь и которой не умею пользоваться. Я с грустью поняла, что я либо очень нравлюсь людям, либо совсем не нравлюсь. По какой-то причине среднего не дано. Этот случай указал мне на подобный эффект от моего голоса. Позже я узнала, что то же самое делают написанные мной тексты и даже просто мое присутствие.

Той ночью, как и многие годы после нее, мысль о подобном влиянии доставляла мне массу мучений. Я боялась силы и не хотела иметь к ней отношения. Я предпочитала, чтобы все меня любили, и искала только одобрения. Лишь спустя много лет, проплакав много ночей, я начала уважать и принимать эту силу как нечто, чем надо владеть и использовать, чтобы менять мир. Пройдут десятки лет, прежде чем я пойму, что люди, меняющие мир, как правило кого-то обижают. Те, кто хочет всем угодить, редко вызывают перемены.

Продвижение моего мужа на государственной службе привело нас в Вашингтон, и я открыла консалтинговый бизнес, используя все, чему научилась за годы, проведенные в рекламных агентствах.

Возможно, сказывалось влияние песка, сыплющегося в наших биологических часах, вечно отмеряя движение из будущего в прошлое, но мы с мужем начали подумывать о том, чтобы завести детей. В конце концов у нас появились две чудные дочурки. Но наша жизнь начала разваливаться, когда у нас стало меньше времени для себя. Сначала у Дженнифер началась аллергия на молоко, сою, все виды протеина и сахар. Пока я боролась с этим диагнозом, ища для нее какую-нибудь систему питания, у Адрианны началась серия воспалений уха, продолжавшаяся примерно до 12-ти лет. Ночи заполнились бегом из одной комнаты в другую, я носилась туда-сюда, сначала укачивая одну дочь, кричащую от боли, а потом на той стороне коридора беря на руки другую плачущую малышку.

Это были мои дни Супервуман, когда я спала примерно по четыре часа в сутки, с перерывами на кормление и плач, а потом целый день обслуживала клиентов. Мой рабочий кабинет был дома, и у меня была няня на полную ставку, а это значило, что я могла быть с одной дочерью, пока няня занималась второй. Так я могла быть с девочками, когда сроки работы не поджимали, и быть уверенной, что никто не причинит им вреда. Старшая, Дженнифер, буквально плакала большую часть времени из-за болей в животе; к тому же она не спала днем с десяти дней от роду. Она засыпала в слезах около полуночи, с плачем просыпалась в два часа ночи, потом снова – в четыре, и вставала насовсем в шесть утра каждый божий день. Младшая просто все время плакала, когда у нее было воспаление уха. На втором году жизни это случилось с ней 12 раз.

Посещая клиентов, я часто брала девочек и няню с собой, останавливаясь по пути на игровой площадке, в Детском музее или торговом центре. Так они могли играть, пока я была на деловом свидании.

Мы тогда жили вблизи Вашингтона, так что было даже логично (при том, как я катилась по жизни) что я попала в область политического консалтинга. Кажется, у меня и к этому был дар. Я относилась к политикам точно так же, как к производителям обуви. Это было довольно просто. Надо было понять, на чем «стоит» клиент, из чего сделана его «душа», и как это лучше всего обрисовать на рынке.

Занимаясь одной из предвыборных кампаний, я с болью осознала захватническую силу программы религиозных фанатиков правого толка. Явственные мрачные предзнаменования ужасали меня. Мой хрустальный шар предсказывал будущее с урезанными Конституционными Правами. Я видела ужасный грядущий мир, где царил тот тип сознания, рядом с которым я провела свое детство – узколобый, нетерпимый и невежественный. Я видела впереди цензуру и потерю гражданских свобод, и все это, прошу заметить, во имя Бога и добродетели. Перед лицом этого Всадника я чувствовала себя совершенно беспомощной – впрочем, это чувство царило и в других областях моей жизни. Я оказалась на спине коня, совершенно не похожего на коня из моего детства. Я вовсе не хотела попасть туда, куда скакал этот конь. Но я находилась в состоянии созерцания. Моя «кнопка действия» еще не была нажата.

Чем более требовательными становились дочери, тем отчужденнее был мой муж. Он уходил на работу около шести часов утра, а вернувшись в пять вечера долго принимал горячую ванну (чему я ужасно завидовала). Потом он исчезал либо в свой кабинет, либо в телевизор, и возвращался лишь несколько часов спустя. Я думаю, что пальцев на моих руках и ногах хватит, чтобы сосчитать, сколько раз он уложил девочек спать. Эмоционально он становился все холоднее, пока в один прекрасный день я не поняла, что он последний раз

прикасался ко мне три года назад, а мне не разрешалось проявлять инициативу. Мои попытки поговорить об этом были бесплодными. Мои требования проконсультироваться привели нас к одному жалкому консультанту по вопросам семейной жизни, который мог бы довести до развода даже по уши влюбленных друг в друга людей. Я засыпала в слезах почти каждую ночь, а мой муж этого даже не замечал.

Я помню, как однажды я стояла в ногах кровати.

– Почему ты больше не прикасаешься ко мне? – спросила я, кусая губу и готовясь к его ответу.

– Ты мне больше не нравишься, – вот все, что он мне сказал. Он продолжил читать, а я продолжила занимать девочек, чтобы они его не беспокоили, как делала каждый вечер. Ему не нравилось слышать их плач.

Однако моя деловая жизнь была поразительно успешной, мы жили в хорошем городе и ездили на хорошей машине. У меня снова были восточные ковры и антиквариат! А девочки ходили в самый лучший детский сад и прошли экзамены Программы для одаренных детей, что было правилом этикета в Северной Виргинии для всех, кто хотел иметь преуспевающих малышей.

Потом начались посещения. Однажды я спала в своей постели и почувствовала палец, трогаящий меня за руку. Я перевернулась и открыла глаза, ожидая увидеть Дженнифер, требующую внимания. Каково же было мое удивление, когда я никого там не увидела. Однако, когда я посмотрела на свою руку, то увидела, что на коже появляется выемка, совпадающая с ощущением, что кто-то трогает меня за руку. Я оглянулась и увидела в ногах кровати большую светящуюся фигуру, похожую по форме на человека, но без тела; это было просто сияющее пульсирующее присутствие. Оно протянуло сверкающий «палец» и «прошептало» мне: «Иди и пиши».

Я встала, пошла в свой кабинет и начала серию стихотворений, которые позже назвала «Фантомной Серией». В этих стихах я выражала свою жажду узнать, чье это присутствие. Это, несомненно, было мужское присутствие, и очень даже сексапильное. Я стремилась узнать, кто таким образом вошел в мою жизнь, напоминая, какой страсти не хватало в моем существовании.

«Я гналась за тобой по тропам времени. Через рождение и смерть, рождение и смерть. Ты зажигаешь меня, и я горю», - писала я ему.

Мое детское переживание с тремя огнями, посетившими меня однажды вечером, возбудило во мне сильный интерес к паранормальному. Я в довольно юном возрасте прочла книгу Эдгара Кейси и полностью приняла знание о реинкарнации и карме. Я чувствовала, что это верно; моя душа знала, что это правда, по крайней мере, для меня. Но довольно долго не происходило ничего такого, что могло бы так сильно меня изменить. После этих посещений, происходивших каждую ночь в течение девяти месяцев, я начала писать газетную колонку и углубилась в альтернативную духовность со все возрастающим упорством и рвением.

Ранее я интересовалась паранормальными явлениями, но теперь я начала размышлять о Боге; я знала, что это я.

Мой муж считал, что я сошла с ума.

Но посещения продолжались девять месяцев – достаточно долго, чтобы родить колонку в местной газете, которую я вела в течение последующих четырех лет. Одна из моих ранних заметок была о первом дне, когда Дженнифер пошла в детский сад. Используя

свой опыт как метафору, я очень поэтично рассказывала о надеждах матери на счастливое будущее для ее ребенка.

Я помню, что там была строчка: «И пусть твои туфельки никогда не жмут». Только на первый взгляд это был рассказ о первом дне Дженнифер в детском саду; на самом деле статья была о детстве, жизни и утратах, и все это было вплетено в меланж красивых фраз. Там говорилось обо всех наших мечтах и надеждах на счастливое будущее для всех детей. И, уж не знаю почему, люди возненавидели меня за то, что я это написала. Редактор был моим другом и знал силу газетных рубрик. Он был в восторге от спора, который я вызвала, и открыто публиковал письма с выражениями ненависти ко мне.

Почему они ненавидели меня за заметку о том, как моя дочка пошла в садик, и о моих материнских мечтах и надеждах? Я читала и перечитывала ту статью, и по сей день чувствую, что она могла вызвать слезы, но не ненависть. Но я открыла газету через неделю после ее публикации, и там был целый разворот, полный гневных писем о том, что я написала. Я проплакала всю неделю. А еще через неделю в газете опубликовали столько же писем, хвалящих то, что я написала. Я снова столкнулась со своей старой проблемой – желанием всем понравиться. Почему они все не могли любить меня? Однажды я выписывала чек в бакалейной лавке, и продавец, узнав мое имя, сказал что-то о моей колонке, что заставило стоявшую за мной в очереди женщину сказать, как она меня ненавидит, а потом стоявшая за ней женщина сказала, как она меня обожает. Я выскользнула из лавки, пошла домой и снова расплакалась.

Я сказала себе, что, если моя пятилетняя дочь может повзрослеть и пойти в школу, я тоже могу повзрослеть. Взросление на тот момент означало для меня преодоление моего страха оказаться нежеланной или не получить одобрения. Это был все тот же старый страх быть брошенной, «почему никто меня не любит». И знаете что? Он не давал мне стать тем, кем я могла стать. Я знала, что, пока меня заботит, что думают другие, я не смогу полностью раскрыть свой потенциал. Я изводила всю свою энергию, пытаюсь писать приятные вещи... быть приятной для своего мужа... удовлетворять своих детей... улаживать своих клиентов. У меня не оставалось сил на саму себя.

Моя жизнь – серия сходных событий. Сначала я случайно попадаю куда-то, а потом ломаюсь и ухожу. Наверное, я могла бы догадаться, что трещина в нашем браке стала достаточно велика, чтобы я в нее упала. Мы шли разными путями и встречались только изредка, на перекрестках. Но я не так легко сдаюсь, и я продолжала пытаться наладить жизнь или притворяться, что то, что я несчастлива, ничего не значит.

Однажды мы пошли поужинать с нашим другом, приехавшим в город по делам. Он всегда приглашал нас на ужин во время своих визитов, и в тот раз мы были в Джорджтауне во французском ресторане, где официанты разъезжали на роликах, а между переменами блюд впрыгивали на сцену и исполняли небольшие музыкальные номера. Я выпила, что для меня было необычно. Мне нужна только одна рюмка спиртного, чтобы стать очень веселой и очень пьяной. Я растаяла, вспомнив человека, в которого влюбилась и за которого вышла замуж, мужчину, к которому испытывала достаточно сильные чувства, чтобы родить от него детей. Я наклонилась и провела пальцами по его шее, погрузившись в сладкие мечты о чувственности. Он даже не обернулся, но, наверное, принял мои пальцы, ласкающие его, за насекомое, потому что шлепнул рукой по шее, как делают, желая прогнать назойливую муху.

Мне показалось, что мне залепили пощечину по сердцу. Почему-то это оказалось последней каплей, последним отказом в интимности из сотен полученных от него отказов. Я сломалась. Я встала и отдала ему ключи, чтобы он забрал машину (Бог свидетель, я не заслужила ее!) и вышла за дверь. У меня в кошельке было 25 центов, когда я остановила

такси и попросила отвезти меня к банкомату, чтобы я смогла заплатить за 30 миль дороги до Рестона, где мы тогда жили. Водителем такси оказался иракский студент, работающий над своей кандидатской. Мы остановились, и по дороге я подобрала подругу. У нее была труба, я заехала домой за своим кларнетом, и мы сидели вместе на главной площади городка и играли, она на трубе, а я на кларнете. Водитель такси играл на табле и пел. Мы пели и играли блюзы на площади Лейк-Анна до самого восхода. Я пела о потерянной любви. Она пела о потерянной юности. Он пел об ужасах войны. Я до сих пор не знаю, почему никто не пожаловался в полицию.

Я хотела уехать следующим же вечером, но муж уговорил меня остаться на несколько недель, говоря, что мать с двумя маленькими детьми не должна уходить из дому на мороз. Он сказал, что, если я дам ему несколько недель, он найдет себе место. Но он так и не ушел. Позже я узнала, что его отец посоветовал ему остаться, боясь, что я могу сказать, что он меня бросил, и заявить свои права на дом. Ясно, что он совсем меня не знал. Я бросаю дома и антиквариат.

Я не заслуживаю, чтобы кто-то обо мне заботился. Я сама забочусь о себе. Неважно, как много я отдаю, как тяжело я работаю и как сильно я люблю, я все равно сирота, и так будет всегда. И, в конце концов, я просто женщина, а всем известно, что мы ничего не стоим. Мы не можем быть Святыми и Мистиками. Мы просто шлюхи. Мы можем только служить мужчине. То, что мы нужны, чтобы рожать детей – только временная важность, и вскоре даже в этом нас заменят пробирки и чашки Петри.

В результате я оставалась там еще почти полгода после этого происшествия, но сняла свое обручальное кольцо и больше не считала себя замужем. И я начала работать над своей духовностью, частью которой мой муж не хотел быть.

Я сняла домик на острове Чинкотиг и провела две недели одна, без часов и телефона. Это было мое первое приключение в одиночестве со времен прогулок по тропинкам Виргинии. Я выпитывала его. Я пропитывалась им. Я купалась в нем. Я смаковала его. Я мыла им свое лицо и плескалась в нем, погружаясь в себя, помазываясь, как мирром, временем для размышлений.

Я подружилась с рыбаком, оставлявшим мне лучшее из своего дневного улова, и счастливо жила на одном большущем крабе, стакане красного вина и одном артишоке в день.

Бродя по побережью соседнего острова, Ассатига, я пережила событие из тех, которые меняют жизнь. Я начала диалог со «словами без голоса», который длился целых три дня, когда я ходила по пляжу в шторм. Этот «учитель», возникавший в моей голове, был самым вызывающим и мощным присутствием, испытанным мной на тот момент, и его сила поражала и приводила меня в смущение.

Эти «слова без голоса» учили меня иллюзорности совершенства, спектру света и нашему сотворению через него, когда мы упали в материю. Меня учили физике сознания и совершенству того, что кажется несовершенным.

Он (мне казалось, что присутствие мужское) учил меня физике родственных душ, тому, что мы начинаем путешествие в материю как единое пламя, разделяющееся затем на два, мужское и женское / позитивное и негативное, когда мы «падаем» через спектр света, чтобы попасть на этот электромагнитный план сознания. Он сказал мне, что эти два пламени почти никогда не оказываются даже на одном плане... что воссоединение этих двух огней происходит крайне редко и что, если оно произойдет раньше срока, прежде чем каждый закончит свою личную работу, они могут взорвать друг друга, настолько мощна

магнитная энергия исходного пламени. И после всех этих предостережений голос сказал мне, что моя судьба – воссоединиться с моим исходным пламенем.

Искорка загорелась в сердце маленькой девочки, всегда верившей в настоящую любовь, всегда знавшей, что где-то в мире есть ее вторая половинка, и, хотя эту искорку разжигали с массой предупреждений и предостережений, мое сердце подпрыгнуло в груди от одной только возможности такого. Я посмотрела на свою жизнь и поняла, что для меня самым важным всегда были взаимоотношения. Это была моя работа. И, по правде говоря, я всегда искала эту «другую часть меня». И, если нам не стоило встречаться, не закончив своей личной работы, то мне надо поторопиться работать над собой. Вот как вышло, что я поклялась призывать всю свою неоконченную работу, чтобы быть готовой.

Эти три дня я шла сквозь злобный северо-восточный ветер, дувший на меня с завидным упорством и такой силой, что мне приходилось наклоняться, чтобы идти. Во время ходьбы я спорила с голосом Бога в моей голове, бранясь из-за несовпадений и причуд жизни и метафизики.

Один раз, после того как я страстно и долго спорила об одном вопросе, мне было велено поднять ракушку, лежавшую на моем пути. Она была треснутой и покрытой рачками, с жирным масляным пятном с одной стороны. То, что когда-то было жизнью, исчезло, и вместо него остались только паразиты, мусор и грязь. Небо в моей голове раскололось пополам, и какое-то неопишное мгновение я видела правду. Я видела все. Я видела вращение космосов вокруг космосов, многослойные, многомерные миры-внутри-миров и уровни причинных связей.

Причины и совершенство были акробатами, способными изогнуться и принять любую форму, которая нужна им на данный момент. Все было совершенно. И даже понятие совершенства было ограничено. И это тоже было совершенным. Несовершенство было совершенным!

Я оставалась в этом блаженстве... не знаю, как долго. Возможно, лишь секунды. Возможно, несколько часов. В конце концов, я шла навстречу штормовому ветру три дня подряд, от восхода солнца до восхода луны.

Я спросила: «Зачем все это?» - и Большой Альфи ответил.

Я вернулась на восходе четвертого дня и попросила дать мне способность записать то, чему меня научили, ведь раньше я никогда не слышала о таком общении. Мне было сказано, что мне придется «заработать эти слова», и что, когда я «приму их как свои» в своей жизни, я смогу получить все учение назад, но тогда оно будет исходить из моих уст и моего сердца и не будет простым повторением. Вот почему я могу рассказать эту историю, но все еще не могу целиком записать учение, данное мне ветром за те три дня.

Вернувшись домой, я более не могла быть прежней. Я кое-что увидела и изменилась.

Я любила своего мужа, но он не был способен любить себя, а я к тому моменту могла бы уже и выучить один из величайших уроков жизни. Невозможно любить кого-то настолько сильно, чтобы этот человек полюбил тебя. Если он не может любить себя, то, уж конечно, не может любить и тебя. Но я не поняла это в своем первом браке, как не поняла и со второй попытки. Вместо этого я годами по ночам лежала без сна рядом с ним и плакала, а он ни разу этого не заметил.

Проведя десять лет в ожидании перемены температуры, я решила, что он замерз навсегда и никогда не оттаяет, и ушла. Я достигла той точки своего роста, где выживание не могло компенсировать отсутствие эмоциональной свободы и правды. Я отказалась растить своих дочерей в атмосфере лжи, увековечивая «миф о мамочке и папочке», основанный на

обоюдном согласии «оставаться вместе ради детей». Если он и был моей родственной душой, то сам он так не считал.

Меня позвал остров под северным небом и великий учитель в голосе ветра. Несколько месяцев спустя после моего переживания на Чинкотиге я увидела видеозапись, очень похожую на моего учителя в голосе ветра.

Так вышло, что я сложила вещи своих дочерей, закрыла свой бизнес, купила микроавтобус и снарядила его в путешествие. Я ехала на запад, чтобы записать учение этого великого Мастера и работать над своими незавершенными делами, чтобы быть готовой.

Я обожаю воспоминания об этом путешествии по стране с девочками шести и восьми лет. На ночь мы останавливались в кемпингах, и наш скромный старенький «фольксваген-вестфалия» прятался среди переоборудованных автобусов и шикарных «домов на колесах». Из нашего «черепашьего панциря» появлялись льняные скатерти и серебряная посуда, и в то время, как наши соседи ерзали на пластиковых стульях и напивались пивом перед своими «домами на колесах» за 200 тысяч долларов, мы завтракали «яйцами бенедикт» (изысканное блюдо – яйца всмятку с беконом и сыром – прим. перев.) и тостами с обрезанной корочкой и пили чай из серебряных подстаканников.

Я сидела в пруду под водопадом Подкова в Западной Виргинии, смеясь под струями теплой воды, в тот день, когда мой доклад был передан президенту и правительству в Белом доме. Я могла бы остаться дома и пойти туда, ради «славы», чтобы потом говорить: «Я была там», но я предпочла водопад. Было Четвертое июля 1986 года, и это казалось мне более подходящим утверждением свободы – сидеть под водопадом, а не в Овальном кабинете рейгановского Белого дома.

Моя первая в жизни мигрень случилась в Эльк-Крик, штат Кентукки. Голова раскалывалась, и я решила, что мне лучше не сидеть за рулем. После полудня мы остановились в кемпинге Эльк-Крик. Я выбирала место для парковки, а слепящая боль гнала меня в темноту, под одеяло. Мы припарковались рядом с деревянной вывеской «Стоянка Эльзы в Эльк-Крик». Здесь Эльза остановилась на все лето, развесив рождественские гирлянды и покрыв всю свою парковку искусственной травой. Вывеска указывала на место ее стоянки бесконечному потоку родственников и гостей.

Теряя сознание от боли, я успела заметить, как Дженни и Адрианна пошли за частокол, где Эльза устроила прием на садовом стуле, разбирая бобы в обществе своего чихуахуа.

Я очнулась несколько часов спустя, как будто во мне заменили электропроводку (как происходило и многие последующие годы после этих головных болей, выводивших меня из строя и тянувшихся, казалось, бесконечно долго). Я была в ужасе. Как долго я спала? Где девочки? Я собиралась не спускать с них глаз во время путешествия, наслушавшись ужасных историй о детях, исчезавших в кемпингах по дороге в туалет. Я раздвинула занавески на окне и позволила тусклому свету сумерек прикоснуться к моему оптическому нерву, только слегка морщась.

Девочки разбирали бобы вместе с Эльзой на соседней парковке.

«Боже, – подумала я. – Что она обо мне думает? Меня так долго не было, а девочки гуляли самостоятельно». Она была пожилой женщиной, а я научилась их бояться, потому что одна такая воспитывала меня саму.

Я выбралась за дверь и вошла в маленькую калитку под вывеской.

Девочки с восторгом встретили меня и просили Эльзу показать мне трюк, который умел делать ее чихуахуа. Эльза согласилась, и они послали песика «принести выпить». Клубочек белой шерсти помчался к трейлеру и выволок оттуда банку пива. Он яростно рычал и таскал банку туда и сюда по искусственной траве, колотя ею по садовым стульям,

царапая и дергая за крышку, пока из нее не начало капать пиво. Тогда он радостно повалился на спину, взвалив банку себе на живот и ловя каждую каплю.

– Ну, – сказала мне Эльза, – девочки говорят, что ты везешь их на какой-то остров на севере, затерянный неизвестно где. У тебя есть важная причина, чтобы так поступить?

У меня перехватило дыхание от страха. Осудит ли она меня за это? Согнусь ли я под ее испытующим взглядом? Могу ли я придумать какую-то ложь, которая оправдает мое поведение?

– Нет, – услышала я свои собственные слова. – У меня нет для этого важной причины. Я просто хочу так поступить.

– Хорошо, – сказала Эльза. – Я никогда не видела, чтобы счастье приходило от того, что люди делают из-за важных причин.

Я знала, что это было магическое путешествие духа, а не ума. Оно тянулось от философской беседы со старыми певцами кантри на речном пароходе по Миссури до спасения лягушки от торнадо на Уайт-Ривер в Бэдландс, штат Южная Дакота.

Мне так понравился городок Миссула в штате Монтана, что я встала на колени перед нашим минибусом рядом с китайским рестораном и дала клятву. Я пообещала моей машине, что, если она где-то сломается, я сочту это за знак, что нам надо там остаться. Потом я завела машину, надеясь, что она не заведется. Но она завелась.

Мы ехали, пока суша не кончилась на окраине небольшого городка на севере штата Вашингтон. Мы погрузились на паром на пути к острову, чей зов я услышала так далеко на востоке. Мы втроем жались от холодного ветра на носу «Калитаны» и всхлипывали, узнавая приближающийся дом. «Здесь», – пело мое сердце. «Здесь», – вздыхала моя душа, с радостью признавая святое. Здесь, где скалы встречаются с морем, сплетаясь в цепь, такую же древнюю, как память, я наполнилась чувством своего места, какого никогда не знала раньше.

Но нас никто не ждал. Никто не вывесил плакат: «Добро пожаловать. Мы ждали вашего приезда. Садитесь и пишите книги, которые вас призвали написать. Вот ваша зарплата». Мы оставались там так долго, как только могли, но, поскольку никто не сделал мне предложения, мы уехали, на юго-запад или домой. Это решение надо было принять в пути.

Но мы были так близко к огромной снежной шапке под названием гора Рейнир, что я не могла проехать мимо и не подняться на нее. В конце концов, она была совсем близко, так и умоляя посетить ее. К несчастью, проделав весь путь вверх, мотор в конце концов сломался на пути вниз. Мы застряли. Но, возможно, нам повезло? Поломанный мотор требовал не менее двух недель для починки. Я позвонила домой и пережила то же, что переживала каждый вечер. Мне ответил автоответчик. Когда я наконец дозвонилась до отца девочек и сказала ему, что мы застряли, он не сказал: «О, давайте я прилечу и все устрою. С вами все в порядке? Чем я могу вам помочь? Давайте я оплачу вам полет до дому». Вместо этого он сказал: «И какое отношение это имеет ко мне?»

Мы так и не вернулись домой.

Следующие пять лет я была матерью-одиночкой, жившей с орлами и китами на северном острове. Поскольку отец девочек жил на другом побережье материка, он не брал их к себе на выходные и праздники, так что у меня не было свободных вечеров и выходных в одиночестве. Я жила на полную ставку. А воспаления уха продолжались.

И все эти годы перерождения у меня была одна мантра. Я повторяла ее снова и снова. Я повторяла ее в ванне, на прогулках в горы, по дороге в школу, чтобы забрать девочек – везде. Наверное, я произносила ее не менее двадцати раз в день все эти пять лет.

«От имени Бога моего существа я обращаюсь к Матери/Отцу Внутри и призываю все мои неоконченные дела. Пусть придут. Пусть явится все, на что я не смотрела. Пусть явятся мои страхи, моя ревность, моя неуверенность. Пусть все они явятся ко мне, чтобы я работала с ними сейчас. Да будет так!»

Иногда, надо признаться, я добавляла к своей мантре еще одну строку.

«От имени Бога моего существа я обращаюсь к Матери/Отцу Внутри и призываю все мои неоконченные дела. Пусть явятся, чтобы я могла завершить их и быть готовой к встрече с моей парой».

Мы с девочками были так близки в эти годы, что между нами нельзя было бы просунуть и лучину. У нас не было ничего, кроме друг друга. Большую часть этих лет мы прожили на 900 долларов в месяц. Однажды мы с Дженнифер и Адрианной сели и поговорили о том, что нам делать. Я постоянно беспокоилась о деньгах. Я объяснила, что мы можем вернуться в Вашингтон, и я снова буду зарабатывать много денег, и у них снова будет одежда из «Блумингдэйлс», как было раньше. Теперь они носили платья из «Комиссионки Розы». Я объяснила, что буду с ними не так много, как сейчас, но у нас будет домработница, и они смогут заниматься музыкой и танцами, и у них будут вещи, которых здесь нет. Какое-то время мы жили в доме, сдававшемся на зиму, с большими комнатами и хорошей мебелью, но наш бюджет больше не позволял этого, хотя мы съезжали на лето и болтались по округе, пока осенью дом не сдавали снова. Но теперь он все равно был для нас слишком дорог, и перед нами была гора расходов, особенно если я собиралась попытаться выпустить книгу.

Они терпеливо выслушали мои объяснения насчет нашего финансового положения, а потом хором ответили: «О, нет! Мы приехали сюда, чтобы ты воплотила свою мечту. Ты не должна отказываться от своей мечты. Мы найдем жилье подешевле. Ничто никогда не получится, если ты не будешь воплощать свою мечту!»

Вот так и вышло, что мы нашли заброшенный трейлер, в котором не хватало потолочных панелей, и почерневшая от плесени изоляция свисала с потолка где ни попадя. Говорить, что крыша протекала – это не сказать ничего. У нас не было мебели, и мы не могли позволить себе транспортировку нашей мебели из Вашингтона, так что мы приобрели довольно, чтобы «обставить» (пожалуйста, не принимайте это слово всерьез!) наш дом-фургон на берегу. Мы нашли на свалке огромный поролоновый матрас. Он был V-образной формы, с глубокой ямой посередине. Мы спали на нем все вместе – я в середине, по одной маленькой девочке с каждой стороны. Во время сна на мне всегда оказывались маленькие ручки и ножки. Мы переворачивались единой массой, иногда запутываясь в конечностях друг друга. Кажется, одна маленькая ручка всегда лежала у меня на лице. Мне очень нравилось так спать.

Из всех поводов ненавидеть их отца самым раздражающим было Рождество. Все наши елочные игрушки и гирлянды остались у него, в комфортабельной квартире с четырьмя спальнями в Рестоне, штат Виргиния – той самой, в которой он остался жить по совету своего отца. Позже я узнала, что он ни разу не пользовался ими после нашего отъезда. Но он отказался переслать их нам, так что у нас не было рождественских украшений, и уж конечно мы не могли позволить себе их покупать. Один раз наш дорогой друг, островной врач, принес нам игрушки со своей елки, чтобы нам было что повесить.

В один год мы не могли позволить себе купить елку, и наш друг привез нам дерево из горного района, где у него было право вырубки. Это был гемлок с красивыми зелеными

ветками, гораздо более красивый, чем елки прежних лет. Мы повесили на него наши немногочисленные игрушки, украсили его гирляндами из попкорна и ягод земляничного дерева, полюбовались на него и пошли спать. Проснувшись утром, девочки побежали смотреть на свою елку и нашли ее рассыпавшейся по ковру. Гемлок сбрасывает свои «зеленые» иголки в помещении. Мы собирали иглы гемлока с этого ковра несколько дней. Это было Рождество Ветви Земляничного Дерева. Я подумала, что это было полезно для окружающей среды. Не нужно было убивать дерево, а мертвая ветвь получала наше уважение. Но мне кажется, что девочки не разделяли мое альтруистичное отношение к этой конкретной мертвой ветке.

Мы починили крышу и постепенно отремонтировали потолочные панели, но только после дюжины воспалений уха и после того, как все мы по очереди перенесли раскаленные температуры вирусного менингита. Я помню, как меня носило между измерениями и крутило в аду пота и жара. Моя голова не болела. Слово «боль» даже близко не стояло с тем, на что была похожа эта агония. Мне казалось, что мои кости варят в кипятке, и страдания несут меня из этого мира в следующий.

Во время наших «трейлерных лет» на остров обрушилось два ужасающих шторма. Каждый из них называли «штормом столетия», то есть считалось, что шторма такой силы случаются раз в сто лет. Мы жили на северном побережье острова Оркас во время их обоих. В самом начале прерывалась подача электричества, а вскоре отключалась и вода. В нашем трейлере была маленькая печка-буржуйка. Я навалила у одной из стен кухни запасы дров и заклеила окна и дверь черным полиэтиленом. Я заставляла себя выйти наружу один раз в день, чтобы пополнить запасы дров. Я ставила будильник, чтобы подкладывать дрова в печку каждые два часа в течение ночи. Но мы выжили в этом трейлере, когда все остальные сбежали с северного побережья. Две другие матери-одиночки покинули свои огромные дома с температурой ниже нуля, мы застелили матрасами весь пол в салоне, и три матери с шестью детьми продержались в шторм на площади 8 на 8 футов. Мы много дней варили суп и макароны на этой печурке. Мы топили снег на той же печке, где варили картошку и макароны. Я всегда буду обожать буржуйки. Она не просто помогала нам выжить, но и обогревала и кормила нас.

Адрианна «отпраздновала» свой восьмой день рождения ближе к концу самой ужасной бури, и мы смогли выбраться в город, в продуктовый магазин. Электричество все еще было отключено, и хозяева магазина даже не могли нормально открыть двери. Они силой раздвинули их и держали приоткрытыми, чтобы островитяне могли купить ту малость, что еще оставалась на полках. Там нашлась одна коробочка «Смеси для торта Данкена Хайнса», и мы забрали ее домой. Мы открыли коробку и передавали ее друг другу, поедая общей ложкой сухую белую смесь и распевая поздравления с днем рождения. Этот день рождения до сих пор остается самым лучшим в моей жизни. Три женщины и шестеро детей пережили этот шторм в той точке острова, где он бесновался сильнее всего, где ветер с Аляски дул со скоростью более 120 км/ч, при температуре намного ниже нуля – а нам было тепло и мы не голодали, обходясь без помощи мужчин.

И посреди этой борьбы за выживание с минимальным доходом я как-то смогла сделать то, ради чего мы приехали. Я отредактировала и издала три книги, основанные на информации, которую я считала пришедшей от великого учителя в голосе ветра – потрясающее достижение для матери-одиночки, живущей на 900 долларов в месяц. В конце концов я откупила права на первые две, на свои средства издала третью, и она даже попала в список бестселлеров течения Нью-Эйдж. Адрианна и по сей день говорит, что вспоминает

то время, думая о моей силе – те «трейлерные годы», когда мы поняли, что ничто не может нас остановить.

Одна из этих книг была о мужчинах-тиранах, хотя тогда я не думала, что испытала это на себе. Другая была о манифестации желаемого. А третья была о сверхсознании.

К несчастью, я не знала, что притягиваю в свою жизнь то, что редактирую. Я никогда не стала бы издавать книгу о мужчинах-тиранах.

Но это давит, знаете ли – одиночество и такая большая ответственность. Школа была ужасной, и я опасалась за образование девочек. Я не могла дать им ничего, кроме минимума, необходимого для жизни, хотя я и стала волшебницей комиссионки.

В глубине души, я все еще была одинока.

Я начала читать лекции по третьей книге, так как в ней говорилось о том, что, как мне казалось, было крайне важно понять. Многие мои знакомые с глубоким уважением (на грани подобострастного поклонения и покорного подчинения) относились ко всему, что подавалось как Божественное.

Пошлите сообщение, скажите, что оно от Бога, от Иисуса, от Марии или любого другого «принятого» Мастера, и люди поклонятся с уважением. Но многие поклонники того, что считается Божеством в религии, насмеются над людьми, вышедшими на связь с источниками информации вне наших теперешних исторических рамок, то есть с инопланетянами. Как недалёковидно!

Я решила, что моя задача – навести мост через пропасть между духовностью и тем, что считалось «инопланетным сознанием», и я начала говорить на эту тему.

Я никогда на самом деле не понимала, где встречаются рок и карма. Если мы создаем свою реальность, какова тогда роль судьбы? Возможно, в этой жизни я этого и не узнаю. И я наверняка никогда не пойму, как женщина, бросившая мужа, чтобы не дать дочерям расти в доме без любви, смогла вляпаться в то, что последовало далее.

Во время лекций я встретила мужчину, притворявшегося тем, чем он на самом деле не был. Но я поверила ему, потому что хотела, чтобы он оказался тем, кем назывался... я хотела, чтобы в мире была такая возможность. Я хотела, чтобы у меня была такая возможность.

Он назвался великим учителем.

Он играл на гитаре и пел песни.

Он сказал мне, что он коренной американец, шаман, учившийся у великих Старцев. Он проводил церемонии, играл на флейте и писал стихи, носил с собой священную трубку и вызывал картины из глубины моего подсознания. Так начались мои годы с Орлом, Медведем, Пауком, Вороном, Белой Совой и Черной Рыбой. Я уходила глубоко в лес и проводила, наверное, две ночи в неделю, нося камни в индейскую парную для ритуала очищения с молитвами и песнями. Первые два года мы путешествовали со старейшинами, и я действительно научилась многим удивительным вещам. Но я не знала, что на самом деле он учился там вместе со мной. Многого из этого он не знал до нашего знакомства. Но до знакомства с ним я никогда не встречала настоящего мошенника, и у меня ушло несколько лет на то, чтобы понять это. Я не знала, как ловко тьма может прикидываться светом.

Постепенно он начал процесс моего уничтожения, унижая меня, отрезая от старых друзей, отбирая мою силу в течение почти пяти лет. Пока однажды я не очнулась и не поняла, что подвергаюсь насилию. Я позволила мужчине бить меня, и продолжала его поддерживать.

Однажды я шла за ним в кухню, чтобы заварить ему кофе. Неожиданно он развернулся и ударил меня по левому уху. Меня пронзила такая острая боль, что я упала на пол. Остаток дня я провела в постели, держась за ухо, свернувшись от боли, как младенец в утробе. Я была глуха на это ухо последующие полгода. Но я никому ничего не сказала. Он не

извинился. Мы просто продолжили жить. В конце концов, он был «великим учителем», а я – только женщиной. Что я думаю об отчаянии, позволившем мне терпеть такое отношение? Возможно, я прощала насилие, потому что оно было нерегулярным и каждый раз совершенно неожиданным. Возможно, мне было слишком стыдно признаться, что это происходило. Возможно, у меня открылась полученная в детстве рана.

Я тогда была в пятом классе. После большой перемены Шарлотт, любимица нашей учительницы, увидела на учительском столе книгу. Шарлотт была «библиотекаршей класса», то есть она должна была проверять все библиотечные книги в помещении. А на этой книге не было пометки о том, что ее изъяли из библиотеки! Бдительная Шарлотт немедленно отнесла книгу в библиотеку и вернулась в класс.

Прозвенел звонок, учительница вошла в класс, взглянула на свой стол и спросила, где ее книга. В классе стало очень тихо. Миссис Браун была особенно злобной с некоторыми учениками и необычно милой с другими. Причины ее поведения или выбора жертвы всегда были непонятны.

В тот день миссис Браун пересекла комнату и встала перед моей партой.

– Джуди, это ты отнесла мою книгу в библиотеку, верно?

– Нет, мэм, миссис Браун, – вежливо ответила я. В ответ на это она размахнулась и залепила мне пощечину, от которой я слетела со стула и упала на пол. Я была поражена и унижена. Я же ничего не сделала!

Я спешила рассказать Руби о том, что произошло. Она с этим разберется. Матери всегда со всем разбираются.

Когда я рассказала ей о происшедшем, Руби ответила:

– Я уверена, что у нее была причина. Я должна работать с ней в одной школе и ничего не могу с этим поделать.

Я не смогла забыть ее ответа и терпела его результаты последующие 30 лет.

Если кто-то меня ударил, я наверняка сделала что-то, чтобы это заслужить. Если меня изнасиловали, угрожая ножом, это, наверное, потому, что мне не стоило идти той дорогой так поздно ночью.

Я наконец выучила свой урок, лишь когда он напал на мою дочь и украл все, что мы вдвоем накопили. К тому же он чуть не убил меня, прижав к стеклянной двери и колотя по лицу, пока я не начала терять сознание.

Правда в конце концов стала мне ясна. Я пять лет сражалась с темной стороной души этого мужчины. И проиграла.

Мы договорились, что расстанемся, после того как я с девочками вернусь после занятий у знатока лекарственных трав. Вместо этого, пока нас не было в городе, он написал на стенах спальни непристойности несмываемыми фломастерами, упаковал все вещи и уехал. Он подделал мою подпись на документах, из-за которых я попала под суд, и опустошил наш банковский счет. Я получила жестокий урок о мужчинах-тиранах.

Мы вернулись домой и увидели, что там ничего не осталось – то есть, ничего ценного. Он забрал новый видеомэгафон, купленный девочками на их пособие, все диски, все мои картины, мои шаманские принадлежности, всю хоть сколько-нибудь ценную мебель, все машины в рабочем состоянии, включая купленный на наши общие деньги «дом на колесах», все бумаги, даже мою записную книжку. Он оставил после себя 1500 фунтов мокрой изоляции и мусора, раскиданного по всему дому. В банках и за лентами шляп были распиханы записки с угрозами, а также письмо от владельца дома с требованием съехать в течение 30-ти дней. Мы с девочками убрали в доме, очистили стены, которые он испачкал непристойностями, все побелили и уехали, уложившись в срок.

Я знаю, сколько весила изоляция и мусор, потому что, когда мы разгрузили на свалке взятый напрокат грузовичок, там с меня взяли 180 долларов. Когда я в шоке посмотрела на эту цену, мне сказали: «Эй, леди, вы только что разгрузили тут 1500 фунтов мусора, и вот сколько это стоит». Поскольку у меня за душой не было ни цента, это была огромная сумма за разгрузку его же мусора, но добавление оскорбления к обиде было его образом жизни. Он бросил даже двух собак, которых сам привел в дом.

Я поместила все, что осталось, на склад, оставив себе один хороший костюм, и взяла единственное предложенное мне место для жизни – маленький «домик на колесах» моих друзей. Отдав собак в питомник, мы поселились в помещении, где едва можно было устроиться спать рядом с поставленными одна на другую клетками, в которых ютились три наши кошки.

Я одолжила деньги у Адрианны, которая копила каждый цент, который ей когда-либо давали (наверное, только для того, чтобы в конце концов одолжить их мне), и пошла в город искать нам жилье. Маклер (наверное, просто сошедшая с ума) сдала мне дорогой старый сельский дом у воды, на шести акрах самой красивой на острове земли, хотя я была безработной женщиной с двумя дочерьми-подростками. Я и по сей день не знаю, как получила этот дом, а тем более откуда у меня взялась смелость, чтобы его снять.

Мы постепенно перебрались туда и предложили хозяевам оставить нам их старую мебель, вместо того, чтобы везти ее на свалку. Есть на свете Богиня! К счастью, нам достались кровати, диван пятидесятих годов и обеденный стол.

Я понемногу начала поднимать голову после парализующего стыда и искать старых друзей, по одному находя номера их телефонов. Я сразу же узнала, зачем он украл мою записную книжку. Он позвонил многим из них и сказал, что я все у него украла и оставила его голым и босым. Он сказал им, что это я забрала все деньги! Некоторым из них он сказал, что я его била! Но вот что поразило меня больше всего. Многие из них поверили ему! Он рассказывал самые поразительные враки, какие я слышала в своей жизни. Я и забыла, каким виртуозным лгуном он был! В конце концов, он несколько лет водил меня за нос. А я все эти годы скрывала его насилие почти от всех. Не знаю, почему.

Оно было нерегулярным, и я его оправдывала? Я думала, что сделала что-то не так, и поэтому он меня бьет? Это происходило так неожиданно, что было сложно поверить, что это вообще случилось?

Это была моя первая серьезная встреча с предательством, и я видела, как многие люди, которых я называла друзьями, поверили ему, а не мне. До тех пор я всегда считала, что у любой истории есть две стороны. Теперь я поняла, что это не так. То есть, конечно, всегда есть два разных переживания, и с точки зрения широкой «метафизической» перспективы у каждого есть своя правда, но насилию, физическому или словесному, нельзя делать поблажек. Нет никакой «другой стороны», оправдывающей насилие.

Последний шок я получила, когда ко мне зашла приятельница, вскоре после того, как мы перебрались в новый дом. Она была одной из немногих, кто знал о его жестокости.

Она была нашей соседкой и знала о его лицемерии. Она также была одной из немногих, кто знал, что я помогала этому человеку в его многочисленных судебных тяжбах, платя за его адвокатов с доходов от продажи моих книг, чтобы очистить его темное прошлое. Она рассказала мне о телефонном разговоре с его матерью, состоявшемся во время этих долгих месяцев судебных разбирательств.

Он всегда говорил, что он метис – полукровка, наполовину индеец, наполовину белый. Так что моя соседка спросила его мать, какая сторона семьи была коренными американцами.

Его мать ответила, что в его родне не было индейцев, только итальянцы. Она подтвердила, что он не полукровка, а чистокровный... чистокровный итальянец!

Он не был ничем из того, на что претендовал, а я до самого конца верила ему. Я верила его версии судебных разбирательств, рисовавшей его как жертву системы. Я верила его ответам на вопрос, почему на бумагах стояли разные имена. Я верила его словам о том, какими ужасными были все другие женщины в его жизни – они изменяли ему, бросали его и оставляли его ни с чем. (И я поклялась, что буду поддерживать его и покажу ему, какими чудесными могут быть некоторые женщины!) Я поверила его версии о том, где он учился шаманизму. А в конце концов узнала, что он не только не был коренным американцем, но даже и полукровкой. Он не только не был тем, чем назывался, он даже не был тем, кем назывался. А я-то удивлялась, почему у него не та же фамилия, что у его матери, почему у его дочери не та фамилия, что у него, и почему фамилия, под которой я знала его, не была ни фамилией, данной ему при рождении, ни фамилией его единственной дочери.

Он за свою жизнь успел побывать разными людьми.

Вместе с осознанием того, что ты стала «жертвой» (не важно, жертвой насилия или обмана, а в моем случае – их обоих) приходит ужасное чувство вины. Это похоже на чувства жертвы изнасилования. Возникает жуткое ощущение, что ты сделала что-то, чтобы навлечь это на себя, страшное чувство, что ты чем-то это заслужила. В моем случае это, конечно, было детство с Королевой Викторией, которая всегда давала мне почувствовать, как мне повезло, что она не бросила меня подышать с голоду на навозной куче, взяв меня в свой дом. А идеальная пара для насилия – это когда жестокий от природы человек встречается с жертвой детской травмы. В этом смысле, мы были созданы друг для друга. И, если вы понимаете совершенство несовершенства, мы оба получили то, чего, по нашему мнению, были достойны, каким бы жестким и страшным это ни казалось. Коль скоро мы позволяем – нас будут бить. Но если мы будем ценить свободу превыше всего и чего бы то ни было, мы будем выбирать свободу, даже когда это будет означать потерю того, что кажется всем.

Он сбежал, потому что я начала многое подозревать и обвинять его в лицемерии все громче, рискуя всем, грозя рассказать людям, каков он на самом деле, и кем на самом деле не является. Если бы я продолжала покорно подчиняться, он все еще властвовал бы в моей жизни.

Во время этого бегства от кошмара я позвала себе на помощь друга. Поразительный, замечательный человек буквально прилетел ко мне и помог пережить кризис. Этот рыцарь «прискакал на белом коне» из-за границы. Он сказал, что я никогда не смогу сделать ничего, что бы заставило его бросить меня, что неважно, как я буду стараться оттолкнуть его, он со мной навсегда. Я наконец сдалась на его мольбы и «пустила свои длинные волосы через стену замка».

Он был полной противоположностью всех моих знакомых мужчин. Он был заземленным, как в бизнесе, так и в своей духовной жизни. И он обожал меня! Он внимательно слушал, когда я высказывала свои эмоции, ценил мое мнение во всех вопросах, он любил вызывать в людях чувства и сам был чувствителен.

Однажды, сидя в кафе в Санта-Фе, он накрыл мою руку своей, снял свое любимое кольцо, которое постоянно носил, и сказал:

– В следующий раз на этот палец будет надето кольцо, которое ты наденешь мне в тот день, когда и я надену такое же кольцо тебе. Это будет кольцо, которое свяжет нас навечно.

Это смотрелось, как кадр из кинофильма, и я растаяла. Неужели я наконец обрела безопасность и могу снова на кого-то положиться? И я «опустила свои волосы еще дальше через стену замка».

Постепенно, купаясь в лучах его любви и преданности, я начала расслабляться. Он помог мне распутать мои проблемы. Он меня защищал. По-моему, никто до него никогда меня не защищал. Мы начали вместе новый бизнес. Он обожал девочек, и у них впервые в жизни появился любящий и щедрый отец. Он дал Дженнифер деньги на уроки игры на гитаре, чего я не могла ей дать. Он купил Адрианне ее собственный летный шлем, чтобы ей не приходилось одалживать его, когда она летала.

Он замечал мелочи и действовал. Он даже поехал в колледж Дженнифер, чтобы поговорить с ее потенциальными соседями, с любовью расспрашивая и оценивая их, чтобы убедиться, что она будет в безопасности в этом окружении, засыпая их глупыми вопросами, которые может задать только любящий отец. Она сияла от такого внимания. Впрочем, как и все мы.

Любовь и уважение бесценны. Никакая линейка не измерит их важность, ни одни весы не взвесят их ценность. Я начала исцеляться.

Вот почему, с приближением Рождества, я была полна решимости найти самый необычный подарок, чтобы отблагодарить его за то, что он выбрал быть такой чудесной Сущностью. Я хотела подарить ему не просто «вещь в коробке», а что-то неизмеримое. Я хотела найти что-то, отражающее мой восторг и скромную благодарность.

Так я встретила Тома Кениона.

Тихий голосок в моей голове сказал мне: «Ты должна найти звучание. Подари ему “звуки” на Рождество». Хмм. Что бы это значило? Я обзвонила своих знакомых профессиональных певцов, но все они были на гастролях или заняты.

Потом однажды вечером мне позвонила знакомая и в разговоре упомянула имя Тома Кениона. Мое сердце так и подскочило, а в голове зазвенели колокольчики, что не так-то часто со мной случается. Много лет я слышала о том, какую удивительную работу делает Том Кенион, и многие люди говорили мне, что нам стоит познакомиться. В мои «шаманские годы» я несколько раз приходила домой с номером его телефона, предлагая встретиться, и каждый раз получала сердитый отказ от моего Великого Шамана. (Позже я унала, почему).

Но теперь у меня был любящий друг, уважающий мои желания, и я могла встречаться с теми, с кем считала нужным. Слова в моей голове – те, что без голоса – метались, натываясь друг на друга, играя мелодию узнавания, веля мне действовать, говоря, что это тот подарок на Рождество, который я ищу.

Я нашла номер телефона Тома Кениона, позвонила в его офис и оставила ему сообщение, которого по сей день стыжусь. Я помню, что сказала нечто вроде: «Я знаю, что вы не знаете меня, но люди много лет говорили мне, что нам стоит встретиться. Я не знаю, говорили ли они то же самое и вам. Короче, дело в том, что мне нужно найти впечатляющий подарок для особенного мужчины. Не согласитесь ли вы стать подарком на Рождество?»

Он через несколько минут перезвонил мне, и мы договорились о «вручении подарка» у него дома, недалеко от канадской границы.

Через два дня мы поехали «забирать подарок». Я даже не знала, чем Том занимается! Я и понятия не имела, что он работает со звуком. Я просто слушала своих проводников, чего не делала много лет.

У двери нас встретил самый большой зверь, которого я когда-либо видела в доме. Его звали Мерлин. Ему почти не нужно было поднимать голову, чтобы посмотреть мне в глаза, сканируя меня с ног до головы. Его голова легко доставала до моей груди. Он был больше пони, помесь блаухаунда с датским догом.

Мерлин пригласил нас зайти, а Том встретил нас внутри. Том посадил нас на диван, достал хрустальную чашу и начал призывать архангелов. Я закрыла глаза, но, когда он начал

петь, они сами по себе открылись. Я должна была увидеть это, чтобы поверить в то, что слышу! Эта музыка сфер не могла исходить от человека, сидевшего в метре от меня, да и вообще от человека. Это был голос Бога. Этот голос не был похож ни на что, слышанное мной ранее, ни на диске, ни в концертном зале, нигде, даже в моих снах. Ничей голос не мог так звучать. У меня из глаз покатались слезы, меня начало трясти. Я никогда не испытывала подобной благодарности. Я была благодарна, что подобный голос существует на земле, и что мне повезло находиться с ним в одной комнате. Такие голоса запирают в уединенных дворцах, прячут в оперных залах и тщательно охраняют. Никто не может подобраться к таким голосам – но вот я сижу тут.

Я отодвинулась подальше на диване, не желая отнимать эти звуки у моего друга. Это был дар для него; это предназначалось не мне. Я просто была благодарна, что нахожусь в этой комнате. Завершив призывать архангелов, Том провел моего друга через глаз Ибиса и далее, в другие измерения, и все это при помощи звука. Иногда он был Орлом, иногда – Китом, и все это исходило от Тома Кениона. Мы оба были глубоко изменены этим переживанием.

Затем пришли Хаторы и стали говорить с моим партнером, как будто они были старинными друзьями. Когда они закончили свои звуки и передали через Тома всю информацию и инструкции, какие хотели, на мгновение вернулся сам Том и сказал:

– Богиня Хаторов хочет говорить с вами, Джуди.

Я была поражена. Я не ожидала никакого внимания. Это был мой дар кому-то другому! Я села прямее, чувствуя напряжение, наполнившее комнату. Я не помню, что она мне сказала, как не помнит этого и никто другой из находившихся в комнате. Когда-нибудь мне подвернется случай спросить ее, но я знаю, что эти слова были полны уважения и любви и были очень личными, настолько личными, что никто из нас не может их вспомнить. Я знаю, что она упомянула мою недавнюю битву с тьмой и поздравила меня с тем, что я осталась в живых.

Когда мы уходили, Том поймал меня у дверей и сказал:

– Я должен вам сказать, что не делаю этого.

– Чего не делаете? – спросила я.

– Я не принимаю людей частным образом у себя дома, – спокойно ответил он.

– Тогда почему же вы позволили нам прийти сюда сегодня? – мне этот вопрос показался логичным.

– Хаторы велели мне позволить вам прийти.

Он закрыл дверь и оставил меня стоять там, чувствуя себя странно приподнятой. Я знала, что Хаторы – это межпространственные существа, весьма активные, во многом помогавшие Древнему Египту Мастера? звука и любви, но у меня никогда не было опыта прямого общения с ними.

Я вернулась на свой маленький остров одержимой. Я не могла выкинуть из головы эти звуки. У меня было чувство существовавшей где-то связи, глубокой связи. На моего друга ничто и никогда не производило такого сильного впечатления, и я очень гордилась собой из-за того, что создала самый поразительный в мире рождественский подарок! А чувство связи все расло во мне. Меня преследовало замечание Тома Кениона: «Хаторы велели мне позволить вам прийти».

Так что примерно неделю спустя я снова позвонила ему.

– Если Хаторы велели вам позволить нам прийти один раз, не велят ли они позволить нам прийти еще раз?

Он рассмеялся и сказал, что уверен в этом, так что мы назначили еще одну встречу и снова поехали к нему. Во время этого визита я получила информацию о наших египетских связях, и к концу сеанса стало ясно, что это встреча старых друзей, и я даже поняла, почему мой прежний партнер так сердито отказывался встречаться с Томом Кенионом. Мне показали, что я шла по канату, натянутому над пропастью тьмы, готовой меня уничтожить, и даже самый маленький шаг в сторону легко мог стоить мне жизни.

Наверное, я выгляжу не слишком логичной в этой укороченной версии моей жизни (да я, в общем-то, и не писала логичную историю), но я реалистка, иногда даже себе во вред. И я верна как пес, явно себе во вред, и долго была безудержной оптимисткой, но теперь преодолевала это. Моя логика строго дедуктивна. Мой величайший учитель, друг в голосе ветра, всегда говорил мне: «Мастер, докажите это логически». (Мне очень нравилось, что он называет нас «Мастер», не требуя, чтобы мы обращались к нему с позиции послушного раболепства. Он говорил, что мы никогда не поймем, что мы – Бог, если будем называть что-либо вне себя Мастером).

Я начала понимать, что тьма не настолько глупа, чтобы явственно выглядеть темной. Она часто очень похожа на свет, и отличить бывает довольно трудно. А когда я подумала об этом, то поняла, что это логично. Если бы и правда существовала такая сущность, как дьявол, то где бы он, не будь дурак, стал прятаться? Он спрятался бы в церкви или какой-то ее разновидности; он спрятался бы в духовности.

Хотя я давно поняла, что это сам дьявол, так сказать, стоит у руля церкви и многих правительств, я никогда не искала его среди таких, как я, в том, что я считала священным царством альтернативной духовности, где, как мне казалось, лежала настоящая надежда мира.

Именно тогда я поняла, что тьма не глупа, а просто зла; и что тьма, конечно, постарается проникнуть в нашу среду и использовать наш язык, чтобы разрушить наше сознание и подмять под себя сознание всего мира. Тьма, негативность рабства, больше не может использовать неведение, греховность и вину, чтобы мешать нам расширять наше сознание, и она нашла способ незаметно проникнуть в нашу среду и встать рядом с нами, притворяясь одной из нас, сбивая нас с толку, не давая нам достичь индивидуального Христосознания.

Возможно, стоит прояснить, что я считаю злом. Под словом «зло» я подразумеваю все, что мешает проявлению Сознания Христа на земном плане и тормозит просветление.

Той ночью мой друг не ложился спать, а сидел и смотрел на меня. Я заснула, а он сидел на краю кровати, глядя на меня, и по его щекам текли слезы. Я спросила его, почему он плачет, а он ответил, что и понятия не имел, что чуть не потерял меня, и что его сердце разрывалось от одной мысли о грозившей мне опасности. Когда я проснулась, он все еще сидел там. Он поклялся, что, пока в его силах меня защитить, я никогда снова не подвергнусь опасности.

* * * * *

Я помню свою первую встречу с Пэм Кенион. Это было через несколько недель после того судьбоносного переживания с Хаторами. Она озаряла комнату светом, исходившим, как луч маяка, прямо из ее сердца. Ее улыбка обладала мощной притягательностью; она держалась, как Богиня. Она была одной из красивейших женщин, каких я встречала в жизни. Они с Томом стали нашими дорогими друзьями, а когда они переехали на наш остров, почти что в соседний дом, жизнь показалась настоящим благословением, и я думала, что наш кружок стал идеальным и завершенным.

Потом мой друг на несколько недель уехал в Европу. В течение недели он звонил по несколько раз на дню, но потом обнаружил, что его партнер в Европе прикарманивал корпоративные средства. Когда это стало известно, тот снял все деньги с банковского счета и скрылся. Мы с моим рыцарем все еще общались по несколько раз на дню, пока я наконец не поняла, насколько серьезно его положение, спросив в лоб, сколько денег у него осталось. Он ответил, что у него в кармане есть 20 долларов, а поскольку этого не хватит на бензин, чтобы доехать до дому, он оставит машину на стоянке и поедет на автобусе.

И тут звонки резко прекратились, и свет в моем сердце снова погас. Это был очень преуспевающий и сильный человек, заложивший все свое имущество сбежавшему партнеру, чтобы начать новое дело в Америке, так что его потеря была не только финансовой, но и эмоциональной. От этих событий пострадали многие люди, и мой друг не только потерял все, что имел, но и чувствовал себя ответственным за всех работников своего партнера, которые теперь в отчаянии обращались к нему.

Я помню последний звонок своего белого рыцаря. Я слышала напряжение в его голосе, а на фоне – подавленные всхлипы другого человека. Когда я спросила, кто плачет, он ответил, что это один из чиновников корпорации, который не знает, чем ему заплатить по ипотечной ссуде, а у моего друга нет денег, чтобы помочь ему.

А потом телефон замолчал. Я каждую ночь ложилась спать с трубкой беспроводного телефона, просыпаясь примерно раз в час и проверяя, есть ли гудок. Прошло шесть недель, и я сходила с ума от беспокойства. Он помог мне, когда моя ситуация была хуже некуда. Я должна была сделать то же, но просто не знала, куда идти. Все телефоны компании были отключены. Наконец, я в отчаянии позвонила единственному человеку, который, как мне казалось, мог бы передать моему другу сообщение. Я попросила его найти моего друга и сказать ему, что я еду в Европу помогать ему, потому что он спас мне жизнь, и теперь я должна отплатить ему тем же. Я просто хотела, чтобы он знал, что не одинок. Я попросила его сказать моему другу, что мы сможем справиться с любыми неприятностями.

Это вызвало ответ, но вовсе не такой, какого я ожидала. Я получила факс, в котором он писал, что больше не может быть всем для всех. Он писал, что слишком долго заботился о слишком многих людях, а теперь ему надо позаботиться о себе. Он писал, что ему нужно время, чтобы уйти и подумать. Он писал, что очень сильно меня любит, сильнее, чем можно описать словами, и что однажды я подниму глаза и снова увижу, как он идет по дорожке к моему дому. Он писал, чтобы я не приезжала. Он писал, что вернется ко мне, но что пройдет очень много времени, прежде чем он сможет это сделать.

У меня нет слов для чувства потери. Я свернулась калачиком на полу, держа в руках скользкий листок факса. Я помню, что на улице был день, но в моей душе воцарилась ночь.

Внутри меня солнце закатилось, и до рассвета надо было ждать очень долго.

Я едва успела прочесть факс, как мне позвонили соседи Руби из Виргинии, те самые добрые христиане, которые всегда всем говорили, что надо делать во имя Христа, и сказали, что Руби нечего больше жить там одной, и что, если я ничего не сделаю, чтобы убрать ее оттуда, они сдадут ее в социальную службу. Они сказали, что она стала слишком злобной, и они больше не могут о ней беспокоиться.

Мы с Адрианной полетели в Виргинию, упаковали жалкие пожитки Руби и привезли ее в наш маленький домик на острове. У меня есть мощная внутренняя сила и воля к выживанию, но я дошла до пределов своих возможностей и знала это. Я плыла на айсберге, и этим айсбергом было мое сердце.

Я пережила насильника и потерю любви всей моей жизни, а теперь я должна была ухаживать за 95-летним источником моих детских мучений?

Однажды вечером вскоре после нашего прибытия я была в гостях у подруги, плачась ей в жилетку. Я приехала домой около пяти часов и увидела, что Руби сидит у окна, точно так, как она делала, когда мне было 18 лет. Я поежилась, глубоко вздохнула и вошла в дом.

– И где же ты была, юная леди? Как ты смеешь приходить домой так поздно! – ее костлявый палец прорезал воздух перед моим носом. Она фыркнула, шипя и плюясь, и покачала головой. – Хорошие девочки не выходят из дому так поздно. Это плохо выглядит! Или тебе все равно, что подумают люди?!

Вот оно. Вот источник беспокойства о том, что думают другие, преследовавшего меня всю жизнь!

В этой картинке было что-то ужасно неправильное.

У меня в ушах звенели слова моего старого учителя в голосе ветра. Он часто говорил мне: «Оглянитесь вокруг, Мастер. Посмотрите на всех людей вокруг вас. Ни один человек не встанет под пулю ради вас. Ни один человек не умрет ради вас. Если они не умрут для вас, почему вы живете для них?»

Я ненавидела присутствие Королевы Виктории в моем доме, а мое сердце тосковало по моему другу, по кому-то, кто любил меня за то, кто я есть, а не за то, кем я кажусь, или за то, как я выгляжу, или даже за то, что я для него сделала.

Иерихон пал; стены рухнули подо мной. Ничто больше не могло меня поддержать. Просто ничего больше не было. Я наконец начала соприкасаться со своей злостью на насильника – на всех насильников в моей жизни. На это ушло сорок лет, но я наконец нашла свою злость – и она стала мне великим союзником.

Теперь, с исчезновением моего друга, мне надо было изучить тоску.

Это был первый раз, когда мне показалось, что кто-то наконец и правда полюбил меня.

Теперь слезы десяти тысяч жизней потекли потоком. Я ничего не могла сделать, чтобы унять боль. Мне всегда удавалось подпирать плотину, сдерживавшую мои эмоции, но этот потоп невозможно было остановить. Я ни в чем не могла найти утешения. Орлы кричали, но я не могла их услышать. Великая Черная Рыба всплыла на поверхность, но мои глаза не могли увидеть ее след на волнах. Даже Белая Сова прилетела, чтобы утешить меня, но я не могла ощутить любящих прикосновений ее крыльев.

Я ходила с грузом боли и жажды смерти целых два года. Невозможно преувеличить глубину этого отчаяния. Я не могу найти в своем лексиконе слова, которые, оказавшись на бумаге, смогли бы адекватно передать эту пытку. Вы знаете, что бывает, когда плачешь несколько часов подряд? Наступает момент, когда от всхлипов мучаешься, пока тебя не стошнит, давясь и задыхаясь от боли.

Великая баллада Оскара Уайльда бесконечно вертелась в моей голове.

«Мужчины губят то, что любят, узнайте все о том. Трус убивает только словом, а добрый человек – клинком».

Меня убивали и трусы, и добрые люди.

Я умоляла богов позволить мне умереть. Я жаждала смерти. Я хотела смерти. У меня не было смелости что-нибудь для этого сделать. Но я этого хотела. Я играла с этим в своем воображении, мечтая найти в себе смелость выполнить свою мечту.

Я вычеркнула из своей жизни абсолютно всех, кроме моих дочерей и Тома с Пэм. Том и Пэм окружили меня любящей дружбой, приняв меня в свое святилище, как раненую птицу. Со мной остались и еще три друга. Мои дочери держались за меня. Адрианна обещала мне, что однажды я снова захочу жить, во что я не верила. А Дженнифер сказала:

– Мам, ты только представь, каким чудесным окажется следующий. Он будет еще лучше.

Я подумала, что она сошла с ума.

– Я никогда не позволю мужчине подойти ко мне на три метра! – ругалась я на нее. – Никогда. Никогда! Не говори глупостей!

Я решила, что мне нужно время для себя. Мне казалось, что я переварила довольно эмоционального материала, более чем достаточно для одной жизни, и я больше ни с чем не смогу справиться. Застрав между болью и злобой, моя жажда смерти росла.

Я не могла вспомнить никого, кто за всю мою жизнь сдержал бы данное мне обещание. Так много обещаний за все эти годы. Так и вышло, что у меня родилась мечта. Если никто никогда не выполнил данное мне обещание, то это должна сделать хотя бы я сама. Я всегда обещала себе, что когда-нибудь отвезу девочек в Европу, в духовное путешествие. Как говорится, отчаянные времена требуют отчаянных мер.

Я собрала все деньги, какие могла наскрести, наняла сиделку для матери, заказала по интернету машину напрокат и полетела в Амстердам с Дженнифер и Адрианной. Я думала, что это, скорее всего, наше последнее лето вместе. Осенью Дженнифер должна была одна уехать в Индию, а для Адрианны это были последние летние каникулы перед заключительным годом учебы в школе. Но я решила, что школа может подождать месяц. Ничто из того, чему она научится за месяц в государственной школе, не сравнится с тем, что мы узнаем, путешествуя вместе по Европе в поисках мест поклонения Богине.

В Амстердаме нас встречал друг нашего друга. Рон отвез нас к себе домой, задавшись целью не дать нам рано уснуть, чтобы мы скорее акклиматизировались после смены часовых поясов. Адрианна сразу уснула, а мы с Дженнифер щипали друг друга, чтобы не задремать. Он поставил нам документальную видеозапись, пообещав, что она нас развлечет. И она более чем оправдала наши ожидания.

Это была история Приората Сиона, история моего имени (по-английски «Сион» произносится как «Сайон» – прим. перев.), а также история священника по имени Соньер и найденного им сокровища. Одним из немногих ключей к разгадке, которые он оставил после себя, был пергамент с надписью: «Сокровище принадлежит Дагоберту и Сиону».

Я вспомнила маленький домик в Аппалачах, где я родилась, и данную мне при рождении фамилию – Цайон, происходящую от Сион. Я посмеялась над еще более напыщенной фамилией, данной мне менее года спустя, после удочерения – Поп («Pope» по-английски значит «Папа римский» – прим. перев.). Я всегда хотела снова взять себе фамилию, под которой была рождена, после того, как удочерившая меня женщина умрет. На тот момент ей было 95 лет, и она все еще была очень даже живой, а я застряла между фамилиями, как она застряла между старческим слабоумием и рассудком, этим миром и следующим.

В этом документальном фильме была показана история, правдивость которой не вызывала у меня сомнений, которую в глубине души я давно знала и которой делилась с другими людьми. Но я и понятия не имела, что кто-то другой может рассказать подобную историю. Я дошла до правды через логику, собрав воедино совпадающие мелкие детали, и через женское сердце, которое всегда знает правду, или, по крайней мере, знает свою правду. Но здесь были доказательства (по крайней мере, так говорилось) того, что я давно знала, чувствуя себя такой одинокой с этим знанием. В этом документальном фильме упоминалось одно название, Рене-ле-Шато (Rennes-le-Chateau), и я поклялась, что мы найдем его. Это все, что у меня было – нацарапанное на листке бумаги название, «Рене-ле-Шато». Где-то во Франции.

Утром мы уехали, и у меня была одна цель – найти это место и разгадать свою личную загадку. Мы на огромной скорости мчались по Германии, а нас встретил такой сильный град, что в лучах утреннего солнца крыша машины блестела вмятинами. Нам нужно было многое сделать, прежде чем попасть во Францию, и мы оказались в Италии, в Анконе, где сели на паром до Греции. Мы буквально следовали за молодым месяцем до Дельф. Мы не могли понять дорожные карты. Они были по-гречески! Но посреди ночи мы поднимались в горы; а когда луна садилась, мы следовали за своими сердцами. Странно стоять на земле, где ты когда-то жила, и не иметь возможности полностью ее осмотреть. Мы фыркнули, глядя на маленький знак с надписью «Вход воспрещен», закрывающий вход к роднику пифии. Как можно сказать птице не лететь в родное гнездо!

Мы с жадностью пили воду и забрались вверх по древним ступеням, так глубоко высеченным в похожих на вагину стенах за родником. Потом мы отправились к источнику Геры у Нафплиона, пили и купались там, куда, по легенде, она возвращается раз в год, чтобы восстановить свою девственность.

Но самое поразительное переживание в Греции было не на заранее помеченном священном месте. Мы спали в кемпинге недалеко от Истмии, на берегу Средиземного моря. Примерно в три часа утра появилась Пэм и разбудила меня. Она что-то мне сказала, но я была сонной, так что она схватила меня и заставила сесть. Я смотрела прямо в ее прекрасное лицо. Она выглядела поразительно красивой; она буквально была там. Она сказала мне шесть слов, и я повалилась обратно на постель. Она снова подняла меня за плечи и на сей раз встряхнула для пушшего эффекта, пока я не проснулась настолько, чтобы действительно услышать сказанные ею шесть слов. Она заставила меня дать ей обещание, а потом отпустила. Я оглянулась и поняла, что сижу на берегу Средиземного моря посреди ночи. Я разбудила девочек и рассказала им об этом происшествии. Никто из нас не мог понять, что это значило.

Несколько дней спустя мы сели на паром до Венеции и проехали по Италии до Франции, чтобы наконец-то начать поиски Рене-ле-Шато, но такого места не было ни на одной из найденных нами карт.

Тогда мы решили поехать в Арль, чтобы убедиться, что свет там действительно не такой, как везде. Ван Гог писал там свои картины, клянясь, что свет в Арле совершенно необычен. Вот так мы оказались к югу от Арля в вечерний час, когда солнце создает такое освещение, какого я не видела нигде на земле. Наверное, можно сказать, что после этого я просто следовала за светом. Сам Арль показался нам слишком шумным, так что мы не въехали в город, а повернули на юг. Судя по карте, Средиземное море было не так уж далеко, всего в тридцати милях от нас. Мы поехали к нему, и ландшафт вокруг нас становился все более плоским, а среди бесконечных полей лаванды начали появляться островки болотной осоки. На повороте мы чуть не столкнулись с человеком на белой лошади, пасшим у дороги стадо черных быков. На нем была поношенная ковбойская шляпа и джинсы «Ранглер». Это был настоящий ковбой-работник. Широкие кожаные ковбойские штаны, заляпанные конской пеной, прикрывали его ноги. Мы поехали дальше, и поля лаванды уступили место настоящему болоту с поблескивающими там и сям ручейками и скачущими табунами белых лошадей.

Конюшни по обеим сторонам дороги предлагали покататься, и мы выбрали одну из них. Катаясь, мы обогнули поворот дороги и спугнули стаю розовых фламинго, которые взлетели, подняв ветер сотнями крыльев. Лошади восприняли это спокойно; мы были поражены. Я была очарована навсегда.

Дорога кончалась у моря, и мы сняли на ночь комнату в городке, где было проще купить пазю, чем французские блинчики, а площадка для корриды располагалась там, где должна была быть центральная городская парковка.

Я ненавижу церкви, и так было всегда. Для меня это дома ханжества. Но я прочла о небольшой церкви, построенной (как почти всегда случается) на месте поклонения Богине, и мы наткнулись на нее, гуляя по городу. Так и вышло, что мы зашли в маленькую церквушку в Сен-Мари-де-ля-Мер (St. Maries de la Mer). Церковные росписи изображали женщин в лодке (Марий), и история, которую я так долго носила в своем сердце, приобрела реальное место и историческое подтверждение.

Здесь бывала Магдалина.

С течением лет Магдалина стала моей Святой покровительницей. Я видела в ней утерянную невесту, не только отдаленное от Христа редакторами Библии женское начало, но и женщину, которую позорили и поливали грязью, которую называли шлюхой, низведя до этого статуса следом за ней и всех женщин вообще.

Когда я спрашивала воспитывавшую меня женщину о моей биологической матери, она всегда с отвращением отмахивалась от этого вопроса, выражая не слишком глубокое умозаключение о сомнительной морали родившей меня женщины. Так что я по своему опыту знаю, какой вред можно нанести, сбрасывая человека со счетов при малейшем намеке на неприличие, не говоря уже о наглom ярлыке, навешенном на Марию Магдалину.

Мы чудесным образом нашли место, где Магдалина высадилась, приехав на территорию Франции после распятия. Она приплыла на лодке с другими исторически важными фигурами, как говорит хранимая здесь легенда.

Среди людей в лодке была и маленькая девочка, которую они называли Сара (Магдалина сказала, что ее имя нельзя верно записать по-английски, что оно гортанное, и что написание «Sarah» будет более верным). Легенда гласит, что это была служанка. Но я знала, что это была дочь Йешуа и Магдалины, которую называли Темной и считали египтянкой, потому что ее необходимо было прятать, чтобы защитить ее жизнь.

Мы посетили малюсенькую крипту, где Сар'х стоит весь год, кроме одного дня, и были очарованы сильнее, чем когда-либо случилось в такой обстановке. Это был единственный раз в моей жизни, когда я ощутила святость в церкви.

Сар'х – покровительница цыган, и каждую весну сотни тысяч цыган со всей Европы приходят отдать ей дань, вынося ее изображение к морю и купая ее в соответствии с Ритуалом Изиды. Весь год они посещают ее в крипте, приносят ей новые одежды и укрывают ее ими, пока она не покроется многими слоями тафты, кружев, блесток и сеток. Они проводят ручками своих младенцев по ее губам и целуют ее щеки, капая слезами на ее деревянную плоть. А потом, в этот единственный день в году, она возносится высоко над ними на паланкине, который несут фыркающие и пританцовывающие белые кони с серебряными седлами; и она движется через толпу к берегу моря, к тому месту, где она высадилась со своей матерью.

За то короткое время, что я стояла перед ней в ее крипте, она позвала меня, и я обнаружила, что хочу провести с ней побольше времени, терпеливо ожидая очереди подойти к ней и отдать дань уважения снова и снова. Наконец я набралась смелости прикоснуться пальцем к ее деревянной щеке, и у меня на глаза навернулись слезы.

Я смогла оторваться от нее, только дав обещание, что когда-нибудь вернусь сюда с цыганами, чтобы увидеть, как она едет на облаках к морю.

Я сказала себе, что после такого пика ничто не помешает нам найти Рене-ле-Шато. Вы не можете себе представить, что мы чувствовали – три женщины, едущие по Европе, спящие в кемпингах, иногда останавливаясь в гостиницах, ища историю, ища свое происхождение, ища то, что течет в наших жилах, ведомые чем-то за пределами понимания. У нас не было гида и даже карт, кроме самых простых.

Но городок Рене-ле-Шато таился от нас, и мы попали в Лурд, оказавшись среди носилок, полных болезней, и паралича, и старости, где тела с отвисшей кожей теснились под пастырским наблюдением десятков женщин в черных робах. Везде были жалкие, грустные люди, которых пасли жалкие, грустные монашки! Сотни других отчаянно протягивали к кранам пластиковые бутылки в форме Девы Марии, наполняя их, завинчивая крышки и пихая их в полиэтиленовые пакеты из супермаркета, чтобы отвезти домой, как любой другой сувенир. Святая вода в пластиковой Марии.

У меня это вызвало отвращение. Адрианна, которая никогда не сказала ни о ком и ни о чем ни одного дурного слова, заявила: «Это самое мрачное место, какое я когда-либо видела. Вы можете остаться тут, если хотите, но не могли бы вы отвезти меня на окраину города и забрать оттуда по дороге обратно?»

Мы пережили Лурд, и, утомившись после поисков света, который я там так и не нашла, уехали в тот же день, оставив в зеркале заднего вида одетых в черное монахинь, волочащих накрытые черным носилки и толкающих древние инвалидные коляски обратно в отели и к автобусам. В тот день в водах Лурда не случилось чудесных исцелений.

Мое сердце сказалось мне, что Рене-ле-Шато где-то позади, так близко, что мы почти проехали мимо по дороге в Лурд. Наше время было на исходе. Скоро надо было возвращаться в Амстердам. Нам надо было успеть на самолет; Адрианне пора было в школу; женщина, ухаживавшая за моей матерью, должна была вернуться домой; Дженнифер предстояло через несколько дней уехать на учебу в Индию. Несмотря на это, я развернула машину, и мы отправились обратно к Пиренеям. Нас обогнала тьма, но полная Луна пела мне, пока мы ехали вверх и вниз по холмам. А потом Луна начала исчезать, как будто ее постепенно пожирала какая-то сила. Мы остановились где-то в предгорьях Пиреней и смотрели, как полная Луна входит в фазу полного затмения.

Той ночью мы заснули в машине, у обочины проселочной дороги, где-то (как мы надеялись) на пути к Рене-ле-Шато. Я помню, что проснулась и потянулась, удивившись, что научилась спать, свернувшись под рулем. Было холодно, роса еще не исчезла, а коровы, куры и петухи приветствовали рассвет.

Весь день мы ездили по деревням и проселкам, останавливаясь там и сям, чтобы спросить о дороге на Рене-ле-Шато. Однажды нам указали дорогу, и мы приехали к заброшенному дому посреди пустынных полей. Я не знаю, как мы оказались в маленьком городке к югу от Каркасона, но тут мы остановились в поисках отеля. На эту ночь мне нужна была кровать. Нам сказали:

– Единственное место, где тут можно остановиться – это старый замок вон там, на реке.

Я могла бы догадаться, что после полного затмения в полнолуние мы можем оказаться замешанными во что-то магическое.

Поддавшись ощущению какого-то обещания, мы забрались в башенки по изношенным веками ступеням. Тысячи ног ходили по ним, пока они не пригнулись навстречу друг другу, как древние танцовщики танго. Замок был построен во времена тамплиеров, когда ветер носил истории о рыцарях и крестовых походах, а мистицизм заполнял дома и сердца катаров, одной из самых преследуемых сект в истории, членов которой католическая церковь практически уничтожила на корню.

Я ощущала, как таинство просачивается в мой ум и оплетает мое сердце знакомыми щупальцами ожидания, захватывавшими меня и уводившими во время сновидения. Рано утром я спустилась из башенки, села во дворе, окруженном высокой крепостной стеной, и пила эспрессо с круассаном. В Южной Франции жизнь хороша.

Мы сложили вещи и смотрели, как ивы плачут в зеркале заднего вида, пока мы ищем выезд из города. Я свернула направо, а потом налево. Не знаю, зачем. Я не могу сказать, что я «отпустила» и что-то пришло и взяло руль в свои руки. Я просто свернула налево и поехала в гору, раз за разом поворачивая и забираясь все выше. По моему лицу, рукам и ногам прокатывались волны мурашек, и меня охватило ощущение возвышенного.

На вершине мы заехали в малюсенькую деревеньку и припарковались. Мы пошли в единственном направлении, где нам не грозило свалиться вниз с горы, и прошли мимо книжного магазинчика с явными признаками эзотерики. Я не могу описать, насколько неуместным показался мне магазин книг по оккультизму в этой самой маленькой из всех виденных мной деревенок.

Мы ускорили шаг. Вверх по склону – и вот она, малюсенькая церковь Рене-ле-Шато. Дверь скрипнула достаточно громко, чтобы произвести эффект, и мы шагнули внутрь, пройдя мимо самого дьявола (или его деревянного изображения, соответствующего представлениям безграмотных верующих). Он был около метра ростом, с раздвоенными копытами, рогами и оскаленными зубами, и держал чашу со святой водой!

На одной из панелей сидела Магдалина с черепом у ног. На изображении Тайной Вечери она сидит под столом, и, пока Апостолы произносят тост за Йешуа, она трется щекой о его колено, обернув его ноги своими волосами. Темно-синий потолок расписан звездами, как в древних египетских гробницах. Я быстро села на скамью, потому что мои колени подгибались, грозя предать трепещущее сердце.

За церковью стоял дом священника Соньера и Ла Тур Магдала (которую он сам построил и назвал так) с видом на Пиренеи. Виденный нами документальный фильм был о таинственном открытии Соньера, но мне это не было важно. Я не хотела знать, что он нашел и где спрятал. У меня не было желания копаться на кладбище. Я хотела знать правду, скрытую за таинством. Я хотела знать алхимическую правду, и я знала, что она связана с Магдалиной и ее тантрической связью с Йешуа.

Что могло быть настолько важным, чтобы ради сокрытия этого католическая церковь вырезала целый народ и постаралась уничтожить весь этот район?

Что Йешуа не давал обета безбрачия. Что Магдалина была не шлюхой, а невестой Йешуа, Инициаткой, одной из верховных жриц Храмов Изиды, прекрасно подготовленной к сексуальной связи с Йешуа. Что у них была дочь, и что ее потомки были по праву наследниками Царства для тех, кто в него верил, как и для тех, кто (как церковь) его боялся.

* * * * *

Несмотря на то, что в Европе я поднялась на такие высоты, несмотря на посетившие меня там видения, дом в конце концов потребовал нашего присутствия. Жизнь не позволила нам бежать от себя, и я вернулась, глубоко тронутая, но лишь ненадолго отвлеченная от моих потерь.

Я сказала себе, что взаимоотношения, наверное, все-таки не работа всей моей жизни. Возможно, я должна передать этот факел кому-то, кто сможет донести его до цели, ведь ясно, что я на это не способна. Я помирилась со всеми советниками моего детства, попрощалась со всеми своими мечтами, и однажды вечером во время поездки с Томом и Пэм по землям хопи я поняла, что нужно сделать.

Их любовь была самой глубокой и чистой, какую я видела между людьми. Я была счастлива быть рядом с ними; и чем ближе к ним я становилась, тем явственнее становилось их чувство. Оно было реальным. Это не была маска для внешнего впечатления. Они полюбили друг друга с первого взгляда. Чудесную глубину их любви не уменьшили ни годы, ни узнавание недостатков друг друга. Они все еще глубоко уважали и ценили друг друга на всех уровнях, и духовно, и эмоционально.

– Возможно, это не я должна делать работу со взаимоотношениями, – заявила я, сидя на заднем сиденье и драматично жестикулируя в темноте. – Я никогда не видела, чтобы люди любили друг друга так, как вы. Я с гордостью передам Факел Взаимоотношений вам. Теперь я могу расслабиться и перестать искать. Я не стану больше вступать во взаимоотношения и связи. Я передаю факел вам.

Не знаю, поняли ли они, из каких глубин моего существа вырвались эти слова, но я наклонилась вперед с заднего сиденья и объявила это. Я сказала, что никогда не видела, чтобы люди так любили друг друга. Далее я заявила, что мне всегда говорили, будто бы я пришла, чтобы работать над балансом мужских и женских энергий на этом плане через жизнь со своим партнером и повседневную жизнь/любовь в полной гармонии, в равноправии и правде. Потом я протянула руку вперед, как бы передавая факел, и заявила, что уйду из «бизнеса взаимоотношений», и что теперь это их работа. Потом я откинулась на спинку сиденья и замолчала, подчеркивая сказанное.

Однако на тот момент я провела целых два года, желая умереть, а я, как правило, в конце концов получаю то, чего хочу. Я только заметила, что получаю желаемое, когда уже больше не хочу его иметь. Так что, наверное, не стоило удивляться, когда дискомфорт от некоторых физических симптомов отвлек меня от депрессии. Мне стало больно ходить. У меня болели суставы. Я ужасно себя чувствовала. Мне казалось, что у меня кончились силы, а вместе с ними и воля. У меня не было энергии. Я не могла спать по ночам, ворочаясь в постели, когда меня преследовали призраки прошлого.

Я вышла на связь с Архангелом Метатроном через поразительную женщину, жившую в Юте, которая к тому же была интуитивной целительницей. Она сделала для меня несколько чтений, и это, в дополнение к информации, полученной мной от Хаторов через Тома, было моим единственным утешением и лечением за все эти годы.

Но в тот раз Метатрон был со мной резок. Он сказал, что у меня ранняя стадия волчанки, и что, если я немедленно ничего не сделаю, то получу смерть, которой так желала. Затем он дал мне формулу необходимых антиоксидантов. Я немедленно позвонила Тому и попросила поговорить с Хаторами. Мне было нужно подтверждение или другое мнение.

Когда Хаторы «пришли», я сообщила им о своей неверности и сказала, что говорила с кем-то другим. Они долго хохотали, а потом, хотя я не сказала им ничего из того, что уже знала, они начали подробно рассказывать мне, что со мной не так и что делать, чтобы это исцелить – если я выберу жить. Потом они дали мне звуки, которые помогут мне отпустить и исцелиться. Они были записаны, я забрала их домой и постоянно слушала.

Я считаю, что исцелилась благодаря звукам Хаторов, данным через Тома, вкуче с использованием антиоксидантов.

Надо сказать, что, хотя я перенесла исцеление с помощью звука, я не знала Тома Кениона как учителя. Не нужно говорить, что у меня были проблемы с «учителями», и я долго наблюдала за безупречностью его жизни как человека, прежде чем решилась рискнуть и посмотреть, чему же он учит. Но на тот момент влияние звука на мою жизнь было велико,

и, когда у него наметился местный семинар, мне показалось логичным взяться помогать ему с записью и другими организационными вопросами – скромная попытка отблагодарить.

К концу первого дня семинара я узнала, что мой друг Том не только обладает одним из самых необычных голосов мира, но и является самым эрудированным из всех моих знакомых в огромном разнообразии вопросов.

Он понимал нюансы намерений в разных течениях внутренней алхимии, включая тибетский буддизм, даосизм, индуизм, Высшую Алхимию Египта и эзотерическое христианство; Он говорил на любую тему с юмором и скромностью, делая материал не только понятным, но и изменяющем сознание. Он извлек самую суть того, как каждое течение расширяет и возвышает сознание.

Он понимал намерение, скрытое за тем, что считается священным в каждом из этих течений; он понимал таинство, не обволакивая его щупальцами догмы. Он собрал зерна мудрости из всех течений внутренней алхимии и обучал науке и физике сознания осторожно и мягко, не облепляя их догмой.

К концу тех первых выходных Том Кенион заслужил мое уважение в области, в которой, как мне казалось, я никогда не буду уважать другое живое существо – как учитель. Я изменилась – буквально и до глубины души – как от его информации, так и от звуков.

Я знала, как он живет. Я достаточно часто бывала у него дома, чтобы видеть, как он безупречен в своих повседневных обязанностях. Я знала его честь. Я видела, как горячо он любит свою жену, как он служит женскому началу, как все его действия проявляют уважение к Матери. А теперь я увидела Мастера и Учителя, и я хотела помочь ему донести его учение до мира так, как оно того заслуживает.

Изучая его жизнь, я узнала, что он был одним из первых, кто помог науке принять как факт то, что звуки и частоты могут изменять состояние мозга, и что в 1983 году он основал центр «Acoustic Brain Research», изучающий влияние звуков на сознание. В течение десяти лет он проводил опыты, в конце концов доказавшие, насколько эффективно звук может влиять и влияет на состояние мозга.

Он ввел в обиход термин психоакустика, чтобы объяснить «свадьбу» психотерапии и лечения звуком.

И все это гениально простым способом оформилось в семинар. Левое полушарие мозга получало необходимые ему сухие данные от психотерапевта и ученого Тома, а правое полушарие получало все необходимое во время «звуковых медитаций» от мистика Тома. Не высказанный словами материал передавался через звуковые коды, выраженные его голосом во время частых звуковых медитаций. Сочетание «обучения на словах» и «настройки на звук» было потрясающим переживанием.

Интуиция сказала мне, что его работа будет крайне важной в ближайшие десятилетия. Мы начали разговаривать о том, как я могу помочь Тому донести его знания до мира. Многолетний опыт работы в прессе и рекламе можно будет использовать для доброго дела!

Но потом их прекрасный дом с видом на море был выставлен на продажу, а раз им было нужно переехать, они решили отправиться на юго-запад. Я не могла перенести еще одну потерю. Мы были очень близки друг другу, и я решила, что, наверное, и в моей жизни настало время перемен, и стала думать, как бы присоединиться к ним. Три мушкетера не могли расстаться из-за такой мелочи, как потеря арендованного дома, а такие друзья, какими мы стали, не слишком-то часто попадаются в течение жизни. Я устроила распродажу, пустила с молотка свои любимые вещи и отправилась на восток, чтобы уладить там кое-какие старые дела. Уход за матерью стал выше моих сил, и я наконец поместила ее в дом престарелых. Обе мои дочери учились в колледже. Я могла ехать, куда захочу.

За четыре года до этого Пэм боролась с раком груди и победила. Она выбрала жить. У меня теперь была сто?ящая работа, и я больше не проводила свои дни, желая смерти. Я тоже выбрала жить. Казалось, что в жизни снова наступила весна. Во многих областях работы Тома мое знание бизнеса было крайне необходимо. Я собиралась помогать ему как организатор. Я также вплотную занялась сбором средств на постройку храма исцеления звуком, который Хаторы попросили создать в Нью-Мексико. Работы было много, и я чувствовала, что распространение работы Тома в мире – это самое важное, на что я могу употребить свой талант. Он работал со звуком, а звук и музыка пересекают все границы. Звук выходит за границы языка. И Том был честным. Он не был лицемером, он любил и уважал женское начало, Мать. И он любил и ценил свою жену. А это было для меня важнее всего после жизни, полной мужчин, насилующих или презирающих женское начало.

Кроме того, все мы были лучшими друзьями. Все мы отлично проводили время вместе. Мы легко уживались на кухне. Мы хорошо путешествовали вместе. Мы смеялись и смотрели вместе плохие телепередачи.

Мы с Пэм вместе плакали об ошибках, которые совершили со своими детьми. Мы листали наши детские фотоальбомы и всхлипывали, жалея, что не знали тогда, как мы красивы. Мы вместе оплакивали то, что провели всю жизнь, считая себя толстыми и некрасивыми. Я смотрела на ее снимки и видела на них одну из самых очаровательных и прекрасных девушек, каких мне только довелось встречать. Она клялась, что думает так обо мне. Мы рассказывали друг другу свои самые сокровенные тайны. Она родила дочь и отдала в приемную семью. Я родила дочь и отдала в приемную семью.

Но у Пэм начало болеть плечо. Когда она перед отъездом пошла к доктору на острове, ей сказали, что она порвала ротаторную манжету плеча, вероятно, во время прошлой операции. Они сказали, что это будет долго заживать, и ничего с этим не поделаешь. И она ничего не делала. Но боли усиливались. А потом, как раз перед Рождеством, Том позвонил мне на Восточное побережье, где я утрясала старые дела. Боли Пэм стали такими сильными, что он отвез ее в больницу.

В больнице ей сделали сканирование костей, чего не сделали на острове, и результаты показали, что рак перешел на кости. То?му сказали, что у Пэм рак четвертой степени. Конвенциональная медицина могла предложить ей только свидетельство о смерти. Это была ужасная новость, но Пэм поклялась, что победит болезнь. Прежде чем я смогла присоединиться к ним, они решили переселяться обратно. Пэм хотела быть ближе к дому.

Потом они позвонили мне и спросили, не соглашусь ли я поехать с Пэм в Мексику, где у нее появилась надежда на исцеление при помощи нового лечения. Том сам ухаживал за ней последние несколько лет, после того, как у нее впервые диагностировали рак, но цена лечения все возрастала, и он был вынужден остаться и работать, чтобы платить по счетам. Это значило, что я уеду на месяц, а Адрианна как раз приехала из колледжа на летние каникулы и хотела, чтобы я была с ней дома. Но несколько лет назад, посреди ночи на побережье Греции, я дала обещание, и знала, что должна поехать. Вот так вышло, что мы с Пэм провели месяц в Тихуане, в клинике, применявшей инсулиновую кому, чтобы погрузить тело в близкое к смерти состояние, позволяя максимальный доступ кислорода, что якобы должно было убивать раковые клетки. Это был экспериментальный процесс, который было невозможно проделать в Америке, учитывая монополию на смерть, которой владеет Американская медицинская ассоциация.

За этот месяц я видела, как приходили и уходили самые поразительные, отчаянные и честные люди. Я видела, как происходили чудеса, и я видела, как люди умирали. Когда Пэм

впервые начала погружение в кому после нескольких недель подготовки, этот процесс вызвал страшную борьбу, пока она двигалась между измерениями. Смена измерений эмоционально и физически изматывала ее; после той первой комы Пэм поклялась, что никогда не повторит этот процесс.

Как индукция комы, так и возвращение в сознание сильно изменяли человека. Во время введения в кому ощущение ухода было настолько сильным, что легко могла начаться паника. А когда ей ввели сочетание витаминов, которое должно было вернуть ее в сознание, тело подверглось ужасающим спазмам при сильном потоотделении.

Наутро перед вторым сеансом она отказалась идти. Все чувствовали, что комы – ее единственная надежда. Больше нечего было делать. Она в течение нескольких недель делала все другие процедуры, чтобы дать организму силы, но у нее была четвертая стадия рака. В Северной Америке ей не на что было надеяться; здесь, по крайней мере, у нее была надежда, а пока она думала, что может перенести этот процесс, она верила, что сможет исцелиться.

Я не знала, что и делать. Я была одна в Тихуане, в Мексике, с моей лучшей подругой, и ответственность казалась огромной. Так что тем утром я схватилась за единственное, что пришло мне в голову. Я предложила попытаться провести ее через измерения во время индукции комы и процесса возвращения при помощи моего голоса, чтобы проложить путь, по которому ее сознание сможет следовать, покидая тело; я обещала, что буду ждать ее возвращения, чтобы помочь ей своим пением. Ей эта идея понравилась.

Я поговорила с директором клиники, поскольку мы успели подружиться, и он одобрил мою идею. Я начала переписывать распорядок процедур, и кончилось тем, что я практически стала работать в клинике. Он поддерживал все, что могло помочь пациенту и хотя бы потенциально облегчить процесс. Я решила, что надо уважать систему верований каждого отдельного пациента, ведь в принципе с каждым погружением в кому человек снова и снова переживал процесс умирания. Так что, если я буду петь, чтобы помочь ей расслабиться, вознося хвалу богам, в которых она верила, это может создать для нее безопасную базу.

На следующее утро я принесла с собой свои шаманские принадлежности. У меня были перья Орла и Сокола, тибетские погремушки и другие простые тибетские инструменты. Я принесла камни, заговорившие со мной и попросившие взять их с собой. Когда я вкатила Пэм в палату, врачи, ставшие нам друзьями, расступились и позволили мне присоединиться к ним. Они использовали одну сторону больничной койки, а я – другую. Мы разложили свои инструменты по разные стороны простыни: шприц, трубки и стетоскоп с одной стороны, Орел, Сокол и колокольчики – с другой. Меня глубоко тронуло их уважение.

Они достали шприцы и пузырьки с лекарством для индукции комы и флаконы со средствами, которые вернут ее обратно. Я достала тингша (тибетские молитвенные колокольчики – прим. перев.) и погремушку, которые должны были проложить звуковую тропу, которой, как я надеялась, она может проследовать, как неоднократно делал Том.

Они ввели ей инсулин, я поцеловала ее на прощание и держала ее за руку, пока инсулин распространялся по ее венам. Его распространение по телу дало начало ее путешествию. Этот процесс в первый раз вызвал у нее сильную панику, поскольку, двигаясь между измерениями, она встретилась со своим собственным адом и чудовищами своего детства.

Я призвала архангелов и стала петь мантры, символизирующие почитаемых ей богов. Она любила Тару, и я стала петь ей мантру Тары, повторяя ее до тех пор, пока она не

погрузилась в кому с блаженной улыбкой на устах, в отличие от первого раза, когда она стонала и билась в судорогах.

Я сидела с ней все время, пока ее не было, держа ее за руку, как я делала и в первый раз. Потом доктора дали мне знак и начали вводить ей вещества, которые должны были привести ее в себя, продержав ее в коме столько, сколько она могла выдержать, судя по показаниям следящих за жизнедеятельностью организма приборов. Я взяла свои перья и инструменты и позвала ее обратно. Я снова стала петь ей мантру Тары и другие известные мне молитвы. Ее возвращение было мирным, и она вернулась с улыбкой, без паники и спазмов.

Я была в восторге. Она вернулась с воспоминаниями, которые позже помогли ей исцелить многие преследовавшие ее неразрешенные проблемы. Это было насилие в раннем детстве, которое она скрывала от мира под многими слоями внешних приличий. В конце концов, надо быть приятной людям! Эти проблемы убивали ее, они могли легко вызвать рак (по моему скромному не одобренному Американской медицинской ассоциацией мнению). Потом этот процесс повторялся каждый день до нашего отъезда. При отъезде сканирование костей показало прекрасный результат – сокращение раковых опухолей на 60%.

Но сокращение на 60% значило, что 40% осталось, и клиника не хотела ее отпускать. Однако Пэм был нужен отдых, так что мы вернулись домой, то есть на северо-запад, куда Том во время нашего отсутствия перевез их вещи по просьбе Пэм.

По возвращении стало ясно, что ей необходимо продолжать процесс, но на сей раз я не могла ехать с ней в Мексику. Лето почти кончилось, Адрианна собиралась вернуться в колледж, и мы договорились, что с Пэм поедет ее сын. Стоимость лечения все возрастала, и Том должен был продолжать работать. Пэм была недовольна окрестностями Сиэтла, куда они с Томом изначально перебрались, так что во время ее второй поездки в Мексику Том перевез их вещи туда, где Пэм хотела быть – в прекрасный дом с видом на море, который им пришлось оставить год назад; они снова стали моими соседями.

Я заново обдумывала свою жизнь. Адрианна собиралась вернуться в колледж. Мне понравилось работать в клинике в Тихуане, и они нуждались во мне. Во время пребывания там я обнаружила в себе странный талант. Я хорошо умею обращаться с людьми в кризисной ситуации. Мне нравилась грань жизни и смерти. Неудивительно, что меня тянуло к шаманизму. У меня был талант водить людей между измерениями.

Я начала переговоры с клиникой о том, чтобы начать работать в Тихуане на полную ставку. Я буду североамериканским шаманом в раковой клинике в Мексике! Но маленькие острова очень похожи на маленькие деревни. По острову распространился слух, что я собираюсь уехать работать в Мексику. И однажды утром, когда я сидела и мечтала о том, каково будет жить в Мексике, мне позвонил Том.

– Я слышал, что ты собираешься в Мексику.

– Ну, я об этом подумываю, – ответила я.

– Значит, ты, наверное, не сможешь помочь мне донести мою работу до мира.

Мы все были так заняты уходом за Пэм, что я напрочь забыла о работе, начатой несколько лет назад. Я поняла, что со всеми этими заботами у нас с Томом уже целый год не было времени для делового разговора. Его работа была заморожена, и то, что я собиралась для него сделать, не было материализовано.

Я сидела за своим обеденным столом, глядя на море, и вдруг поняла, что на самом деле значит этот телефонный звонок. Он спрашивал, правда ли я собираюсь их бросить. Он спрашивал, насколько я верю в его дело. Он спрашивал, насколько я хочу быть с ними. И я вспомнила обещание, которое дала Пэм на пляже в Греции, и услышала, как мой голос

говорит Тому, что я вовсе не собиралась на самом деле ехать в Мексику. Это все, что было сказано. Эта тема больше не обсуждалась.

Я ни разу не пожалела об этом решении.

Потом нам позвонили из клиники и сообщили, что в бедренной кости Пэм образовалась трещина, из-за которой она не может ступить на ногу. Она хотела вернуться домой, хотя ее просили остаться в клинике, где она могла бы продолжить лечение. Но Пэм хотела вернуться на остров, где она могла бы видеть море и Орлов, где паромы колышат глубокие воды залива Пьюджет-Саунд.

Мы с Томом поехали в Сиэтл, чтобы забрать ее. Мы не виделись месяц, и я помню, как мы были шокированы, увидев ее. Она не могла ходить и потеряла очень много веса.

Паром стоял в доках на острове Оркас и был закрыт. На остров нельзя было доехать на машине. Я нашла частную баржу, на которую можно было грузиться без трапа, и мы привезли Пэм домой, как Макартура, возвращающегося на Филиппины. Судно причалило, мягко опустило голову на берег, и мы уехали.

Я могла бы написать тысячи страниц о последующих месяцах, но никогда не смогла бы адекватно рассказать эту историю. Знаете, мы живем своей жизнью и думаем, что знаем других людей по маленьким совместным переживаниям, по маленьким моментам интимности. Чашка кофе, слеза... и в конце концов мы действительно узнаём друг друга, но не так, как мы узнали друг друга за эти несколько месяцев.

На тот момент я была знакома с Пэм Кенион около пяти лет и думала, что хорошо знаю ее. Мне казалось, что я знаю, из чего сделан Том Кенион. Но эти люди, которых, как мне казалось, я знаю, за последующие месяцы стали моей кровью. Оба они текли в моих жилах. Я смотрела, как Том отдает все, что имеет, чтобы сохранить Пэм жизнь. Он ухаживал за ней днем и ночью. Он делал ей соки, а когда от соков ее мутило, он варил ей кашу, а когда вкус каши был ей неприятен, он делал ей тушеные овощи, а когда овощи были невкусными, он варил ей суп. Он рылся в журналах и медицинских справочниках и покупал все, что могло хоть как-то помочь. Их салон переполнился лекарствами и пищевыми добавками.

За последующие месяцы мы пережили такие интимные моменты, какие мало кому выпадает честь пережить. Я научилась мыть человека в инвалидной коляске. Мы все ломали голову над тем, как одевать ее, при этом не оказывая давления. Мы падали друг на друга, учась скатывать и двигать простыню, пока мы с Томом изобретали способ передвигать ее по кровати. Мы подкладывали ей подушки для удобства, рассказывали анекдоты, смеялись, плакали и делились самыми сокровенными тайнами. У нее случались прорывы, о которых я не стану тут писать. Она вспоминала своих самых сокровенных и темных демонов, тех, которых загнала так глубоко в свои кости.

Все эти месяцы я приходила к ним около семи утра и уходила к полуночи. Том в одиночестве нес ночную вахту, почти не имея возможности спать, ведь именно по ночам она металась, заново переживая свое болезненное детство. Он просто никогда не спал, и я смотрела, как его кожа становится сначала бежевой, а потом серой. Мы были убеждены, что Пэм выживет, но на его счет я уже не была так уверена.

Мы наняли нескольких сиделок, чтобы у каждого из нас хоть иногда бывала передышка, а когда у Тома бывали семинары, к Пэм приезжали ее ближайшие друзья. Один за другим все те, кого она любила, получили ценное время наедине с ней. Поразительные жители нашего острова приходили и пели для нее, делали ей массаж, проверяли работу жизненно важных органов и причесывали ее. Наш друг, доктор, приходил к ней по вызову на дом.

Оглядываясь на то время, я вспоминаю, что она два года жила с раком костей, не принимая никаких болеутоляющих. Она ничего не принимала до самых последних недель своей жизни. Том снимал ей боль звуками и энергетическими практиками, которые он проводил усердно, с любовью и юмором.

Однажды утром я пошла к ним пораньше и обнаружила, что Пэм сидит с самой чудесной теплой улыбкой, какую я когда-либо видела. Пэм была радостной, веселой и голодной, чего я уже давно не видела. Она съела целую порцию жидкой еды и попросила добавки.

В то утро многие друзья пришли ее навестить, и она приветствовала каждого той самой улыбкой, от которой становилось светло даже в самых темных уголках души. Но тем утром что-то было необычно. В ней проявилась сила, уверенность в себе, какой я раньше никогда в ней не видела. Она говорила нам, чего она хочет, и как именно это надо сделать. Тем утром ей было все равно, чего хотят окружающие. Она знала, чего хочет она.

Том вел семинар в Калифорнии и должен был вернуться в тот день вечером, и я не могла дожидаться, пока он приедет и увидит эту новую сильную Пэм.

Я искупала ее и помыла ей голову, и мы смеялись над ужасающей смехотворностью ситуации – она сидела в инвалидном кресле, а я поливала ее голову водой, сидя на краю ванной, и я была мокрее, чем она.

Моя дочь Дженнифер заскочила навестить ее. Я уже не помню, что Дженнифер хотела сделать, но я это не одобрила и выдала ей обычную «материнскую беседу», рекомендуя ей мое видение ее будущего, которое, конечно, отличалось от ее.

Когда Дженнифер ушла, все как будто одновременно исчезли. Взрослые дети Пэм поехали в город, и мы с ней остались в доме одни.

– Ты должна отпустить своих дочерей, Джуди. Ты должна позволить им принимать собственные решения, – сказала Пэм, наклонив голову и щурясь на меня.

– Я знаю, – сказала я, – но она ожидает, что я поступлю как мать-наседка. Я должна с ней не соглашаться.

Я попыталась отшутиться, но заметила, что воздух в комнате изменился. У него было то самое влажное присутствие, которое я однажды уже ощущала. Свет распространялся иначе; он казался влажным и напряженным.

Пэм не собиралась бросить эту тему.

– Слушай, я говорю серьезно. Ты должна отпустить. Они должны жить собственной жизнью. Отпусти Дженнифер. Отпусти Адрианну. Отпусти их.

Я думала, что уговорю ее оставить эту тему.

– Кто бы говорил, – засмеялась я. – Разве это не ты последние две недели не выпускаешь из-под наблюдения своего семнадцатилетнего сына?

Ее обращенный на меня взгляд был как облако, он поднимал меня, и я витала на нем.

– Это было вчера. Сегодня я все вижу иначе.

Мне показалось, что плотность воздуха изменилась. «Свет» в воздухе стал видимым.

– Ты должна отказаться от планов для своих дочерей. У них есть собственные планы. Ты должна позволить им строить их собственные планы.

Она не собиралась оставлять эту тему.

– У всех есть планы, – она посмотрела в окно, на блестящую на солнце воду. – Даже у моих сиделок есть планы. Все они хотят быть «единственной», которая улучшит мое самочувствие, или той, кто снимет боль. Все целители хотят стать тем, кто меня исцелит. Нет ничего плохого в таком плане, но это их планы, а не мои.

Мы вышли на одну из важнейших проблем в жизни Пэм. Она прожила свою жизнь, большую часть времени воплощая чужие планы.

– У моих сиделок даже есть планы на то, что я вижу, глядя в окно! – она рассмеялась. – Вчера я сидела у окна, глядя на воду. Моя сиделка спросила: «Пэм, на что ты смотришь?» Я ответила: «Я смотрю на блики на воде». А сиделка сказала: «Пэм, а что ты видишь, глядя на блики на воде? Ты видишь Бога?» – Пэм хитро улыбнулась мне и задрала верхнюю губу. – И я ответила: «Нет, я не вижу Бога. Я вижу свободу».

Тишина рассекла воздух, как нож. Мы были в какой-то важной точке, где-то левее последней звезды, приближаясь к бесконечности. Я знала, каким должен быть следующий вопрос, но не знала, наберусь ли смелости его задать. Не думаю, что кому-то из нас серьезно приходила в голову мысль, что Пэм может умереть. Она была в процессе исцеления. Просто у нее был кризис исцеления. Она приехала домой только для того, чтобы дать бедру зажить, а потом она вернется в клинику, завершит лечение, и после этого все будет отлично.

Но этот разговор перешел в мистическую фазу и звучал, как последние слова, и мне не хотелось об этом думать. Но, если это был ее последний разговор, а я не задам этого вопроса, как я буду жить потом?

– А у меня есть планы для тебя? – я закусила губу.

– Были, до поездки в Альбукерке.

– И какие же у меня были для тебя планы?

– Ты хотела, чтобы я осталась жить, – ее улыбка была похожа на молодой месяц, осветивший всю комнату. Пэм была единственной из моих знакомых, кто мог вот так наполнить комнату светом.

Моя рука дрогнула, когда я убрала с ее лица прядь волос, и на глаза у меня навернулись слезы.

– Я хочу танцевать с тобой на всех великих пляжах мира.

– Мы потанцуем, – ответила она.

– Что? В моем уме и в моем сердце?

– Да, в твоём уме и твоём сердце.

– А что случилось после Альбукерке?

Я незадолго до этого съездила в Альбукерке по инструкциям Хаторов, чтобы заложить столб для храма исцеления звуком, который мы там строили, и это стало для меня глубоким мистическим переживанием, в процессе которого мне пришлось признать свою силу, чтобы это смогло произойти.

– Теперь ты согласна позволить мне строить мои собственные планы, – ответила она с широкой улыбкой. – Слушай, – продолжила она, – не важно, проживу ли я 20 минут или 20 лет. Важен сам процесс.

Мне показалось, что меня перенесли в какой-то иной мир, о котором я раньше ничего не знала. Между окружавшими нас молекулами существовало явно осязаемое свечение. Воздух был влажным и создавал никогда ранее не виденную мной рефракцию света. Свет казался «влажным», и Пэм буквально светилась.

– Отдай своих зверей, Джуди. Найди хороший дом для Мишки Кола. Ты должна быть свободной, чтобы уйти.

Она закрыла глаза. Я спросила, не хочет ли она вздремнуть, и она сказала, что хочет, но боится, что проснется в слезах от воспоминаний детства. Я пообещала остаться с ней в комнате, и она задремала. Я села и начала записывать наш разговор. Я написала записку: «Не забыть сказать сиделкам, чтобы не давили на Пэм своими планами».

Пэм начала как-то странно дышать. Я бросила блокнот и встала рядом с ней. Я положила свою ладонь на ее. Казалось, что она вдыхает, но не выдыхает. Она как будто задерживала дыхание.

– Дыши, Пэм, – сказала я, и она выдохнула.

Глядя на нее и напоминая ей дышать, я вспомнила, как Том рассказывает о трех гунах. Он использовал дыхание в качестве примера, чтобы мы поняли роль каждой гуны.

Помнится, он говорил, что раджас начинает действие. Саттва поддерживает его, это точка продолжительного вдоха, почти задержка дыхания между вдохом и выдохом, и в этой точке живет большинство из нас, там нам становится слишком комфортно, там нам хочется остаться, там мы задерживаем дыхание. И еще есть тамас, завершающий действие. Это как выдох и вдох. Никто не хочет думать о разрушении, но без разрушения, без выдоха, как говорит Том, не может быть творения.

Я думала о трех гунах, слушая, как Пэм дышит. Она ярко светилась. Ее кожа излучала сверкающую красоту, и я никогда не видела, чтобы она выглядела настолько полной силы, даже во сне. Ее дыхание выровнялось. Но потом оно начало замедляться и стало поверхностным.

Я не знаю, почему я начала петь, но я пела мантру Тары, стоя рядом с ней и держа ее за руку. Если так выглядела смерть, то она была мощной, глубоко таинственной и полной покоя, и я не могла придумать ничего другого, как только петь для нее. И я пела ее песню, мантру Тары, и мне казалось, что я пою очень долго, хотя прошло всего несколько минут. Потом я подумала про Тома и стала гадать, как сообщить ему, летящему где-то в небе над Сиэтлом, что это, возможно, конец. Тогда я стала петь другую мантру, которая, как я надеялась, призовет его сознание. Но, закончив с этим, я вернулась к мантре Тары. Что бы ни происходило, это время было посвящено Пэм.

Я пела ее мантру, когда она перестала дышать, ровно 20 минут спустя после того, как она сказала, что неважно, проживет ли она 20 минут или 20 лет – ее процесс был окончен. Она была свободна, как блики на воде.

Остаток дня и ночи прошел среди наглых вторжений, возникающих, когда к вам в гости приходит смерть – похоронное бюро, полиция. Я хотела кричать о том таинственном месте, которое я только что посетила с Пэм. Я хотела, чтобы они узнали, какой мирной, спокойной и элегантной была ее смерть, какой мощной была она перед самым концом. Но все были заняты. Поздно ночью, измотанная и на грани истерики, я наконец вернулась в свой пустой дом. Я села у окна и заплакала. Это все, что я помню о нескольких последующих днях – что я сижу у окна в пустом доме и плачу.

Мы вместе прошли длинной и утомительной дорогой до конца ее жизни, смеясь и плача о таинственности смерти и оскорбительной непредсказуемости бытия. Процесс жизни, который мы вовсе не ценим, стал под конец таким драгоценным. Сила, которую можно было взять, была наконец взята, но слишком поздно, чтобы спасти ее жизнь.

Я чувствовала Пэм вокруг себя. Я чувствовала ее в себе. Несколько дней я чувствовала, что я и есть Пэм.

Люди приходили со всех сторон. Я не знала, куда себя девать. Я знала, что делать, каждый день в течение долгих месяцев. Я вставала рано утром и шла в дом Тома и Пэм, чтобы помогать ухаживать за Пэм. Без нее я потерялась, стала бесполезной, и было похоже, что для меня не найдется места в той новой жизни, в которую вовлекают Тома. Я никому не была нужна.

Однажды утром, когда я сидела у окна и плакала, позвонил Том.

Услышав слезы, он спросил, в чем дело, и я помню, как сказала ему:

– Я больше не знаю, кто я. Я не знаю, что делать. Раньше я знала, что делать. Я вставала утром и шла к вам, но теперь я не знаю, что делать.

Все это вырвалось на волю на одном дыхании, непрерывным стоном истощения и ужасного отчаяния от кажущейся безнадежности жизни.

– Нет, знаешь, – спокойно сказал Том. – Ты займешься тем, что мы делали до смерти Пэм. Ты сможешь мне донести мою работу до мира.

И я вспомнила, что я делала до того, как Пэм заболела. У меня была цель в жизни, у меня было важное дело!

Я могла бы написать много томов о последующих месяцах; это был учебник по чужим планам. Вы бы поразились, что наваливается на мужчину, чья жена только что умерла. Они приходили отовсюду, чтобы помочь ему. Мне было интересно, где все они были, когда мы действительно в них нуждались; но мой голос казался очень тихим в эти первые месяцы, особенно на фоне громких голосов тех, кто точно знал, что Том Кенион должен делать с остатком своей жизни. У всех были планы для Тома. Все знали, куда ему лучше переехать, где ему лучше проводить время, что поможет ему исцелиться, как должна выглядеть его скорбь, что ему нужнее всего, с кем ему лучше общаться, а с кем лучше не общаться (а именно – со мной). Я смотрела, как люди со всех сторон окружают его своими планами. Он разрывался от скорби по Пэм и ничего не видел за пределами парализующей боли от потери любви всей своей жизни.

Пока продолжался этот парад, я начала строить планы о переезде на восток. Я только что потеряла лучшую подругу, и было похоже, что скоро потеряю и лучшего друга, и я просто не могла смотреть на то, как это происходит. Том совершенно не осознавал того, что происходит вокруг него, его тянули туда и сюда, а его горе было так велико, что он просто ничего вокруг не видел. Это был зыбучий песок, а он не мог найти сил, чтобы попытаться выбраться наружу, и вместо этого кидался к каждой палке, которой махали рядом.

Чем больше я планировала переезд, тем грустнее мне становилось. У меня была собственная скорбь от потери Пэм, а также утраты «Пэм и Тома». Безнадежность окружила и затопила меня. Я чувствовала себя потерянной во всех процессах, происходивших вокруг Тома. Он только что потерял жену. Я не была ему родней. Я понятия не имела, каково мое место в этом водовороте.

И вот я снова оказалась на дне, не зная, откуда придет следующий глоток воздуха. Некоторые события заставляют встать на колени, а если вы не верите в бородатого старого Бога, кому вам молиться?

Я не могу сказать, что получила послание, или что «свет» явился и сказал мне, что делать. Я просто сдалась и отправилась к Матери. Метатрон всегда говорил мне, что я обладаю некоторыми способностями, которые тщательно стараюсь не замечать, и одна из них, по его словам, это способность призывать. И, хотя я думала, что это невозможно, я опустилась на колени и попросила о помощи. Это все, о чем я просила; я просила только о помощи. Практически мгновенно вокруг меня начали разворачиваться мистические события. Каждую ночь, когда я погружалась в сон, ко мне являлась Изида. Она выходила вперед из круга древних женщин, одетых в плащи с капюшонами, так что я никогда не видела их лиц.

Она брала меня за руку, и мы неслись через клубы тумана, которые, как я догадываюсь, были иными измерениями. В конце этого «полета» мы оказывались в самых разных храмах. В каждом из этих храмов к нам подходила группа Жриц, и они брали меня за руку. Пока Изида ждала, они окунали меня сначала в один бассейн с маслом, а затем в другой. Этот ритуал купания продолжался ночь за ночью, от храма к храму и от бассейна к бассейну. Меня всегда возвращали к рассвету. Постепенно моя кожа начала становиться

мягче, и мне кажется, что мой пульс стал быстрее. Я начала осознавать свое дыхание. Оно казалось более глубоким и громким, и я клянусь, что могла слышать биение своего сердца.

Однажды ночью они искупали меня, как обычно, и завернули, как мумию, в длинные полосы ткани. Потом они положили меня на ложе из огромных друз кристаллов, с дюжинами разных камней под точками моих чакр. Я помню, что мой «ум» подумал, что это должно быть больно – лежать на остриях кристаллов. Возможно, меня защищала ткань, в которую меня завернули, или то, как осторожно меня положили, но я не ощущала никакой боли. Этот процесс повторялся несколько ночей подряд. От ночи к ночи они меняли расположение кристаллов и камней под моим телом. Иногда розовый кварц был под моей сердечной чакрой. Иногда рубин был направлен снизу на мою горловую чакру. Иногда огромный сапфир пронизывал снизу мое сердце.

А потом однажды ночью, когда я лежала в постели, по полу начал струиться густой туман, и мне показалось, что с этим туманом струится огромная кобра. Почему-то меня это не напугало, хотя я помню, что подумала, что должна была бы испугаться. Она заползла под простыни, переползла через одну ногу и вниз под другую, а потом обратно, снова и снова, держа меня как бы обернутой в ленту Мебиуса. Потом она поднялась высоко надо мной и расправила капюшон, все еще контролируя мое тело.

Я никому не говорила об этих еженощных визитах Изида и компании.

Я заметила, что стала иначе себя вести, когда мне звонил Том. Я поймала себя на том, что при разговоре с ним наматываю на палец телефонный шнур, глядя в пространство. Однажды я покраснела и начала беспричинно хихикать.

Люди, говорившие Тому, что он должен делать со своей жизнью, начали меня раздражать. Я стала вести себя с ними резко. Я им не доверяла. Я видела их планы и начала беспокоиться, что и у меня они есть. Я старалась оставаться ему другом, не важно, чего мне это стоило, беспристрастно, без личных планов. Уехать с острова и перебраться на восток – вот единственное решение, которое я видела для избавления от буйствовавших во мне эмоций. Я научилась сбегать, прежде чем станет больно, если это возможно.

Я звонила на восток, готовя своих тамошних друзей к моему предстоящему возвращению.

Однажды я отвезла Тома на причал парома – он собирался отправиться на соседний остров к целителю. Мы сидели в моей машине, ожидая, пока паром пришвартуется. Шел дождь – не обычная на острове морось, а настоящий ливень. Он добавлял атмосфере торжественности. Мы сидели и смотрели, как призрачный паром подходит к доку, скрытый дождем и сумерками, лизавшими сушу как дыхание дракона.

Мы сидели молча. Потом Том протянул руку, положил ладонь на мое сердце и сказал:

– Я даю тебе обет своей правды.

Я ощутила, как мое сердце затрепетало в ответ, и я положила руку ему на сердце и сказала:

– Я даю тебе обет своей правды.

Это величайшая из когда-либо данных клятв. Она помогла нам перенести все. Она держала нас, как канат. Когда я думаю, что ни за что на свете не смогу о чем-то ему рассказать, я понимаю, что не буду жить в правде, если промолчу. Когда я хочу пропустить что-то мимо и не говорить об этом, я понимаю, что просто не могу позволить себе этого, или я не буду находиться с ним в полной правде.

Несколько месяцев спустя двое старых друзей поехали на юго-запад, чтобы посмотреть, не снимет ли доза солнца нашу боль. По возвращении Том предложил, чтобы я не уходила в свой дом. Тогда я села поближе к его пианино, и он написал песню.

Когда я рядом с тобой, мне кажется, что я витаю в воздухе.

И я все еще удивляюсь тому, что мне это безразлично.

Когда я рядом с тобой, мне кажется, что я лечу сквозь бесконечный космос.

И чаще всего так бывает при виде твоего лица.

Что это за странное чувство?

Что за благословение снисходит с небес?

Не знаю, но мне хочется ворковать вместе с горлицами.

Может ли быть, что я просто влюбился?

А я написала стихотворение «Мне хочется узнать твой вкус так, как я знаю твои песни».

И я не могу и не хочу продолжать писать о нашей истории. Она слишком ценна, слишком волшебна, слишком мощна, чтобы рассказать это словами.

Теперь мы живем в моих детских мечтах, мы исполняем пророчества, которыми я ни с кем не делилась все эти годы.

Однажды экстрасенс побежал через запруженную машинами улицу, чтобы «передать мне сообщение о работе всей моей жизни». Это касалось Священного Союза.

Однажды в ресторане в Вашингтоне я почувствовала, что кто-то смотрит на меня через весь зал. Я краем глаза заметила, что он пишет записку на салфетке, а потом смотрела, как ее передают от одного столика к другому. Я знала, что она направляется ко мне, и знала, что в ней будет написано – то же, что «слова без голоса» сказали мне в развилке груши, когда мне было пять лет. А я потеряла надежду.

Теперь я иногда чувствую себя древней старухой, повидавшей на своем веку все, и воспоминания кажутся мне страницами в беспристрастной книге жизни. Я могу издали смотреть на них, но мне кажется, что они принадлежат кому-то другому. Я чувствую, что выработала иммунитет к истории своей собственной жизни. В конце концов, это просто еще одна история. А я слышала их все. И все они одинаковые. И все они разные.

Я знаю, каково это – сесть в машину по дороге домой, думая, что наконец-то находишься в безопасности после долгой ночи бегства от ужаса, и обнаружить, что снова смотришь в глаза пытке, а к твоему горлу прижимается острая сталь. Я слышала вопль и поняла, что он исходит от меня. Я задыхалась в агонии родов и не спала по много ночей подряд, когда бесценная малышка нуждалась во мне гораздо больше, чем я нуждалась в отдыхе.

И я снова и снова выбирала любовь.

Я вела долгую тяжкую битву с тьмой за душу мужчины и проиграла.

Я смеялась за ужином, делясь своей душой и лучшим красным вином с хорошим другом, который в ответ угощал меня изменой, продолжая гнаться за своими желаниями. Меня резали и клинками, и словами. Иногда предательство выглядит как ваш лучший друг. Иногда оно выглядит как ваш любовник. Это не называлось бы предательством, если бы вы могли узнать его заранее.

Я кричала от наслаждения долгими ночами экстаза, поднимаясь на высочайшие вершины мира в объятиях другого, и эти ночи мне никогда не забыть. Тогда я была ближе к Богу, к Богине, чем когда-либо в жизни.

Я строила планы на будущее своих детей, и я забыла, что у них могут быть свои планы и надежды. Мое уважение и любовь к Дженнифер и Адрианне растут день ото дня, ведь они учат меня силе и целостности. Отданная мной в приемный дом девочка нашла меня, и этот милый кусочек жизни заполнил пустовавшее место в моем сердце. Я ужасно сожалею, что у меня не хватило смелости вырастить ее самой, ведь только трусость заставила меня отдать ее. Она изысканно красива и телом, и душой. Она – Лора, и я люблю ее.

Я держала за руку свою умирающую подругу, а она сказала мне, на что похожа свобода. Она похожа на блики на воде в солнечный день, как будто ныряешь в алмазные брызги и становишься одним из них.

Я любила и жаждала любви так отчаянно, что позволила человеку бить меня, прижав спиной к двери, не имея возможности вздохнуть, или отвернуться, или изогнуться так, чтобы меня не настиг удар, а кулаки и кровь сплелись в паутину ужаса. Я молилась, и потела, и умоляла, и создавала намерения, и надеялась, и забирала свое, и жаждала, и верила, и знала. И я хотела умереть, найти свободу в бликах на воде в солнечный день, я хотела этого больше всего на свете.

А когда во мне не осталось ни дыхания, ни надежды, ангел сказал мне: «Ты только представь, каким чудесным окажется следующий. Если ты все еще жива – есть надежда. Помни, откуда ты пришла».

Я помню мир, где Существа плавают в синем море жидкой любви. Где самая прекрасная во всем мире Принцесса Фей носит венерины башмачки и долго и счастливо живет вместе с Джеком на амвоне. А лошади могут летать, и я тоже.

Я перестала верить. Но я никогда не переставала знать.

И как раз когда все вокруг меня умерли... а ведь есть много способов умереть... когда смерть другого толка сидела в углу и истекала слюной, требуя добавки, мой лучший друг положил руку мне на сердце и сказал: «Я даю тебе обет своей правды». А я дала ему обет своей.

А правда – это красота, как известно всем великим поэтам.

В мире, где существа пока что не плавают в синей жидкой любви, не существует сказочного «долго и счастливо». Но есть работа, которую можно сделать, и я нашла самый динамичный и быстрый путь к осознанию Бога как раз там, где и думала его найти. И я нашла свою Богиню, мать всего времени и пространства. Она возвращается сейчас, в начале конца времен. И если вы действительно слышите эти слова – что ж, этого достаточно.

Несколько лет назад я сидела в углу комнаты, где проходил семинар, и снимала его на видеокамеру. Том попросил каждого участника выбрать себе партнера и рассказать ему/ей историю своей жизни за пять минут. Прерывать рассказ запрещалось. То, что выходило за эти пять минут, и было историей вашей жизни.

У меня не было партнера, так что я выключила камеру и села так далеко от всех, как только могла. Я не хотела, чтобы кто-то решил, будто я слушаю их личную историю. Я даже попыталась слиться со стеной; я чувствовала себя такой заметной и одинокой в своем углу. Но не важно, как далеко я забивалась, я все равно слышала рассказываемые вокруг меня истории. Тогда я отвернулась и зажала голову руками, чтобы ничего не слышать, но рассказы вокруг меня стали только громче. Я подняла голову, чтобы понять, как это возможно. У меня не было логического объяснения тому, как это происходит. Потом я начала слышать, что говорят в дальнем конце комнаты, так же явственно, как и то, что сказано рядом, и снова попыталась спрятать голову в ладонях.

Я слышала все истории, рассказанные в той комнате.

Отец никому не позволял поднять меня, так что я лежал там несколько месяцев. Меня кормили, переодевали и клали обратно, но никому не позволялось держать меня на руках... Когда мне было три года, я так сильно заболел, что врач пришел и велел им отвезти меня в больницу... Я чуть не умерла... А потом она ударила меня и продолжала бить... Он придавил меня своим весом, а я чувствовала его на себе, и он так ужасно вонял, Господи, это же был мой отец... Она умерла, когда мне было шесть лет, и с тех пор меня никто по-настоящему не любил... Я потеряла отца, а он был единственным, кто меня на самом деле любил, и с тех пор мне так одиноко... Моя семья потеряла все во время пожара, у нас были только эти ужасные консервы, которые выдают из «банков продовольствия»... Когда мой песик умер, моя жизнь кончилась... Я все еще скучаю по маме... Я заработал миллионы, но не был счастлив... Я была так голодна, и мне было так холодно... Я всегда думал, что пришел сюда сделать что-то, но я не знаю, что это... И он бросил меня ради нее... И она бросила меня ради него...

Я зажала уши пальцами. Я боялась, что все знают, что я слышу их истории. А потом звуковые волны Космоса расступились. Раздался свист, как звук воздуха в гигантской морской раковине, как шум прибоя; мне показалось, что раскрылся портал звука, и я услышала все. Я услышала всех людей в этой комнате и жалобное перечисление всех историй начиная с начала времен. Они изливались спиралью из невидимого туннеля вокруг меня. Рождение, любовь, надежда, предательство, недоверие, злость, жалость, осуждение, потеря, радость, смех, слезы, пот, труд – во мне лопнули миллионы пузырьков-историй. Я услышала все это. И все это было единым. У всех нас была одна и та же история. Детали могут различаться, но это, как ни странно, одна и та же история. Мы – не просто одно Великое Существо, мы не просто божественно соединены на Универсальном плане. У всех нас есть своя глава в одной и той же истории. Мое сердце взорвалось и приняло в себя всех в этой комнате, всех с начала времен.

В глубине души я все еще та маленькая девочка, которая верила в любовь. Та, которая знала, что тайны вселенной хранятся в любви, которая может возникнуть между двумя людьми. Я та же маленькая девочка, которая знала, что в поисках Бога можно зайти дальше, если привлечь к себе партнера, пару, и если вы будете постоянно жить в полной правде, каждый день, в спальне, в уборной и в кухне. И я – та самая маленькая девочка, которая всегда верила, что, если у вас нет партнера, вы просто должны постоянно жить в полной правде с самим собой.

Не важно, проживем ли мы 20 лет или 20 минут. Важен только ежедневный процесс. На что вы тратите свое время? Может быть, это все, что у вас есть... эта минута... этот день. Предпочтете ли вы полежать еще десять минут в постели с тем, кого любите, или встанете пораньше, чтобы пробежаться? Улыбаетесь ли вы, выходя за дверь, или просто отворачиваетесь и уходите? Кто ваш Бог? Это тот страшный ревнивый монстр, который называет вас грешником? Милые мои, это не Бог. Это говорит патриархат; это или религия, или правительство, или недоразвитый инопланетянин! Это голос порабощения. Эта вероломная ловушка веками держала нас в плену, угрожая остракизмом и осмеянием, при помощи соединенных усилий окружающего нас невежества и лжи!

В моей истории нет никакой глубокой истины. Она не содержит алхимических процессов, правильное проведение которых сотворит любовь всей вашей жизни или просветление. Мне все равно, какими изысканными все мы кажемся, ведь я знаю, что в глубине души все мы хотим одного – чтобы кто-нибудь любил нас и позволил нам любить их.

Это – наш потенциал

«Время, как вы его знаете, кончается, и я получила разрешение самой Богини (точнее, сама Богиня попросила меня) раскрыть вам некоторые из наиболее тщательно оберегаемых тайн всех времен. Они открываются вам в надежде, что вы сможете вовремя подняться...

Вот почему я открываю вам одну из утерянных тайн – что Духу, мужскому началу, для возвращения к самому себе через путешествие в Материю требуется помощь женского начала, разума самой Материи.

Но с точки зрения солнечного, полного света мужского начала, женское начало несет в себе темную, влажную и опасную бездну. Солнечный принцип чувствует угрозу со стороны тьмы лунного аспекта. Но именно в соединении Солнца и Луны, в соединении Мужского и Женского принципов, в равновесии, в энергетическом балансе и достигается просветление».

Мария Магдалина

Однажды вечером, на ранней стадии, когда мы только начали очень осторожно разворачивать нашу новую любовь прямо среди планов других людей, мы с Томом стояли на краю обрыва. Мы стояли на волнорезе на другом острове. Это был трудный день, и монстры моря охотились на Тома. Сирены орали во всю мочь, и из-за их какофонии мне не было слышно шума прибоя. Они тянули его, заманивая в море, в глубину, и свет ослеплял его. Если что-то похоже на свет, это еще не значит, что это и правда свет. Я на своей шкуре выучила этот урок.

И он пошел прочь от меня. Он посто ушел, а листья пальм слегка покачивались в ночном воздухе; он оставил меня там, стоящей в одиночестве в темноте. Я оглянулась; везде виднелись костры, а рядом с ними сидели люди, пили и веселились. Я не хотела признаться, что мне было страшно одной идти домой через этот мрак. Гордость нещадно жалила меня. Я стояла одна на волнорезе на чужом острове; меня оставил там человек, отравленный паучьим ядом, из-за которого он сейчас не мог отличить тьму от света.

Со мной все в порядке. Я не стану просить о помощи! Мне никто не нужен! Я умею быть одна. Я довела это искусство до совершенства. Я люблю быть одна. Я хорошо с этим справляюсь. Я не знаю, как идеально строить взаимоотношения. Мне нужно этому научиться. Так что я сглотнула и позвала его обратно. А он не ушел так далеко, чтобы не услышать меня. И он выбрал вернуться. Для этого потребовались оба эти шага. Я выбрала позвать его. А он выбрал вернуться. В каждое мгновение, при всяких обстоятельствах, от самых простых до самых тонко сложными – все это просто выбор.

Я думаю, что в ближайшие годы перед нами встанет такая необходимость выбирать, какой еще никогда не было у человечества. Выбирайте свободу. Выбирайте любовь. А если у вас есть возможность создать в своей жизни полную, целостную и равноправную правду на всех уровнях – прошу вас, сделайте это. Правда на самом деле сделает вас свободными, а без свободы у нас нет ничего.

Мой Возлюбленный, я тебя обожаю. Пусть у людей на глазах выступят слезы (как они выступили у меня на глазах, когда я узнала о любви Магдалины к Йешуа), когда они прочтут, как я люблю тебя за то, что ты проявил желание пересечь влажную, темную и опасную пропасть, чтобы жить у портала женского начала, в Священном Граале, со мной. Твоя целостность и твоя честь сияют превыше всего, а твое пение эхом отдается в залах вечности. Благодарю тебя за то, что ты позволил мне быть и Инициаткой, и влюбленной женщиной. Для меня ты всегда останешься маленьким мальчиком, чье лицо я так и не забыла, зная, что он вырастет и будет играть на гитаре и петь. Тем, в ком я признала свою родственную душу. Ты поешь мое сердце. Твой голос – это голос Бога.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Дневники после Марии Магдалины

Нижеследующие дневниковые записи были сделаны в течение года, с того момента как мы получили «Манускрипт» и до его публикации. Мы чувствовали, что они будут здесь уместны, ведь они показывают процесс, происходящий в нашей жизни благодаря этим материалам и нашему обязательству жить в правде. Я вас предупреждаю! Это далеко не всегда красиво. Но это правда. Этот дневник описывает происходящее со мной в то время, как я живу, стараясь следовать этому учению.

Когда Магдалина заканчивала диктовать «Манускрипт» на прекрасном островке Оудиш, я перенесла мучительный процесс, и нам показалось, что этим важно поделиться, чтобы показать, что не всегда блаженство приходит первым.

Сначала мужчина и женщина сходятся вместе, и из их любви рождается дитя. В Священном Союзе всегда происходит процесс творения, всегда возникает третья энергия, а роды бывают болезненными. Но всегда есть и награда; возникает новая жизнь (это может быть ребенок, а может быть и энергия). В нашем случае, на свет появилась наша работа. Боюсь, что любовь всегда такова. Это процесс, как и вся жизнь, а вы знаете, что сказала Пэм – важен именно процесс.

Кстати, Том не видел, что я писала в своей истории, пока все не было закончено, и тогда я прочла ему ее. Когда я читала ему первую часть, о том, как я увидела лицо мальчика в автобусе, он склонил голову и прервал меня, сказав, что, когда он был ребенком восьми или девяти лет, его семья путешествовала на автобусе по Виргинии, по шоссе №1, и он увидел маленькую девочку в машине. Они смотрели друг на друга все время, пока машина и автобус ехали рядом, и он никогда потом ее не забывал. Это кажется маловероятным, но я верю в такие совпадения.

Помеха Для Полета

Первая дневниковая запись

Декабрь 2000 года, остров Оудиш

Буря продолжалась пять дней, а может и неделю. Моя буря продолжалась 14 дней, а может и дольше. Погрузившись в паранойю, я задавалась вопросом, не может ли быть, что внешняя буря была вызвана кипением и брожением, копившимися в моих собственных влажных глубинах.

Во внешнем мире море кидалось на маленький островок с силой, сходной с моим внутренним кипением. Ураганы и шторма бывают ужасны, но у них есть начало, середина и конец. Эта буря налетела, стала метаться и осталась; она и сейчас дует мне в спину, пока я пишу.

Поначалу она была ужаснее по ночам, и днем еще можно было как-то справляться. На полдороги она стала постоянной, и в нашем доме со стенами из известняка не было ни одного места, где мы могли бы укрыться от ее завываний. Мы подоткнули под дверь полотенца, чтобы прекратить скрежет металла и дерева по известняку, сходный с царапанием ногтями по грифельной доске. Но ветер все равно находил довольно щелей и вертелся в спальне, резонируя в трубах ванной и создавая звук, похожий на неопишемое пение баньши. Мы спрятались на первом этаже, в запасной спальне, и ветру пришлось поискать, прежде чем он нашел нас там. В Марсалфорне он в ярости разнес волнорезы и стал кидаться огромными валунами через улицу, целясь по домам на берегу, как в сумасшедшем кегельбане. Улицы были настолько завалены булыжником и мусором, что

проехать стало невозможно. Между Заббатом и Марсалфорном, у дороги, идущей по берегу моря, волны вздымались так высоко, что казались бирюзовыми на самой верхушке, когда превращались в пену, колотя по каменистому пляжу, а потом волоча булыжники и гальку в глубины, из которых они только что были извергнуты. Я никогда не видела волн, освещенных таким бирюзовым сиянием, и надеюсь никогда не забыть ни этого цвета, ни его причин, ни звука тысяч камней, которые волокно на берег, а потом обратно в море, с каждым ударом бирюзы.

В глубине души я сомневаюсь, что пришло время для публикации этих материалов. Я имею в виду, что у всех нас есть маленькие трещинки, залепленные замазкой, заштукатуренные, покрашенные красивым и приятным обществу цветом, покрытые половичка?ми, чтобы никто не мог заметить даже намека на то, что у нас не все идеально.

Произошел простой и невинный случай, но он проник в фундамент моего существа, нашел подходящую трещинку и начал процесс разрушения всего, что я (как мне казалось) знала, всего, во что я верила. Он разрастался до тех пор, пока все мое внимание не оказалось отданным болезненному копанию и изучению аспектов этой малюсенькой трещинки. Я пишу это не для того, чтобы сообщить вам детали этого очень личного происшествя, а для того, чтобы показать, как может происходить этот процесс, и чтобы не вышло так, что я разрушила фундамент своего существа только для себя самой.

Чего вы боитесь? Оно придет к вашей двери, если вы выберете путь Инициатов.

Я боялась предательства, я боялась быть брошенной. Я была в одном из самых безопасных мест на земле, в окружении людей, которые любят и ценят меня, но мои страхи все равно нашли меня.

Это не был страх перед ветром. Я просто восприняла его буйство как зеркало. И я, конечно, не утверждаю, что я создала этот шторм. Я просто спокойно отмечаю отражение его ярости. И я знаю, что ему, как и моей внутренней буре, настанет конец. Вопрос – что вызвало бурю? Отметил ли барометр перепад давления? Могу ли я определить, что изменилось в давлении окружающего мира и дало моей буре, моему внутреннему шторму, шанс показать себя, чтобы потом улечься и позволить мне вернуться к блаженному состоянию наших взаимоотношений?

Произошел совсем неприметный случай, но он нес в себе послание для меня, и оно прозвучало громче, чем должно было. Почему так вышло? Магдалина как раз передала нам информацию о том, как важно, чтобы пол женщины был прочным и безопасным, как ей необходимо знать, что ее любят и что она защищена. И я упивалась этой информацией, зная, каким сладким и ясным будет это сообщение для усталых ушей современных женщин. Я знала, что нам необходимо ощущать себя в безопасности, чтобы полностью расцвести. Мак выглядит совсем не так, если ветер колотит его о камни. Но поглядите на высокие маки, выросшие в поле, рядом с другими маками, под защитой других стеблей, без опаски глядя в лицо солнцу, при необходимом количестве влаги, света и тьмы. В такой среде мак полностью раскрывает свой потенциал.

Кто из нас получает довольно защиты и чувствует себя в безопасности настолько, чтобы полностью раскрыть свой потенциал?

В детстве мне сказали, что мне на долю выпадет все, что может пережить человек, чтобы, когда я начну говорить, мои слова исходили из опыта и были достаточно ценными. Было странно услышать это в пять лет, сидя в развилке груши. И я никогда этого не забывала.

Так что, когда я говорю о том, что вы не можете развиваться под давлением насилия, эти слова исходят из ужасного опыта. Я провела пять лет с очень агрессивным человеком.

Сначала насилие проявлялось постепенно; в противном случае я бы никогда не оказалась в подобной ситуации (по крайней мере, я пытаюсь себя в этом убедить). И сначала оно было по большей части словесным. Потом он начал систематически отрезать меня от друзей и подруг, хотя я не заметила в этом никакой опасности. Потом, когда я меньше всего этого ожидала, без всякой связи с каким-то спором или ссорой, он бил меня; часто я просто не могла поверить в то, что это произошло. Это унижает, деморализует, парализует; это почти свело меня с ума. Это гораздо больше, чем бесчестье. Слово «бесчестье» не описывает и сотой доли стыда и деградации, к которым приводит насилие.

Я изучала все аспекты каждого движения, которое я сделала перед тем, как получила удар. Что я сказала? Что я сделала? Я ничего не сделала. Неужели это мне приснилось? Мне было слишком стыдно, чтобы рассказать кому-то о том, что происходит. Я была слишком высокоразвитой, чтобы позволить подобное поведение, да к тому же (спасибо религии за эту идею) я наверняка была в чем-то виновата. В конце концов, мы же такие злобные существа, наполненные скверной и сотворенные в грехе и позоре.

Но эта ужасная связь кончилась, и я осталась жива. Между мной и теми событиями лежит много лет и много работы.

И вот теперь у меня самые поразительные, мощные, любящие и основанные на уважении отношения, о которых я когда-либо читала, не говоря уже о том, чтобы испытать их самой, а я чувствую себя напуганной, ничего не стоящей, ревнующей без причин, и вся моя неуверенность в себе переселилась в мою голову, преследуя меня и загоняя до изнеможения. И все из-за одного малюсенького происшествия.

Я должна была бы сказать вам, что «ничего не произошло». Никто ничего со мной не сделал. Просто у Тома была переписка по электронной почте, а я взяла это и начала экстраполировать. Я выварила это, препарировала, заново собрала, заострила, преподнесла всем голосам в моей голове и опубликовала свой доклад.

Я была ранена; возможно, смертельно.

«Но я смогу с этим справиться. Я Инициатка. Я живу фантастической жизнью», – логично говорила я.

Так что я попыталась положить маленький, почти незаметный половичок на эту ничего не значащую трещинку в линолеуме.

И тут Магдалина сказала: «Следующий уровень знаний связан с эмоциональной настройкой женщины-Посвященной, потому что ее восприимчивость зависит от эмоционального состояния. Это часть ее природы, и она не может быть обойдена, если вы хотите, чтобы эти техники были эффективны».

И она продолжила, как будто этого было мало.

«Женщине-Посвященной необходимо ощущение безопасности и любви, или, по меньшей мере, уважения. Когда оно есть, что-то внутри ее существа расслабляется и позволяет алхимии произойти. Алхимический процесс происходит при соединении Ка мужчины-Посвященного и Ка женщины-Посвященной. Когда они занимаются любовью, их тела Ка взаимодействуют, и это помогает женщине открыть свой Магнитный Пол».

Я замерла, а она продолжала говорить.

«Этот странный термин происходит из языка, используемого в Храмах Изида. Пол – это основание, на котором человек стоит. Когда мы хотим, чтобы что-то прочно стояло, мы

ставим это на пол. Словом «пол» в Храмах обозначали самый необходимый элемент. Так что когда я говорю «Магнитный Пол женщины», я имею в виду фундаментальный элемент, без которого никак не обойтись».

Легкий бриз превратился в ураган, море вспенилось, и мой половичок унесло порывом ветра.

Нечто более сильное, чем моя застенчивость, сорвало паркет, чтобы рассмотреть эту маленькую трещинку. Там, куда я хочу идти, нет места слабости, трещинам и страхам. Я знала, что в этом простом коротком тексте, переданном с такой мощью и ясностью, скрыты тайны веков. Я говорю «тайны», хотя любая женщина, прочтя «Манускрипт», скажет, что знала все это. Но нас так долго стыдили и заставляли молчать, что мы давно перестали доверять своему внутреннему знанию.

Изида и Метатрон подняли Магдалину с того ложа в душе, которое она делила со своим Возлюбленным, Йешуа, и попросили пойти и рассказать нам свою историю. А я постелила половичок, чтобы приветствовать ее. У меня есть только два обязательства. Одно – жить в правде с Томом, а второе – рассмотреть все свои неоконченные дела. Я призываю их к себе уже почти два десятка лет. Мне просто в голову не приходило, что у меня может быть столько неоконченных дел.

Бунт феминистки

Вторая дневниковая запись

Декабрь 2000 года, остров Оудиш

Этот материал был передан между Днем Благодарения и Рождеством 2000 года. Мария Магдалина впервые явилась нам однажды вечером, в Цюрихе, в маленьком отеле в старом городе. Она продолжала свои диктовки, пока мы пересекали Средиземное море, изучали землю Сицилии и наконец устроились жить на Оудише, меньшем из островов Мальты. Магдалина завершила работу, лично отредактировав свой текст слово за словом, вскоре после завершения описанного выше шторма, как раз перед Рождеством 2000 года.

Она выбирала каждое слово, прежде чем передать его через Тома, и говорила с такой мощью и ясностью, какой я раньше не видела ни у одного человека или духа. Она не выражала ни злости, ни сожалений, ни каких-либо других эмоций на всем протяжении диктовок, за одним исключением. Когда она говорила о своей любви к Йешуа как к мужчине, ее сердце трепетало. И я плакала каждый раз, когда она говорила, как сложно было принять роль Инициатки, к которой ее тщательно готовили, и все же оставаться женщиной, влюбленной в мужчину, ведь этому не может научить никто.

А он был мужчиной со своей миссией!

Сколько таких нам известно?

И то, что он должен был сделать, было важнее его любви к ней!

Сколько таких нам известно?

А в пересказе его вспоминают как Христа, Спасителя, Единственного Сына Божьего; а ее вспоминают как шлюху, хотя это она наполняла его силой!

Сколько таких нам известно?

И она, как неистощимый источник энергии, дала ему силу сделать то, ради чего он пришел сюда. И он сделал это, а потом ушел?

Моя маленькая трещинка раскололась в эпицентре, и к Рождеству раскол стал заметен всем, кто подходил близко.

Притворство Ба

Третья дневниковая запись

Декабрь 2000 года, остров Оудиш

Декабрь продолжал завывать над безлесными равнинами Оудиша, и холоден был не только воздух. Меня все еще преследовало ничего не значащее происшествие с электронной почтой. Это была простая и невинная переписка Тома со старой знакомой – но у этой знакомой были планы на Тома, и они включали нечто большее, чем простую дружбу. Она сильно задела меня и чуть не стоила нам наших отношений. Я не могла понять, почему она все еще появляется в нашей жизни, если предыдущий опыт вызвал такое глубокое страдание.

Священный Союз (как я хочу его видеть, как я считаю должным в нем жить) – это самый важный из происходящих в жизни процессов. Проверьте это логически! Если я – Бог, и мой партнер – Бог, то никакой бог вне нас (никакие практики, никакое поклонение, никакое существо, вообще ничто) не может требовать большей преданности, чем наша любовь. Священный Союз должен быть в сердце нашей жизни днем и ночью, он всегда важнее всего. Он должен существовать в полной правде. Нельзя заметать пыль под ковер. Нельзя прикрывать маленькие недостатки половичками. Если не считать его самым ценным и священным переживанием, он зачахнет и поддастся тенденции всех остальных отношений. Это правда, которую я храню в своем сердце. И с этой правдой не мог справиться ни один из известных мне мужчин, ни один из них не смог оставаться ей верен – и вот я снова пришла в точку истины. Я чувствовала себя ревнивой обиженной женщиной, не имеющей сострадания баньши. Я чувствовала, что даже выгляжу так. На самом деле я не думала, что происходит именно это, но моя уверенность в себе так низка, что я не поверила своей интуиции. Но если все не так, если Том и правда любит меня, зачем он общается с этой женщиной? Если он знает, что общение с ней заденет меня, то зачем продолжает с ней общаться?

Возможно, мне лучше уйти.

Со мной невозможно жить. Моя цена слишком высока. Я требую слишком многого. Я не делаю поблажек. После того, что я пережила, я больше не могу делать поблажек. Но кто на этой Земле сможет удовлетворить запросы немилосердно требовательной женщины, носящейся с картиной взаимоотношений, раскрашенной цветами из другого мира? И я уже не могу найти старых «цензоров» для своих мыслей и слов; уловки южанки покинули меня, и я могу говорить только то, что думаю. Богиня, помоги мне!

Возможно, мне лучше уйти.

Говорят, что именно на Оудише Одиссей семь лет провел в плену у нимфы Калипсо. Я здесь в плену. Мне некуда идти. Этот остров усеян полями и католическими церквями и населен самыми милыми и честными людьми, каких только можно где-либо найти, но побег отсюда невозможен. Я поймана здесь в своем урагане.

Возможно, мне лучше уйти. То?му это не нужно после всего, что он пережил. Ему нужен покой, а не мегера. А я мегера. Но я права. Я правая мегера! Вздох.

Ты хочешь быть права? Или ты хочешь быть счастлива? Но какую цену нужно заплатить за счастье?

Мы пошли на прогулку – на длинную прогулку. Настало время правды.

На Оудише у каждого фермера есть малюсенькое поле, может быть, акр, а может и пол-акра. Каждое из них достойно «огорожено» странными каменными стенами, насыпанными вручную, к которым поколение за поколением прибавляет постоянно

поднимающиеся на поверхность полей булыжники. Так что ландшафт раскрыт каменными стенами, как швами на лоскутном одеяле земли.

Я похожа на чайник, кажущийся спокойным и пассивным. Раньше, если что-то происходило (например, переписка по электронной почте), я начинала потихоньку закипать, и проходили годы, прежде чем пар вырывался наружу. Теперь я закипаю мгновенно и продолжаю кипеть. Я могу беспрестанно нудеть о чем-то, кажущемся слегка не на месте. Я не хочу этого делать, но не могу это изменить. Я не вижу других измерений, но не пропускаю обмен энергиями на этом плане. Наверное, я слишком много лет занималась политикой. Я не пропускаю почти ничего, что происходит вокруг меня на энергетическом уровне, и я заметила разницу в общении между мной и Томом с того момента, как я зацепилась за эту переписку. Он отдалялся от темной, влажной и опасной пропасти женского начала. Ее цена в эти дни была довольно высока. Она требовала полной преданности и полной правды, чего он, в свою очередь, требовал и от меня.

Мы начали говорить обо всем этом.

Я думала, что умру. Мне пришлось признать, что я ревновала к электронной почте. Я чувствовала, что меня не уважают. Я чувствовала, что меня задела электронная почта, что меня бросили ради электронной почты. Я думала, что умру. Когда вы «вскрываете» саму себя перед другим человеком и говорите о своих страхах, о своей ревности, о своих странностях, о том, что у вас непрочный пол – вы просто уверены, что он с этим не справится. Вы знаете, что ваши «заморочки» слишком уродливы, слишком жестко ограничены, чтобы кто-то мог их переварить. Кроме того, ваши заморочки наверняка воняют похуже тухлой рыбы! Никто на свете не может полюбить вас, узнав вашу правду.

Я боялась, что это выглядит, как будто я ограничиваю Тома, а по какой-то причине я не могу вынести мысли, что кто-то когда-то снова будет ограничивать Тома Кениона. Я отказалась быть такой, как люди, окружившие Тома после смерти Пэм и заявлявшие свои права на то, чтобы ограничить его!

Но Том не видит чужие планы так, как я. Он видит Божество, и Духов, и Существа из других измерений; он говорит с ними так, как я говорю с официанткой в ресторане. Я вижу чужие планы и политику, и мои провидческие способности распространяются только на окружающих меня людей. Я слышу то, чего они не говорят, и вижу то, что, по их мнению, скрыто от всех вокруг. Я вижу их настоящие мотивы, и я проклята тем, что схожу с ума от моих никем не оцененных способностей. Я видела смысл между строк послания, между слов письма... не того, которое Том отправил, а того, которое получил.

В тот день мы гуляли много часов, по полям и через стены, до самых Скал Дуэйры, головокружительной отвесной стены из известняка, вздымающейся на сотни футов над Средиземным морем. Я знала, что Том думает, как приятно было бы жить одному. Я думала, как приятно было бы жить одной. Это была работа!

Но наша любовь такая интенсивная! У меня от него дух захватывает!

Мы говорили об этом снова, и снова, и снова, и снова, и снова, и снова. Устав от ходьбы и разговора, мы повернули обратно. Возможно, нам пора расстаться.

И тут я заметила что-то, лежавшее на земле рядом с моей ногой. Это был кусок резной керамики, почти засыпанный песком. На нем был какой-то рисунок, вроде петроглифа. Мы с Томом остановились, чтобы посмотреть на это сокровище. Я наклонилась и стала выкапывать его камушком, и он поддался на мое давление. Мы нашли древний символ

одного из многочисленных Храмов Богини, усеивавших остров; возможно, это было послание о том месте, где мы застряли – любить или расстаться.

Мы чуть не рухнули на землю от смеха, когда стряхнули с него песок и обнаружили, что это не древний амулет и не кусок керамики, а покрывало от педали сцепления, брошенная в песок десятки лет назад. Наш древний осколок керамики был чьей-то покрывалом от педали сцепления!

Мы приняли это за великий знак и «поставили на нейтраль». Каждый из нас высказал свою правду. Мы стояли в лучах этого долгого дня; мы просто остановились. Мы пошли домой, просто держась друг за друга. Говоря по правде (абсолютной правде), никто никогда не заставлял мое сердце биться так, как Том Кенион. И он научится видеть чужие планы, а я научусь видеть другие измерения. Но если я никогда не увижу другие измерения – ничего страшного. У меня есть Том, который скажет мне правду о том, что там происходит. А если он никогда не увидит планы окружающих его людей – ничего страшного, у него есть я. И коль скоро он ценит мой дар и прислушивается ко мне, а я ценю его дар и прислушиваюсь к нему, у нас двоих будет целостное общее видение. Магдалина была права – необходимо, по крайней мере, ценить друг друга.

Преследователи

Четвертая дневниковая запись

Июль 2001 года, остров Парос, архипелаг Киклады, Греция

Меня многое преследует, и я задумываюсь о том, стоит ли давать этот материал миру в целом. Ответственность за издание такой информации так сильно давила на меня этой ночью, что сон не даровал мне своего покоя, и я оказалась за маленьким столом в нашей кухоньке, с палм-топом в руке, вызывая на бой всех москитов Киклад. Они маленькие, но очень хищные; они не жужжат и смертельно опасны в своем молчании. Их наверняка можно включить в список тех мелочей, которые умеют проявить себя.

Сознание Магдалины проявляется на земном плане, когда мы понимаем правду эмоций и физическую природу страсти и приветствуем возвращение женского принципа. Вы на своем пути можете столкнуться с некоторыми из многих лиц и голосов, утверждающих, что они говорят за Магдалину или даже «являются» ею.

Эти разные Магдалины рассказывают разные истории.

Некоторые глубоко уважаемые мной ченнеллеры получили историю, утверждающую, что она и Йешуа жили вместе, как супруги, но не имели детей. Другим сказали, что у них было много детей. Некоторые говорят, что Йешуа умер на кресте, и Магдалина продолжала нести учение в одиночестве. Другие говорят, что он не умирал на кресте, а жил с ней еще много лет, и распятие было просто трюком, давшим ему свободу, настоящим очковтирательством.

Кое-кто говорит, что он умер в Масаде, во время осады крепости. Другие говорят, что его могила находится в Индии. Новая версия говорит, что он похоронен на юге Франции, в Пиренеях. Некоторые данные ченнеллерами версии истории Магдалины утверждают, что она жила и преподавала в своей собственной школе мистерий на юге Франции, и именно там погребены ее останки. Другие говорят, что она упокоилась в Англии. Третьи утверждают, что не было человека по имени Иисус Христос, и что этот образ – смешение многих учителей того времени, отредактированных и слепленных вместе исключительно ради создания новой религии для успокоения масс под властью Рима.

Меня не беспокоят такие несовпадения, хотя, надо признаться, все было бы гораздо проще, если бы все они говорили одно и то же. Но все они говорят одно и то же о самых важных вещах – что этот Иешуа и эта Магдалина были супругами, и что церковь умышленно неверно перевела слово «шлюха», чтобы скинуть Магдалину со счетов, чтобы опозорить все женское начало этим клеймом, чтобы укрепить патриархат и дискредитировать страсть, чтобы, как говорит Магдалина, никто случайно не наткнулся на великие истины, скрытые в любви и страсти.

Для меня важно, что в «Манускрипте» заметна мощь ее слов и ошутима трансцендентная любовь, которую она вечно испытывает к своему Возлюбленному, Иешуа.

К тому же, данные ей практики создают поразительные перемены. В этом сомневаться не приходится.

Отстраняясь от восторга, вызванного ощущением мощного присутствия Магдалины, когда я слушала ее историю (часто обливаясь слезами) при передаче этого материала, я только теперь, несколько месяцев спустя, становлюсь способной делать то, что я делаю лучше всего. Я становлюсь адвокатом дьявола, сомневаясь в этом материале и необходимости издавать его в наши дни.

Она выбирала каждое слово с такой точностью. Она вернулась, чтобы рассказать свою историю и исправить несправедливость. Больше всего ей нужно было прояснить неверную информацию, ложь, которую насаждала церковь. Иешуа использовал язык, значение которого понимали лишь немногие, и который, будучи вырван из контекста, был использован в поддержку чего-то, противоречащего истинному смыслу его слов.

Простое общение, сидя с Мастером за стаканом вина и куском хлеба, превратили из того, что ему нравилось делать с людьми, в пожирание его плоти и распивание его крови. И церковь называет других язычниками?

И как мы можем избежать повторения этого? Как мы можем выбрать язык и сопровождающие комментарии, которые нельзя будет со временем использовать для искажения настоящего смысла этого текста? Способны ли люди понять и выбрать божественный Священный Союз? Или они решат, что это отличная инструкция для того, как использовать секс для обретения власти?

А как насчет роли Магдалины в свете феминизма? Не была ли она просто еще одной женщиной, отдавшей свою силу мужчине? В данном случае, она буквально отдала свою силу мужчине. Кто бы сделал то, что сделал он, без ее помощи?

Если вы думаете, что это инструкция для секса или история женщины, отдавшей свою силу мужчине, вы пропустили самую суть и не раскроете свой потенциал.

Это история того, что Мария Магдалина назвала Священным Союзом: внутренней алхимии, возможной в безопасности и взаимной отдаче Священной Свадьбы.

Мы были максимально разборчивы, выбирая слова, учитывая их долгосрочный смысл. Мы старались не использовать термины и жаргон, используемый в некоторых школах метафизики, надеясь, что они не будут поняты превратно, по крайней мере, при нашей жизни. Больше мы не можем сделать ничего, только создавать намерение правды и просветления.

Размышления

Пятая дневниковая запись

Декабрь 2001 года, остров Оркас

Прошел год после того, как Магдалина дала нам этот «Манускрипт». Она передала его за два месяца. За два месяца она рассказала все, чем хотела поделиться из своей личной

истории и своей жизни как Инициатки Храмов Изиды. В этой маленькой книжечке чудесно подобранных слов она также обучает всему, чему можно обучить, чем можно поделиться с теми, кто готов услышать эту красоту. Она дала нам некоторые из самых священных тайн Храмов Изиды и секретов экстаза, которые были у нас украдены. У меня ушел год на то, чтобы усвоить это и добавить то, что меня просили добавить; и я смиренно сделала это. Я работала с ее энергией в разных ситуациях, в одиночестве и с другими людьми, и я постоянно испытываю и буду испытывать глубочайшую благодарность за ее поразительную красоту, ее любовь, ее гений и ее мощь.

Я не знаю, что происходит с нами, с людьми. Мы рождаемся со всем, что нам может понадобиться в жизни. Мы рождаемся красивыми и гениальными. Мы рождаемся от Бога и полностью пропитанными Богом. Мы и есть Бог. Не существует Бога вне нас. Это не значит, что я лучше кого-то другого. Этот другой – тоже Бог! Вот в чем волшебство. Мы все являемся Богом. Мы все священны. Мы смотрим вокруг и видим достаточно земли и достаточно работающих людей, чтобы быть способными ощутить всех на этой планете. Мы видим достаточно избытка, чтобы позаботиться обо всех на Земле, обо всех зверях и всех тварях. И мы клянемся, что, когда вырастем, мы все изменим. А потом что-то происходит.

Мне повезло. Я росла в самых странных обстоятельствах, вдали от всех обычных влияний (кроме тех случаев, когда люди говорили мне одно, а я, учась у природы, воспринимала другое). Хотя люди говорили мне, что надо делать, у меня был противовес – природа, а она глубже, чем любой из известных мне людей. И я не могла увидеть «грех», в котором мы все якобы рождаемся. Я видела красоту, несмотря на то, что мне говорили окружающие. Я видела красоту в любви, возможной между людьми, и я не могла себе представить, что такая красота может быть злом!

А потом я отправилась в мир и страдала. И мое врожденное желание давать было встречено желанием брать многих из окружавших меня людей.

И вся боль, и ханжество, и шовинизм, и осуждение, с которыми я росла, были вызваны верой в Иисуса Христа! Я не ощущала красоты, исходящей от любви, которую люди якобы испытывали к этому Существо. Потом я стала расти в своей духовности и поняла, что он был Великим Мастером-Учителем, одним из многих, которые благословили этот мир своим присутствием, но он стал Великим Мастером, чье имя использовалось властями для создания религии. По иронии судьбы, Магдалина сказала: «...поразились тому, что Мастер помогает такой женщине». А поскольку я так воспринимаю христианство, какова же ирония судьбы в том, что этот материал был передан «такой женщине, как я»?

Страх полета возвращается

Завершающая дневниковая запись

31 декабря 2001 года, остров Оркас

Как раз когда книга проходила последнюю редакцию, мы с Томом столкнулись с еще одной «Помехой Для Полета», а поскольку она создала такие перемены и принесла нам такое глубокое понимание, мы решили, что обязаны поделиться ей. Вы должны понимать, что, когда вы вступаете в Священный Союз, под прекрасными розами могут скрываться острые шипы. Вы должны понимать, что мы каждый день работаем над этим. Мы живем в алхимическом горниле. Чем больше я понимаю и переживаю то, что Магдалина подразумевает под настоящим Священным Союзом, чем больше я в этом живу, тем больше меня поражает процесс, и тем большее уважение я испытываю к тем, кто смеет войти в эти катакомбы.

Случилась одна мелочь. Снова. Не произошло ничего такого. Но это произошло. Это было похоже на то небольшое переживание, которое заставило нас погулять по Оудишу, когда моя внутренняя буря оказалась сильнее внешнего шторма. Но когда один из партнеров делает что-то, что вредит другому, сознательно или нет, на это надо обратить внимание. Если это не вынести на свет и не рассмотреть, в конце концов это очернит врата любви – или через атрофию, или через революцию. Когда исчезает страховочная сеть безопасности, алхимия прекращается.

Том пригласил в свою жизнь человека, который, как я чувствовала, был для него опасен; он сделал это, не посоветовавшись со мной, не дав мне шанса предупредить его о потенциальной опасности, которую я «видела» в подобной встрече. Мое проклятие – умение видеть махинации окружающих, даже людей на улице.

Я вижу чужие планы. Том видит Божество. Вздох. Я считаю, что его видение – дар. Я слишком часто думаю, что мое видение – тяжкое бремя.

Когда он сказал мне об этом приглашении, мои внутренности свело. Мой желудок провалился в подвал, а сердце убежало за дверь. Я застелила постель, оделась, упаковала свои эмоции в чемодан и ушла. Я вернулась примерно на сорок лет назад, в свое детство. И поначалу я ничего не сказала. Я и правда попыталась подавить свои чувства. Я боялась, что они взорвутся.

Я решила, что мой разговор об этой конкретной Помехе Для Полета поначалу не будет высоко оценен. В конце концов, разве мы не поговорили об этом на Оудише? Так что я с тяжелым сердцем села и начала рассказывать о том, что стало происходить со мной из-за этого простого, но болезненного для меня действия.

Том просто пригласил в наши отношения кого-то, кого я расценивала как «потенциальную опасность». Это было невинное действие, и вряд ли кто-нибудь мог оценить человека, о котором шла речь, как опасного. Намерения были самыми добрыми. Но я «видела», что приглашение этого человека в нашу жизнь потенциально открывало порталы, через которые могли бы проникнуть и другие сущности. Магдалина в свое время называла эти сущности демонами.

Так что же это значит? Действовала ли я просто как ревнивая женщина? Или я была настолько чувствительна, что воспринимала даже тех, что был неосознанно опасен? Или я так цеплялась за власть, что не могла допустить в нашу жизнь никого, кто не соответствовал моим стандартам?

Мои увертюры на эту тему вызвали как раз ту реакцию, которую я и ожидала, и я начала паковать свои эмоции, готовясь захлопнуть дверь своего сердца. Том сделал то, что делает Том – он впал в оцепенение. И вот те магниты, которые, как правило, тянут нас друг к другу, перевернулись, а видели ли вы, что делают перевернутые магниты, когда их пытаются прижать друг к другу? Они отталкивают друг друга. Очень сложно говорить от всего сердца, когда тебя отталкивают, и когда ты знаешь, что отталкиваешь своего партнера.

Я села и поговорила с ним о том, что, по-моему, создало это действие, и как я почувствовала, что меня не уважают, когда он не поговорил со мной, прежде чем открыть дверь конюшни и выпустить наружу этого коня.

Он был шокирован моей реакцией. Естественно! Наверное, сначала я снова стала похожа на безумную. (Прошу заметить: я думала, что я права. Другими словами, я знала, что не сошла с ума, но опасалась, что он примет меня за дурочку. Я даже знала, что я права, по крайней мере, для меня, но я знала и другую великую истину... ты хочешь быть права, или ты хочешь быть счастлива?)

Я не могу описать, насколько жизнь в полной правде кажется опасной нашему сознанию. Когда вы начинаете говорить, вам и правда кажется, что вы сейчас умрете. В правде есть что-то ужасно страшное; в полной правде, не в чистенькой хорошенькой правде, а в правде, лежащей глубже всего остального, в правде, которую мы от всех скрываем.

И очень просто оставить все это и не говорить свою правду, не мутить воду. Я могла бы просто расслабиться и отпустить. Если бы я не заговорила на эту тему, у нас все было бы прекрасно – на поверхности. Но я знала, что так мы очутимся там же, где все другие пары на этой планете – вместе, но не по-настоящему, когда оба партнера зависят от того, что другой отказывается видеть правду. Вы можете думать, что так сильно любите другого и никогда не указываете на его или ее заморочки, потому что ему или ей это будет слишком больно. Но я скажу вам, что на самом деле больно – не указывать другому на его или ее заморочки. Это убивает, создает болезни и подчинение отсутствию роста и разочарованию.

В глубине души я знаю, что все эти мелочи, эти мелкие раздражители, эти пустячки, эти маленькие правдочки (когда ими не делятся в Священном Союзе) строят кирпичные стены, через которые в конце концов уже будет не перебраться. Если вы не делитесь своей правдой, то однажды утром проснетесь и поймете, что делите свою комнату с чужаком. Прочтите мою историю еще раз. Я ходила по этой тропке, и она не ведет к Священному Союзу.

Я хотела бы сказать вам, что мы нашли ответ сами, без посторонней помощи. Но на самом деле мы просили о помощи. Я сходила с ума; меня преследовал мой собственный образ как пугливой и ревнивой женщины. Я только что написала все это, признаваясь в своих страхах, а они появились снова! А я-то думала, что мы все это преодолели!

По правде сказать, в моем фундаменте была еще одна маленькая трещинка, и она заставила меня бояться за свою безопасность и за безопасность Тома.

Так что я заговорила с Томом о своих опасениях, и «наши магниты развернулись», как мы это называем, и обычно такое сильное взаимное притяжение стало нас отталкивать, и мы закрылись в своих опасениях. Я чувствовала себя задетой. Он был раздражен.

Мы отключились от всего и попросили о помощи. Возможность трансформации через взаимоотношения – это самый святой и уважаемый аспект жизни для каждого из нас. Каждый из нас выбрал это, и мы согласились продолжать выбирать взаимоотношения. Но мы застряли, и нам нужна была помощь.

Я знаю, что нам невероятно повезло, потому что у нас есть подобный доступ к помощи и наставлениям. И я хочу поделиться тем, что нам было сказано, именно потому что знаю, что не у всех есть такой доступ.

Нам объяснили, что то, «кто» мы есть, сформировано из нашего детства и множества жизненных переживаний. Мечи, с которыми каждый из нас приходит в наш союз, выкованы в огне боли после жаркой переплавки; мы отлиты и выплавлены из нашего опыта. Необходим не меньший жар, чтобы нас перековать, чтобы изменить то, кто мы есть, чтобы выжечь из нас Помехи Для Полета, как их называет Магдалина, чтобы удалить шлаки.

Я жажду этого огня, хотя должна признаться, что иногда боюсь такого жара, и мне помогло, когда нам сказали, что мы все делаем правильно, что это и есть тот самый процесс, и что наш опыт только показывает, на какой стадии процесса мы находимся.

Мы с Томом решили поделиться с вами этим отрывком из личного руководства, надеясь, что он даст ответы на некоторые вопросы.

«Ответ лежит в контексте алхимического процесса. Ты показываешь лицо ревнивой женщины или лицо женщины, видящей опасность?»

Это происходящий между вами процесс. Ты должна правдиво говорить о том, что переживаешь, и Том должен говорить правду о том, что возникает внутри него – конфликт это или гармония. Это два лица. Вы оба находитесь в алхимическом процессе, и вы все делаете верно.

Мы понимаем, что это очень сложная ситуация, и вы ищете ответ, который спасет вас от жара. Но жар необходим! В каждом из вас есть психологические схемы, которые вы можете называть негативными, или бесполезными, и они сплавлены воедино с позитивными схемами.

Ревнивая женщина связана с человеком, чувствующим опасность, потому что, производя сталь, вы связываете вещества, вы создаете сплав. И вас создало ваше детство. Вы берете мечи своих личностей и кладете их в алхимический горн, и никакой ответ не сделает это проще, кроме того, что вы должны понять, что вы находитесь в алхимическом процессе, в который вы вступили по собственной воле. Когда ваши мечи начинают плавиться, вам кажется, что вы теряете свою личность.

Но вы оба должны говорить правду о том, какое лицо у вас в данный момент.

Когда горн накаляется, и магниты разворачиваются, это оттого, что жар становится таким сильным, что он меняет саму структуру магнитов. Магниты возникают от внутренней поляризации каждого из вас. Вас притягивают поляризации друг друга. Это магнетизм, связывающий вас. Когда жар возрастает, магниты разворачиваются, и со всей силой, которая обычно тянет вас друг к другу, они отталкивают вас. Это временное явление; просто пройдите сквозь это; не делайте из этого никаких выводов. В вас есть часть, ищущая свидетельств, намеков на то, что вы на опасной территории, и что вам необходимо спастись. Но в эти времена нет спасения, есть только правда.

Поймите, что, находясь в Священном Союзе, вы находитесь в алхимическом процессе; вы ищете картинки, а когда картинки не совпадают, вы пугаетесь. Вы находитесь в алхимическом процессе. Когда жар нагнетается, и вы не можете больше его выносить, пойдите в другое место, где жар не так силен. Подождите и дайте миру остановиться; возьмитесь за руки, хотя в такие моменты вам меньше всего хочется прикасаться друг к другу; скажите правду о том, какое лицо проявляется теперь. Поймите, что высказанная правда ничего не разобьет.

Не позволяйте ничему встать между вами. Вы должны жить в текучей среде, где нет требований, так что, если жар становится слишком сильным, вы могли бы все остановить и пройти через процесс правды. Вы должны жить в свободно плывущей среде, чтобы вы могли погрузиться в таинство.

Когда женская природа нашла то, что она ценит, она становится яростной защитницей, желая любой ценой защитить свое сокровище. Ревность – это личина, проявляющаяся в процессе жизненных перипетий. Проблема не в самой ревности; проблема в том, что вы не говорите о своих потребностях. Риснуть – значит сказать правду, хотя есть вероятность того, что другой не даст вам того, что вы хотите.

Взаимоотношения похожи на игру в покер, когда все блефуют, заявляя, что у них карты лучше, чем у других. Когда вы вступаете в Священный Союз, все карты выкладываются на стол, чтобы оба партнера могли их видеть. Все, что всплывает на поверхность, просто выкладывается на стол; потому что ясность, когда два человека видят все карты, дает им возможность трансформации».

Позвольте подвести итог.

Всегда живите в правде.

Обстановка непременно накалится.

Не сдавайтесь. Купите покрывало от педали сцепления и положите ее на свой алтарь. Возьмитесь за руки и идите по горящим углям. Я вам обещаю, вы будете думать, что умрете. Но вы не умрете.

После родов Запоздалые размышления

Это история того, что Магдалина назвала Священным Союзом: внутренней алхимии, возможной в безопасности и взаимной отдаче Священной Свадьбы.

Мы не живем во времена света. Как говорит Магдалина: «Сейчас начало конца времен». Времени осталось мало, и нам открываются тайны, в надежде, что больше людей очнется и сможет совершить необходимые перемены.

Это напоминает мне историю о молодом человеке, гулявшем по пляжу. Он увидел вдали какие-то точки на песке и фигуру старушки, наклоняющейся, потом идущей к кромке воды, бросающей что-то в море и возвращающейся, снова наклоняющейся, поднимающей что-то и бросающей в море.

Подойдя ближе, он увидел, что песок усеян морскими звездами, оставленными быстро наступившим отливом. На пляже были сотни умирающих морских звезд и одна старушка, поднимающая одну звезду за раз, бредущая к воде, бросающая ее в волны, а потом поднимающая следующую.

Он поразился невозможности ее задачи и сказал: «Зачем вы это делаете? Зачем стараться? Вы не сможете спасти достаточно звезд, чтобы что-то изменить!»

Она бросила в море еще одну звезду и крикнула: «А для этой звезды я кое-что изменила!»

Как Магдалина сказала в своем последнем сообщении: «Делясь с вами своей историей, я осознаю, что ее поймет лишь горстка людей, но этого достаточно».

Делясь с вами «Историей одной женщины», я осознаю, что многие из вас будут критиковать меня. Некоторые будут мне завидовать. Некоторые будут навешивать на меня ярлыки и давать прозвища. Многие будут осуждать. Я решила уважить просьбу Марии Магдалины и включить эту часть в книгу, потому что я готова, не задумываясь, положиться на ее мудрость, и мое доверие к ней стало сильнее моих страхов.

Я желаю вам найти свою Священную Свадьбу, в гармонии, равноправии и экстатической приверженности с вашими партнерами и с самими собой.

Джуди Сайон

Джуди Сайон работала в области прессы и рекламы, а также была политическим консультантом. Кроме того, она была фотографом, ведущей ток-шоу и автором колонки в газете. Ее статьи появлялись в различных газетах и журналах. Она провела семь лет в школе мистерий со своим учителем «в ветре», и ее книги тех лет – «Последний вальс тиранов» (“Last Waltz of the Tyrants”), «Финансовая свобода» (“Financial Freedom”) и «НЛО и природа реальности» (“UFOs and the Nature of Reality”) – вышли на английском, французском, испанском и немецком языках. Ее интерес к традициям коренных американцев привел к пяти годам интенсивной учебы и практики со старейшинами нескольких племенных групп, включая хопи. Она читала лекции об НЛО и духовности и преподавала женские мистерии как в Северной Америке, так и в Европе. Вместе с Томом Кенионом она распространяет «Манускрипт» по всему миру.

Том Кенион

Том Кенион – музыкант, исследователь, писатель и психотерапевт, обладатель степени магистра в области психологии, имеющий более чем семнадцатилетнюю практику. В 1983 году он основал «Акустик Брейн Рисерч» (“Acoustic Brain Research”), чтобы исследовать влияние звука и музыки на сознание, так как понял огромный потенциал этого направления в своей целительской практике. В течение десяти лет он вел исследования мозга в области психоакустики (введенного им в обиход термина, обозначающего влияние звука на сознание) и разработал несколько психоакустических звукозаписей для повышения творческого потенциала, вдохновения и духовного просветления.

Он является автором книги «Состояния мозга» (“Brain States”) – высоко оцененного критиками руководства по использованию неосвоенного потенциала мозга. Он также является соавтором «Материалов Хаторов» (“The Hathor Material”). Его книга «Похитители сознания» (“Mind Thieves”) – фантастический роман о тонкостях взаимоотношений квантовой механики и сознания.

Том регулярно проводит по всему миру тренинги и семинары об исцелении звуком, сознании и духовном просветлении. Он вместе с Джуди Сайон распространяет «Манускрипт» по всему миру.

Часть вторая

Из книги Крайон «Великий Переход», ЭКСМО, 2009

О ТОМ, ЧТО ХОТЕЛА СКАЗАТЬ МАГДАЛИНА

ВВЕДЕНИЕ К ГЛАВЕ О МАГДАЛИНЕ, НАПИСАННОЕ ДЖУДИ САЙОН

Сейчас, обращаясь к вам, я буду говорить прямо, так как считаю, что настало время прямоты, особенно для нас, женщин.

Мне кажется странным, что слишком часто, когда по электронной или обычной почте мы получаем Письма, касающиеся рукописи Магдалины, они начинаются с фразы «Дорогой Том!». Такое впечатление, что я, Джуди, не участвовала в этой публикации, хотя авторы писем часто пишут о главе, написанной именно мною. В сущности, это история всякой женщины. Мое эго против такого отношения не восстает, но душе моей становится обидно, что женщину так легко сбрасывают со счетов. Я пытаюсь понять, отчего почти всегда в первую очередь обращаются к мужчине и только йотом вспоминают о женщине. Собственно, на протяжении всей книги разговор идет о восстановлении баланса и, особенно, о возвращении женственности. Однако те, кто пишет о том, как понравилась им эта книга (на самом деле, мы не получили ни одного отрицательного отклика), не обращают внимания на то, что в создании книги участвовала и женщина. Если мы не в состоянии оценить роль женщины в творении, то на что же нам остается надеяться?

Зачем я поднимаю эту тему, если она не затрагивает моего эго? Чтобы указать на очевидное: женщинам не только отводятся вторые роли. В мире, который считается современным, на них почти не обращают внимания. (Я бы рискнула утверждать, что за две тысячи лет мы почти не изменились. Наша эволюция не более чем видимость.)

Мне очень нравится материал, который Магдалина дала для этой книги. Это призыв к женщинам не оставаться безмолвными. Безмолвие убийственно. Оно может убивать через страшную простоту женщины, которая на протяжении долгих лет не раскрывает рта и в конце концов зарабатывает рак, который неизменно развивается в женской части ее тела. Устав от необходимости оставаться безмолвным, подавляя в себе все устремления, ее тело возопиет, требуя к себе внимания если не так, то иначе.

Вы на самом деле готовы молчать в то время, как весь мир начинает крениться вправо, и накренился уже так сильно, что начинает сползать в пропасть фашизма, а евангелические правительства и евангелические религии самого разного толка контролируют ваш каждый шаг? Фанатик остается фанатиком независимо от того, какому богу он поклонялся прежде.

Мы подавляем себя. Мы заботимся о мужчинах и душим свои устремления. Я слушала все до единого слова, что говорила Магдалина с тех пор, как по моей просьбе мы впервые связались с ней в 2000 году. И могу сказать, что именно, на мой взгляд, я слышала. Мужчины не сделают это за нас. Они не возьмутся за дело и не изменят все как надо. Несколько раз Магдалина говорила, что ее печалит, как легко и быстро женщины восстают друг против друга, обуреваемые ревностью и стремлением манипулировать людьми. Мы должны отказаться от этого. Мы должны подняться, чтобы нас сосчитали. И мы должны говорить правду — какой бы она ни была.

Важнейший урок, который я усвоила, состоит в том, чтобы говорить правду, невзирая на то, что подумают другие. Я уяснила это в священных отношениях с Томом, так как в какой-то момент мне пришлось не обращать внимания даже на то, что думает он, несмотря на всю мою любовь к нему. Мне надо было добраться до места, где самым важным было то, что думаю я — моя правда. И если за то, чтобы говорить правду, мне пришлось бы заплатить своими отношениями, я бы с готовностью заплатила эту цену. Это не эгоизм. И не следует, идя на поводу у религиозных заблуждений, путать с эгоизмом заботу о себе и стремление вернуть себе свою силу. Заботиться о себе и о том, чтобы вернуть себе свою силу, — и есть путь к мастерству.

Я слышу, как Магдалина обращается с просьбой, чтобы услышали женщин, читающих ее послание. Я слышу, как она просит каждую из нас говорить свою правду. Чего мы боимся потерять? Жизнь? Но в таком случае это означает, что мы не верим в жизнь, продолжающуюся за этой плоскостью существования. Если бы мы знали, на самой деле знали, что жизнь продолжается за пределами этой плоскости, чего бы нам было бояться? Потерять сознание? Если сознание продолжается после здешнего существования, то чего же нам бояться? Мы боимся потерять своих любимых? Но отчего они значат для нас столько, что их неодобрение пугает нас больше неправды?

Мой старый учитель говорил так: «Объясни это разумно, Мастер!» Он называл нас Мастерами. Он говорил, что мы никогда не осознаем, что мы добрые божественные существа, если других мы будем называть мастерами, а себя — нет. Еще он говорил так: «Оглядитесь вокруг. Рядом с вами нет ни одного человека, способного собой заслонить вас от пули. Так если они не могут умереть за вас, зачем же вы живете для них?»

Этот вопрос постоянно возвращается. Для кого мы живем?

Нами манипулируют наши правительства и наши религии, загоняющие нас во мрак страха. Страх проникает своими щупальцами в наш мозг, охватывая и опутывая его, не пропуская в него свет разума, не давая вам думать. Невозможно научить чему бы то ни было испуганное, беспокойное сознание. Все происходящее поддается разумному объяснению. При этом можно увидеть, как искажается информация, чтобы держать нас в подчинении и страхе. Ищите правду внутри себя и говорите ее.

На мой взгляд, Мария Магдалина дает самый красноречивый и умный материал из всех контактов, с которыми я работала с 1986 года. Том и я стараемся наиболее точно передавать ее высказывания, записывая их дословно. В конце концов, голос ее старались заглушить, и на протяжении последних двух тысяч лет о ней много лгали, ее использовали, чтобы снижать женщин и нашу страсть. Она утверждает, что время неведения и неравенства близится к концу. Да будет так.

ОТ МАРИИ МАГДАЛИНЫ

Я храню самые прекрасные воспоминания о времени, которое я провела во Франции. Там, в лоне (церкви?) St. Maries de la Mer приняли нас с моей дочерью Сарой. Там мы были в безопасности. А когда я направилась на север, туда, где сейчас находится Англия, чтобы укрыть Сару у друидов, я все время вспоминала Францию. Когда Сара выросла и стала женщиной, я выдала ее замуж и смогла вернуться во Францию. Я возвращалась туда много раз, рассказывала своим ученикам о тайнах, как я их поймаю, и следы моих путешествий сохраняются во Франции по сей день.

Когда в последние дни своей жизни я вернулась Англию, Франция оставалась глубоко в моем сердце. Знание о женских тайнах, если будет использовано должным образом, как я надеюсь, оно и будет использовано, станет живительным бальзамом для вашей Земли.

Возвышение женского в это время не означает умаления мужчины. Положение женщин следует поднять до равенства с мужчинами, и тогда в глубине человеческого сознания солнце и луна уравновесятся и появится великий вселенский гермафродит. С этой тайны слияния начнется духовное возрождение. Я молюсь о том, чтобы вы возрастали через внутреннее духовное возрождение. Этого я желаю для всей семьи человечества. И пускай исчезнут ложь, скорби и слезы прошлого. Да будет так.

7

ОРДЕН МАГДАЛИНЫ

В своей книге «Рукопись Магдалины» вы упомянули, что входили в состав ордена Магдалины и что этот орден был тайным. Почему он был тайным! Существует ли он сегодня?

Мое имя — Мария из Магалы — содержит географическое название области, из которой я родом. Магдала — географическая область. Так меня и звали. В нашем языке было принято давать такие имена. Например, Иисус Назарянин. По мере того как продолжалось дело Иешуа, вокруг меня образовался кружок женщин. Это были влиятельные женщины. Это были, в буквальном смысле, ученицы Иешуа, не принадлежавшие, однако, ко внутреннему кругу. Они признавали мою духовную власть и то, что я была носителем сокровенного учения Иешуа.

Он тогда не называл и никак. Мы были тайным сообществом. Когда, чтобы спасти жизнь свою и моего ребенка, я уехала во Францию, они остались. К *тому* времени они уже называли себя орденом из Магалы и существовали еще некоторое время, тайно передавая другим женщинам учение, которое я передала им.

При моей жизни не было монашеских орденов в их нынешнем виде. Наш орден представлял собой просто группу влиятельных женщин, следовавших Иешуа и за мною. Нас, включая меня, было тринадцать. Меня считали главной в этой группе, носившей неформальное название орден из Магалы. *Присутствовали ли они на Тайной вечере?* Нет, они не присутствовали на Тайной вечере, тайны передавала им я. Время от времени мы с Иешуа встречались с ними, однако собирались эти женщины, главным образом, вокруг меня. Эти женины имели финансовые средства и общественное влияние. При необходимости мы собирались тайно. Мы оставались (в сокрытии?) просто потому, в то время делалось так. Я бы сказала, что так происходит и сегодня. Мужчины занимают позиции в высшей власти, а женщины находятся за сценой. В известном смысле так делаются дела и по сей день. Поэтому сохранение ордена в тайне — а этот орден представлял собой неформальное собрание женщин — было культурной условностью.

Всякое значительное начинание, чтобы развиваться, нуждается в поддержке. Это-то и было целью нашего женского сообщества — оказывать поддержку ученикам Иешуа и культивировать его учение, чем должна была заниматься я.

Тех, кто был связан со мной, отбирала я сама. Они были достаточно развиты, чтобы понимать, чего я от них хочу. Они отдавали себе отчет в той, что эта работа требует от них помощи и преданности. Так что это объединение возникло по необходимости — созидать в вакууме невозможно. Нужны преданные люди, нужна группа. Тогда, при моей жизни, мы не называли себя орденом Магдалины. Тем не менее, мы понимали, что наша группа сформировалась благодаря моим связям.

Позже, когда я была уже далеко от этого мира, влиятельные женщины в поисках некоего центра, вокруг которого можно было бы объединиться, создавали различные группы — орден Магдалы, орден Синей Розы. При этом они исходили из собственных представлений о целях нашей работы.

Если в мое время и существовали «официальные» ордена, они выходили из храма Изиды (?).

Организации, которая бы работала с тех самых пор под моим руководством, не существует. Некоторые группы утверждают, что являются продолжением ордена, основанного мною, и что они подчиняются моим указаниям. На это я могу сказать следующее: мое учение получило известность. Это то поле знания, к которому есть доступ. Люди, обладающие влиянием, духовным влиянием, могут получить эту информацию и заняться ее распространением. Я уважаю это стремление. Однако что касается какого бы то ни было ордена, получающего непосредственно от меня какие-то указания... это не так.

8

ХРАМ ИЗИДЫ

Говоря, что единственным орденом, в который я входила, был храм Изиды, я имею в виду свою подготовку и миссию, возложенную на меня при посвящении в тайны Изиды.

Изучать тайны Изиды (мистерии Изиды) я начала в 12 лет под водительством своей матери. Поскольку мать моя была египтянкой, она хотела передать мне знание, которым обладала. Заниматься со мной она начала, когда мне исполнилось 12 лет и я стала девушкой. В восемнадцать я вошла в храмы Египта, чтобы продолжать обучение непосредственно под руководством жриц. Для моей матери это стало последним этапом. Она сделала, что собиралась.

Во многих отношениях я была, как вы говорите, «белой вороной». Я была еврейкой, но в то же время я получила образование и прошла инициацию в тайны Изиды, египетской богини. Кому-то это может показаться странным. Но взгляните на это так: в ваше время, если вы родились в образованной и обеспеченной семье, даже если вы придерживаетесь определенных религиозных убеждений, вы все равно имеете возможность получить образование за пределами вашей родины. Моя семья относилась к образованному и состоятельному кругу. В древности очень часто люди со средствами стремились посетить культурные центры, в том числе Грецию и Египет, равно как и другие области Средиземноморья. Мои родители происходили из Египта, поэтому-то меня и отправили туда учиться.

Во время обучения в Египте я прошла обряд посвящения в храме Изиды и, в рамках понимания того времени, установила прямой контакт с Изидой. Мне показалось интересным, что в чем-то Изида напоминала мне то, что раньше я узнала о Шехине (женском начале в иудаизме).

Шехина является выражением древней женской способности к превращениям. Она преодолевает препятствия и преграды. Она будоражит и выправляет равновесие в пользу женщины — при этом она представляет собой огненный аспект, а не нежное, мягкое присутствие. Шехина — грубая, огненная, исполненная вибрирующей мощи. Она никогда не имела физического тела. Она существует только как энергетическая субстанция, так же, как и Изида.

Таким образом, как видите, на своем личном уровне я пыталась, так сказать, установить равновесие культурного понимания, которое мне дали, включавшего в себя Шехину, трансформирующую женскую энергию, и то, что я узнала про Изиду в храмах и при непосредственном общении.

Непосредственный контакт с Изидой случился во время того, что вы называете медитацией. Нас учили проходить в окна сознания — вы называете это состояние измененным сознанием, — и сквозь эти окна сознания мы имели непосредственный доступ к Изиде или другим богиням. В каком-то отношении это напоминает то, что сегодня вы называете контактированием. Я тоже получала информацию от Изиды, но не говорила о ней и никому ее не передавала.

Единственным исключением было то, что во время испытания я рассказывала жрице о том, что испытывала при непосредственном контакте. Если информация, которую получала в это время жрица, совпадала с тем, что говорила я, испытание считалось пройденным. Если нет, это означало, что я не прошла испытание. Это единственный случай, когда мне приходилось делиться полученным.

Меня, юную еврейскую девочку, которая отправлялась учиться в Египет, и моя семья, и мои учителя считали «очень хорошей». Меня считали «птицей высокого полета», однако никто не предполагал, что, если можно так выразиться, Изида возложит на меня свой палец.

Поэтому я отправилась в Египет, только чтобы расширить собственное сознание и получить понимание другой культуры, в процессе чего я стала (ученицей) Изиды.

ЭМАНАЦИИ И ИНКАРНАЦИИ

Сама Изида никогда не имела полной инкарнации. Она была слишком умна, чтобы допустить это. Однако она инкарнировала собственные эманации.

Изида представляет собой трансцендентное энергетическое выражение женственности. У нее есть тело, но это тело существует в энергетической форме. Оно не физическое. Ее можно ощущать непосредственно в ее разных проявлениях — а их у нее много — в том, что египтяне называют Duwat (духовный мир). Сама она физической формы не имеет.

При встрече в Duwat она может предстать в форме человека, форме женщины, причем у этой женщины нередко бывают крылья. Вид, который принимает бог или богиня в мире Duwat, нередко меняется, имеет несколько аспектов и может предстать в разных формах, в зависимости от того, какой аспект выражается.

Поэтому в одних случаях Изиду видят любящей, питающей богиней, в других — у нее крылья, в третьих — она возносит контактера к высотам духовного чувствования. Если ее прогневали, она может явиться в виде огненного столпа. Изида может являться во многих формах, и какую она выбирает, зависит от ее настроения.

Она существует на чрезвычайно высоком уровне вибраций, что означает, что ее мир вибрирует с очень высокой скоростью. Это царство света. По мере того как вы опускаетесь в материю, скорость вибраций снижается, в физическом мире движение идет гораздо медленнее, чем в царствах света. Это простая физика.

Когда Изида, в ее сострадании или понимании, решает, что здесь, в царстве материи, необходимо ее присутствие, она может воплотить в человека свою эманацию, свой световой

фрагмент. При этом она никогда не воплощается вся, полностью. Например, когда Изида воплотилась в Марию, мать Иешуа, это было чрезвычайно мощное присутствие. Однако, тем не менее, это была всего лишь эманация Изиды. Поэтому Мария, Мать, была одновременно и Изидой, и самой собой.

Изида никогда не опустится из царства света до царства материи и до человеческой формы. Для этого она слишком мудра. Поэтому отдельная личность в которой может находиться фрагмент эманации Изиды, скорее всего, будет обладать глубоким чувством и связью с самой Изидой. Однако такому человеку я бы сказала, как важно понимать, что это не сама Изида, а только ее эманация.

Обладание эманацией может стать подлинным сокровищем, но в то же время создает много запутанных ситуаций: если кто-то решит, что он — воплощение Изиды, то такой человек находится в заблуждении. В человеке может находиться лишь небольшая часть, аспект Изиды. Таким образом, перед таким человеком оказывается задача: прожить свою жизнь человеком. Как ни парадоксально, эманация Изиды может проявиться и в мужском теле (и в таком случае ситуация становится еще интереснее).

Таким образом, может сложиться запутанная ситуация как для человека, обладающего аспектом этого божества, так и для тех, кто его окружает. И вот почему. В какой-то момент эманация становится «проводником» божественной энергии, и тогда человек начинает излучать свет и духовную силу, которые невозможно спутать ни с чем другим. Пребывая в резонансе с этой эманацией, люди, которые находятся вокруг такого человека, испытывают на себе воздействие этой энергетики, ощущая глубокое душевное волнение.

Вместе с тем уже в следующий момент действие эманации прекращается, и верх берет человеческая сущность. Там, где раньше был яркий свет, теперь тускло; на месте сострадания может возникнуть враждебность; на месте безупречности — манипуляция и так далее. Поэтому те, кто окружает человека, несущего в себе эманацию, могут оказаться сбитыми с толку. Ощущение смятения возникает из-за их же убежденности, что этот человек — воплощение бога или богини и просто не может сказать или повести себя неправильно. На самом же деле этот человек несет в себе смешанную энергетику.

Обладающий эманацией может быть сбит с толку в том случае, если он или она не понимает или не видит границ между чистой эманацией и искаженным человеческим естеством — иными словами, грубыми сторонами человеческой природы.

Если люди, окружающие, не в состоянии признать или понять двойственность энергетики такого человека, они сами отдают ему свою власть, веря в то, что все, что он говорит, — говорит Бог. Это опасное заблуждение.

Поэтому я считаю жизненно необходимым, чтобы те, кто обладает эманациями божественных признаков, признавали бы, что у них существует ограниченная территория, чтобы они знали, когда выходят из эманации, и чтобы они обладали безупречной духовной порядочностью, ставя окружающих в известность о том, что они вышли из эманации. Однако, к сожалению, так бывает далеко не всегда, поэтому люди из окружения такого человека обязаны принимать это во внимание и не рассматривать все сказанное им как слова «самого божества». Им следует различать и определять, когда говэриг эманация, а когда — человек.

И вот что я еще хочу сказать. Мы живем в огромной Вселенной, и мне удалось повстречать далеко не всех населяющих ее существ. Тем не менее, из своего опыта могу сказать, что до сих пор я ни разу не видела полного воплощения божества. Воплощается всегда эманация, поэтому те, кто встречает существ, обладающих эманациями, должны и обязаны об этом помнить. Дело в том, что часто личность, обладающая эманацией, отождествляется с этой эманацией и не отдает себе отчета в том, что у нее существуют и другие личностные качества. Полагаю, что эта информация имеет жизненно важное

значение, особенно в это время, когда многие божества отправляют в этот мир свои эманации.

Итак, я хочу еще раз повторить, что я только что сказала: я никогда не видела полного воплощения божества. Полагаю, что некоторые читатели сразу поймут, что я имею в виду. Однако для тех, кто не понял, скажу точнее. Мое высказывание относится ко всем существам, которых я когда-либо встречала. В том числе и к моему любимому Иешуа.

Он обладал четкой и мощной божественной эманацией. Когда эта эманация начинала говорить, содрогались миры. И в то же время, как у всякого, существующего с эманацией, у него были и другие аспекты. Иными словами, Иешуа был и Бог, и человек. Он переживал моменты сомнений, неопределенности и душевных страданий. Кому-то хотелось бы верить, что он всегда оставался ясным лучом света, непоколебимым и несомневающимся, и всегда уверенным в себе. Таким и на самом деле было его обычное состояние. Однако и у него бывали моменты неопределенности, когда ему казалось, что он в тупике. Как любившая его женщина и как его доверенное лицо, я бесконечно ценила те моменты, когда он делился со мной своим внутренним смятением.

И всегда он умел вернуться к чистому свету его эманации. Это всегда, и по сей день, вызывает у меня чувство (священного) ужаса. Для меня это остается одним из величайших его чудес — что он мог вернуться, оставаясь вечно верным собственной божественной эманации. Это и есть суть его духовного совершенства, которое я наблюдала.

ВОЗВРАЩЕНИЕ ИЗИДЫ

Когда я говорю о возвращении Изиды, я имею в виду два аспекта ее возвращения. Первый — ее эманации в этот мир, воплощенные в отдельных личностях. И в более метафорическом смысле — возвращение почитания женщины и выражение в этом мире качеств просвещенной женщины — это тоже происходит посредством отдельных личностей. Таким образом, сейчас и в грядущие годы в этом мире все больше детей будут воплощаться с божественными эманациями. Это уже происходит.

Среди детей уже посеяны зерна Humanity, через детей, обладающих божественными эманациями, среди которых есть и эманации Изиды. Поскольку эти личности влияют на окружающих, то просвещенные аспекты каскадом просыплются на человеческую расу. Родители просвещенных детей видят, как это интересно и нелегко. Сейчас на примере некоторых молодых людей вы наблюдаете, как сеют Humanity (создают человеческую расу) с божественными эманациями.

В отдельных случаях представители старшего поколения (т.е. не дети) вдруг обнаруживают в себе эманацию какого-то божества.

Здесь я хотела бы внести определенную ясность. Все существа обладают божественными эманациями, скажете вы. Но я говорю не о божественном, которое есть в каждом человеке. Я говорю буквально о воплощении какого-либо аспекта божества в теле отдельной личности. Это качественно иное явление. Подобные личности ярче, а их осознание обладает возможностями, которых нет у обычных людей. Влияние таких людей, которые ; уже живут в нашем мире, не проявится полностью I на протяжении еще лет двадцати.

Другой аспект возвращения Изиды, о котором я говорила, — метафорический. Это просто смещение культурных императивов. Этим я хочу сказать, [что время патриархата подходит к концу. Так надо. Несмотря на многочисленность и видимую глупость коллективного человечества, происходит определенный сдвиг в восприятии, и в грядущие годы мы увидим это с еще большей ясностью.

Люди осознают необходимость перемен — человечество должно изменить свой образ жизни по отношению к Земле - Земле как Великой Матери, Великой Женщине, - и это

отразится, если хотите, в отношении любых проявлений женского начала. Другой аспект такого метафорического возвращения Изида состоит в том, что все больше жен тип, и в особенности представительниц молодого поколения, станут брать в свои руки бразды правления — не спрашивая разрешения — они просто станут брать их в свои руки. Все больше мужчин, в особенности представителей молодого поколения, с радостью станут делить с ними свои полномочия, так как с непоколебимой уверенностью они будут осознавать, что, чтобы провести человеческую цивилизацию через нынешние времена, потребуется двое — мужчина и женщина.

9

ДА ВИНЧИ И ТАЙНАЯ ВЕЧЕРЯ

Картина «Тайная вечеря» кисти да Винчи - одно из величайших произведений искусства в истории человечества. Мои исследования дают основания полагать, что да Винчи принадлежал к группе людей, которая называлась Literati. Это достаточно мощная, обладающая знанием группа людей, объединяющая и мужчин, и женщин. Похоже, да Винчи - великий сторонник женской божественной энергии. Когда мы смотрим на эту картину, совершенно очевидно, что за столом, по правую руку от Мастера Иисуса сидит женщина, и сегодня все мы знаем, что это ты. В то время (да, наверное, и в наше время тоже) тот, кто сидел по правую руку от самого уважаемого человека, являлся вторым по значимости после самого уважаемого.

В то время не было видеокамер и фотоаппаратов, фотографии не было, фотографий тоже. Эта картина зафиксировала определенный исторический момент, и да Винчи изобразил свое видение этого события.

На мой взгляд, два обстоятельства сделали это возможным. Одно из них то, что он получил доступ к Хроникам Акаши. Он был таким гением для своего времени, когда мы смотрим на его работу, мы понимаем, что должно было произойти что-то из ряда вон выходящее, что дало ему возможность ее написать. Вторым вариантом состоит в том, что он был там и попросту сумел вспомнить это событие. Можно было бы объяснить, откуда у да Винчи взялось вдохновение, чтобы написать эту картину? Была ли Тайная вечеря подготовкой учеников Иисуса к продолжению Его дела? Если ты присутствовала на этом собрании, то какова была его цель? Что такое священный Грааль?

Да, я присутствовала на том, что называется Тайной вечерей. И я сидела справа от Иешуа, так как я, по его мнению, достигла больше прочих его учеников, и я получила от него самое сокровенное учение.

Да Винчи написал эту картину («Тайная вечеря») на основании Akashic records, так как на самом деле обладал высокоразвитыми духом и интеллектом. Он принадлежал к той достаточно многочисленной школе художников и философов, понимавших место женщины, культивировавших тайное знание, когда опасно было учить ему открыто, — как темное покрывало церкви затмило божественное женское начало во всех его формах. Поэтому и те, кто делился этим знанием, делали это завуалировано, обозначая присутствие женщины, но никогда не делая это открыто. Это знание о женственном, место богини, уходит корнями в язычество тех времен, когда церковь еще не заняла доминирующей позиции в цивилизации.

Чаша, которую использовали на настоящей Тайной вечере, была, как это ни странно, обычной глиняной чашей. На ней не было никаких украшений, и она совсем не походила на изображения изукрашенных чаш, созданных более поздними художниками. Люди стали верить, что эта чаша, священный Грааль, обладает чудесными свойствами. К сожалению, в

этом проявилась человеческая склонность — верить, что сила существует где-то вовне и что ею можно завладеть.

Настоящая чаша Грааля — женская утроба. В этот момент это была моя утроба, так как я зачала ребенка Иешуа. Поэтому есть определенная ирония и трагизм в том, что мужчины искали священный Грааль, когда он постоянно был с ними в женщинах, с которыми они встречались в жизни. И сейчас наступило время, когда с этим заблуждением может быть покончено и когда признают, что чаша Грааля — это то, что есть на самом деле, женское начало будет вновь восстановлено в своем прежнем положении, но не для того, чтобы женщина заняла доминирующую позицию, но чтобы восстановить равновесие.

Исходя из своих наблюдений, могу предположить, что импульс к этим переменам дадут не мужчины, но женщины, в особенности те женщины, которым хватает смелости, чтобы говорить свою правду и раскачивать лодку культуры и социума. Именно они становятся героинями нашего времени. И сейчас весь мир отчаянно нуждается в них.

Лично для меня то, что сейчас называют Последней вечерей, было особым событием. Я знала, что ситуация идет к какой-то развязке. Однако целью этого собрания была передача духовной силы. Когда Иешуа разломил хлеб на куски и передавал каждому его кусок, он передавал не только хлеб, но и определенный вид духовной энергии. Это была передача силы, и весь вечер был наэлектризован энергией. Так что, главным образом, это был способ передать силу. Он знал, что ему предстоит инициация через смерть.

10

ИЗВРАЩЕННОЕ УЧЕНИЕ

Как получившая от Иешуа сокровенное знание, я бы сказала, что со временем его учение было сильно извращено. Он говорил прежде всего о том, что в каждом человеке присутствует божественная сила. Это дар, данный всем людям, но это тот дар, о котором следует заботиться, его надо взращивать. Если его не беречь, плевелы невежества, узловатые и мощные корни человеческого негативизма заглушат его. И потому он постоянно говорил, что люди должны неутомимо возделывать сад собственной души.

Излагая свое учение, он использовал метафоры, так как, на мой взгляд, в душе он был поэтом и понимал, что метафоры подобны дверям, открывающим путь в душу. Поэтому, когда он говорил о вере размером с горчичное зернышко, он имел в виду, что требуется хотя бы немного веры. При этом он не был приверженцем слепой веры. Он считал, что вера должна приносить плоды.

Он видел, что в человеческом сердце могут возрасть семена любви, которые изменят мир. Он верил, что эта любовь исходит от отца и матери, так как даже свою молитву, которую вы называете Молитвой Господней и которую он читал на арамейском, он начинал с обращения к Отцу и Матери. Однако в переводе обращение к Матери было утрачено.

Это была молитва и к Великому Отцу, и к Матери, при этом молитва должна была идти изнутри. Он верил, что живое божество существовало внутри человека, поэтому, когда вы молитесь отцу и матери, вы молитесь отцу и матери внутри себя, и уже изнутри человека молитва восходит к более крупному аспекту. Внешне кажется, что человек молится кому-то, кто находится снаружи, однако на самом деле это была молитва, обращенная к самому сокровенному аспекту в душе человека, к аспекту, выходящему далеко за рамки личности этого человека.

Иешуа унаследовал древнее понимание и традицию равновесия между мужским и женским, поэтому и молясь он обращался и к Отцу, и к Матери. Не он пришел к концепции Троицы, в которой отсутствует женское начало. Эта концепция была создана позднее личностями, извратившими учение в собственных корыстных целях. Сегодня, в это время,

ошибки могут быть исправлены, истина воссияет и с ложью последних 2000 лет будет покончено. Да будет так.

Почему было нарушено равновесие между женским и мужским?

По-разному можно относиться к похищению божественной невесты — «затмению» «патриархатным» укладом божественного женского начала. Без всякого сомнения, великие матриархатные культуры, распространившиеся в свое время по Средиземноморью, Европе и проникшие в Африку, сильно пострадали при падении Рима. В последовавшем хаосе попытка объединить различные и конфликтующие религии стала актом политического отчаяния. К большому сожалению, и историю это не красит, когда Константин предпринял попытку решить эту проблему, он сделал это без участия женщин. Но это как раз свидетельствует о том, как глубоко было отторжение женского уже ко времени Никейского собора. С того времени умаление роли женщины в том, что представлялось как учение Иешуа, стало нарастать.

Трагедия этого, с моей точки зрения, состоит в том, что представлявшееся учением Христа на самом деле далеко отстояло от его изначального понимания. А на протяжении последующих двух тысяч лет его учение использовалось в качестве прикрытия для стяжания власти на земле и манипуляций. Сейчас, когда мы входим в новый временной цикл, это непонимание можно исправить, и искажения человеческого духа могут быть исцелены.

Зачем нужны были эти две тысячи лет? Зачем надо было затмевать материнское начало? Пешему женское начало во всех его проявлениях оставалось настолько приниженым?

У меня нет точного ответа. Может быть, таков был временной цикл. При этом меня радует тот факт, что реализация цикла преобладания патриархата и угнетения женского близится к концу. Божественное женское восстанавливается в сердцах и умах женщин и мужчин, которые достаточно развиты и храбры и число которых растет.

И вот, я смотрю на искажения последних двух тысячелетий, допущенные в учении моего возлюбленного, как на пыль, которую следует смести с живого храма человеческого духа, и пусть ни один мужчина и ни одна женщина не встает между вами и вашей собственной божественной природой. Да будет так.

11

ВОЗВРАЩЕНИЕ БОЖЕСТВЕННОГО ЖЕНСКОГО - БОЖЕСТВЕННОЙ ТЕБЯ

Я верю и жду, что божественное женское выразится в сердцах, умах и действиях женщин. Я не говорю о том, что она — великая космическая мать — сойдет с небес. Я говорю, что она проявит себя в жизненном выборе, который делают сейчас женщины и который они будут делать в грядущие годы.

Это возвращение женственного будет выражаться не только через женщин, но и в действиях мужчин. Так как мужчины точно в той же мере являются жертвами нарушенного равновесия, что и женщины, хотя, конечно, при поверхностном взгляде, именно мужчины держат в своих руках бразды власти. Однако, держа в своих руках «вожжи» только с одной, мужской, стороны и отказываясь делить власть с женщинами, мужчины наносят себе вред. Поэтому возвращение божественного женского проявится также в умах и сердцах мужчин. Они поймут — те из них, кто достаточно развит, чтобы понять, — что они не могут и дальше жить так, как они жили, и что Великая земля, та самая Великая Мать, на которой они живут, пострадала. Таким образом, отчасти возвращение божественного женского состоит в

изменении отношения к Земле, так как на самом деле Земля является женским аспектом в коллективном сознании человечества.

Как можно объяснить, что возвращение божественного женского вовсе не предполагает «захват планеты женщинами»? Похоже, что именно этот страх глубоко засел в сознании многих мужчин.

На бессознательном уровне многие мужчины, находящиеся во власти, не хотят и боятся возрастания доли женщин. На самом базовом уровне это имеет отношение к борьбе за выживание. Мужчины, занимающие высокие посты во власти и экономике, рассматривают как угрозу возможность женщины получить такой же статус и уровень доходов, как и у них. Может быть, на глубоком подсознательном уровне у некоторых мужчин рост влияния женщин ассоциируется с образом женщины — горгоны Медузы, размахивающей мечом и в своем гневе способной их уничтожить. И хотя это тоже может быть одной из форм женского, проявляющейся у некоторых женщин, тем не менее, это никак нельзя рассматривать в качестве универсального выражения божественного женского начала.

Божественное женское стремится к равновесию со своим божественным vis-a-vis. Стремление к отношениям с ним коренится глубоко в ее природе, поэтому мужчинам нечего опасаться возрастания роли женщин. На самом деле, я подозреваю, что они почувствуют себя намного более свободными, когда им не придется одним нести на своих плечах ответственность за весь мир — такое огромное заблуждение.

Существует и другой, более глубокий аспект, о котором я говорила в своем труде под названием «Рукопись Магдалины». Он состоит в том, что мужчине труднее всего бывает отделиться от своей матери, так как в ранние годы своей жизни он сильно от нее зависел. Эта подчиненность запечатлена в его психике. Каждый мужчина должен найти для себя свой способ преодоления этой зависимости. Каждый мужчина должен сам решить, как он сможет отделить женщин в своей жизни от матери, с которой он был в детстве. Поэтому возрастание роли женщины до равновесия с мужчиной — на самом деле такой многосложный процесс. Он затрагивает все уровни вашей культуры и психологии. Мужчинам, которые хотели бы знать, что означает равновесие женского и мужского, я бы сказала: это означает новый тип свободы и конец заблуждениям, коней изоляции, конец необходимости мученичества и рождение нового мира, мира, в котором стоит жить.

12

МОЛИГВА, БОГ И СОЗНАТЕЛЬНОЕ ТВОРЕНИЕ

Великий отец/мать Бог - безличностная сущность - это творческая сила, действующая независимо от человеческого сознания. Это вечно развивающийся процесс космического творения. Это происходит благодаря основному творческому напряжению между тем, что можно было бы назвать мужским полюсом сознания и женским полюсом сознания. Это участвует в творении, поддержании и разрушении всех космических форм. Оно не помнит и не интересуется отдельными человеческими личностями. Это не то сознание, к которому можно обращаться в молитве, так как это - не личность. Это сам процесс созидания.

Этот процесс созидания творится и в большом космосе, и на уровне отдельных существ, населяющих Землю, в том числе и на уровне человека, — собственно, на любом уровне, вплоть до частиц, которые вы сейчас называете атомами и элементарными частицами. Таким образом, отец/мать Бог воплощается в вас.

Иешуа понимал, что с этим аспектом матери/ отца Бога можно находиться в общении. Но давайте в нашем рассуждении, чтобы избежать недоразумений и споров, не станем

употреблять слово «бог»/«Бог» и теперь станем называть это «творческим началом». Это «творческое начало» существует в вас очень глубоко. Оно дает вам возможность дышать, вашему сердцу — биться, вам — понимать мои слова. Эта творческая сила существует на каждом уровне вашего организма, от мельчайшего атома до молекул, из которых выстроено ваше тело, органы и даже ваш мозг, ваш умственный опыт в этом мире. Все это, все, из чего вы состоите, представляет собой проявление этого творческого начала.

Ваши сестры и братья, люди, такие же, как вы тоже представляют собой неповторимое выражение все того же творческого начала. Таким образом, в переносном смысле, у вас одни мать и отец. Все сущее в мире, все растения, животные — все они неповторимое выражение все того же творческого начала, которое выразилось и в вас. Божественный дар, который принадлежит людям, — это возможность осознавать это творческое начало, эту живую божественную силу, которая и есть вы.

Поэтому, когда Иешуа говорил «отец/мать Бог», так он поэтически обозначал эту творческую силу. И он понимал, так как ему преподали древнее знание, что всякое творчество проистекает из союза противоположностей. Для Иешуа это творческое начало не было безликой силой. Он знал, что с ней можно установить связь, общение в святая святых собственной души. Он на самом деле понимал, что здесь, в святая святых своего «я», творческое начало становится очень личным. Таким образом, пройдя сквозь внутреннюю дверь. Иешуа вошел в союз с творческим началом, и оно реагировало на его устремления, которые он называл молитвой. Поэтому тем, кто в нынешние времена смущает искаженная интерпретация наследия, которую предлагает церковь, кому слово «молитва» кажется безвкусным, а слова «мать/отец Бог» вызывают отторжение, я скажу: замените слово «молитва» выражением «творческое намерение, воля», а выражение «мать/отец Бог» выражением «творческое начало».

Иешуа утверждал, что не обязательно молиться в храме — на самом деле это было бессмысленно, что связь с творческим началом — внутри. Это восстановило против него священство и в его время, и священство католической церкви. Поэтому они (церковь) сделали его своим верховным учителем и символом своей власти, но исключили при этом весьма важный аспект его учения, который состоит в том, что необязательно ходить в храм или в церковь — вас слышат не там, а в сокровенном уголке вашей души. Когда вы говорите с волей, вещи приходят в движение. Вы можете двигать миром.

Что ты понимаешь под «святыми отношениями»?

Святые отношения — это прежде всего те отношения, которые строятся на крепком основании правды. В этом мире это встречается очень редко, так как при таких отношениях исключаются всякая ложь и манипулирование. Два человека встречаются на одной и той же основе подлинности и открывают чистую правду друг другу и себе — правду и о своих прекрасных сторонах, и о собственных негативных качествах. И затем, в огне преобразований, осадок их несовершенства может переплавиться в более полное знание, и духовная сила вновь возвращается к ним в нескончаемом претворении осадка в золото, невежества — в просвещение. Этот процесс требует храбрости, чистоты, выносливости и отличного чувства юмора. Этот путь нелегок, но он — самый короткий путь, по которому можно добраться до Великой души, которой и является каждый человек.

Можно ли этого достичь? Зависит от самих людей. В каких отношениях они состоят, в сексуальных или платонических, роли не играет. Если хотите посмотреть, подойдет ли вам этот путь, завяжите отношения с человеком, равным вам. Поклянитесь говорить друг другу только правду и пройдите через ужасные последствия этой клятвы. Эти последствия ужасны, так как они пугают и так как они же возвышают. Это путь духовного воина.

Если бы ты могла обратиться к каждой женщине, которая живет в наше время, что бы ты ей сказала?

Каждой женщине я сказала бы так: найди в себе смелость, чтобы сказать свою правду. Богиня возвращается через сердце и ум каждой женщины. Через акт произнесения правды меняется мир.

Каждой женщине я бы сказала так: найди в себе смелость, чтобы открыть дверь. Не оставляй ее запертой! Я говорю о двери сердца, потому что в своем сердце женщина хранит «яростную» правду. Однако мир может измениться только тогда, когда эту правду говорят, когда ею делятся. Это и есть прикосновение богини. Женщин приучили молчать, просить разрешения.

В это время женщины, сумевшие обнаружить в себе достаточно смелости; (должны) разрешить себе говорить правду, скопившуюся у них в сердце, какой бы ни была эта правда — радостной или печальной, исполненной удовлетворения или ярости.

Эту правду надо выразить. Ее надо высказать. И если мы хотим изменить этот мир, чтобы он выжил, то эту правду надо выслушать. И здесь один уровень следует за другим.

Земля — как воплощение Космической Матери — говорит своими утратами, видами (животных), которые исчезают. Это ее правда.

Таким образом, существует определенная параллель между Землей и всеми женщинами. Может быть, что вы, как личность, не можете говорить правду за Землю. Но вы можете говорить правду о себе — вашу правду. И это голос богини — звучащий через вас. Наберитесь храбрости, чтобы заговорить. Вот что я сказала бы каждой женщине, которая живет в это время.

А каждому мужчине?

Каждому мужчине я сказала бы так: найдите в себе силы понести правду своих женщин. Вас приучили не слушать, не слышать и не признавать. Вы должны измениться. Ваш мир и вы сами на грани исчезновения. Держа в руках бразды правления и не отдавая ни одного повода (женщинам), вы ведете лошадь своей судьбы только в одном направлении, и вы не знаете, чем окончится этот путь. Не надо убегать от содрогающейся земли, когда ваши женщины говорят о своем гневе, так как само сотрясение может освободить вас, но только в том случае, если вы сумеете это вынести.

Слушайте и свое сердце; ответы на ваши дилеммы находятся не только в нашем сознании. Вас приучили не доверять вашим чувствам и не придавать им значения, но они играют существенную роль в вашей способности познавать. Поймите, что ваша жизнь — дар Земли, великой матери всего сущего в этом мире. Поймите, что то, как вы живете сейчас, наносит вред вашей матери. Если найдете в себе силы вынести правду своих женщин, эта правда освободит вас. Но если вы по-прежнему, как вы делали это все вместе, будете продолжать заглушать голос женщин, все пропадет.

Сила открывать новые миры красоты, изящества и света таится в маленьком выборе, который вы делаете. Самые невзрачные мелочи могут иметь самые серьезные последствия. Помните об этом. Цените мелочи, короткие мгновения вашей жизни, особенно в отношении своих женщин и Земли.

Возвращаясь к божественному женскому началу, что станет самой большой трудностью в ближайшие годы?

Что касается того, что обычно считают божественным женским началом, то главную роль будет играть правда. Возрастет потребность для каждого говорить свою правду, равно как и потребность оставаться в безмолвии, чтобы защититься, — две потребности, векторы которых направлены в противоположные стороны. Судьба планеты и, без сомнения, судьба человечества будут решаться в зависимости от того, какой аспект возобладает. Будут ли говорить правду? Или утвердится безмолвие?

Этот выбор будет делаться и на индивидуальном уровне, и коллективно. Каждый должен взвесить внутри себя, какими могут быть последствия от произнесения правды и какими — последствия молчания.

Скажем так: человечество и Земля в какой-нибудь форме выживут. Но если возобладают силы, пытающиеся «зажать рот» правде, в мире на много лет вперед сформируется тяжелая, негативно окрашенная ситуация, которая будет сохраняться до того, как, наконец, одержит верх правда, духовный свет. Поэтому, говоря правду — свою правду — в нынешние времена, мы ускоряем приход более высокой судьбы.

www.e-puzzle.ru

